

Нелли Шульман
Верьяминовы
За горизонт

Нелли Шульман

**Вельяминовы. За горизонт.
Книга вторая. Том пятый**

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. За горизонт. Книга вторая. Том пятый /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962463-5

Бурные шестидесятые годы подходят к концу. В Европе предотвращен крупный террористический акт, в СССР проводится тщательно засекреченный дерзкий научный эксперимент, а на китайской границе вспыхивает последний вооруженный конфликт десятилетия.

ISBN 978-5-44-962463-5

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть четырнадцатая	6
Гамбург	6
Западный Берлин	33
Париж	43
Часть пятнадцатая Прага, август 1968	87
Интерлюдия	112
Британия, август 1968	113
Лондон	114
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Вельяминовы. За горизонт

Книга вторая. Том пятый

Нелли Шульман

Иллюстратор Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2019

© Анастасия Данилова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2463-5 (т. 5)

ISBN 978-5-4493-8370-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть четырнадцатая

Европа, лето 1968

Гамбург

Иоганн Кампе заявил жене, что поездку на пароме в Германию следует считать их вторым медовым месяцем:

– Не только молодым гулять, – добродушно сказал Кампе, – нам пошел седьмой десяток, мы можем позволить себе отдых в каюте-люкс..., – до Гетеборга их довез сын. Получив в двадцать два года первое офицерское звание, Андреас служил в авиационных войсках:

– Он мог пойти в коммерческие пилоты, – вздыхала Грета, – но мальчику нравится армия. Ладно, Швеция нейтральная страна, у нас даже нет баз НАТО...

По словам Андреаса, истребители только патрулировали границы и проводили учения на крайнем севере. Прощаясь с сыном в гавани, Грета строго сказала:

– Обедать ходи к Андерсам. Аудра готовит не хуже меня, ты не останешься голодным..., – Андреас закатил темные, отцовские глаза:

– Мамочка, – он чмокнул Грету в мягкую щеку, – я и сам справлюсь с плитой. Андерсам тоже, наверное, хочется отдохнуть, если Юхан уехал на все лето..., – повертев обручальное кольцо на пальце, Грета подумала о дочери, отправившейся с Юханом Андерсом в Норвегию:

– Возьмет и вернется с таким. Ей двадцать один год, она совершеннолетняя..., – в июне Эмилия закончила экономический факультет университета. Господин Андерс, работавший в отделе дизайна магазина ИКЕА, устроил девушке собеседование с владельцем компании:

– Она пришлась по душе господину Кампраду, – гордо подумала Грета, – она уже начала работать в компании..., – ИКЕА недавно открыла магазин в Осло. Эмилия поехала не только бродить по горам в компании Юхана. Девушке поручили проверить, как обстоят дела в новом филиале. По словам дочери, ИКЕА собиралась расширяться и дальше.

Грета покосилась на закрывшегося газетой мужа. Кампе нравился ресторан в ИКЕА, хотя он признавал, что кафе «Барнштерн» все равно лучше. Заведение Андерсов числилось во всех путеводителях по Стокгольму. Кампе отогнул край листа:

– Ничего интересного не пишут, – заметил он, – и не волнуйся, Эмилия разумная девочка. Они с Юханом не станут тайно венчаться, они сделают все, как положено...

Погостив в Осло у военных времен товарищей Кампе, Эмилия и Юхан собирались на Лофотенские острова. Кампе зажег жене сигарету:

– Поэтому готовь платье, мать невесты..., – он подмигнул жене:

– Сначала Эмилия, у нее и Юхана дело на мази, а потом Андреас. Не беспокойся, мы еще выпестуем внуков.

Даже на седьмом десятке лет Кампе не бросил спортивного зала «Грета». Бывший боксер участвовал в спаррингах и тренировал совсем маленьких ребяташек:

– С остальными справятся и другие тренеры..., – замечал Кампе, – а я люблю возиться с мелюзгой..., – динамик под потолком ресторана оживился:

– Уважаемые пассажиры, – звонко сказала девушка, – наш паром прибывает в Травемюнде через час. Желаем вам приятного летнего отдыха..., – Кампе весело отозвался:

– Спасибо, милая. Прокатная машина ждет, – он поцеловал жене руку, – проведешь лекцию и поедем на море...

Навестив Гамбург и родной Киль, Кампе собирались на острова, где они сняли коттедж. В Гамбурге Грета выступала на семинаре о помощи жертвам насилия.

Выйдя в прошлом году на пенсию, госпожа Кампе консультировала молодых сотрудников в Красном Кресте. Грета потушила окурок:

– Все равно, – упрямо сказала женщина, – пока Эмилия не окажется дома, я буду волноваться... – Кампе поднялся:

– Она всего лишь в Норвегии, а не восходит на гору Эверест. Ты у меня насадка каких поискать...

Грета что-то шепнула ему на ухо. Смуглое лицо Кампе расплылось в улыбке:

– Я седой, – весело сказал муж, – смотри, – он коснулся виска, – скоро вся голова станет серебряной... – Грета пожала плечами:

– Старый конь борозды не испортит. Я никогда бы не променяла тебя на кого-то молоденького, вроде того парня...

Красивый темноволосый юноша за столиком в углу рассеянно пил кофе, дымя сигаретой. Пассажир носил тесные джинсы, мокасины на босу ногу и цветастую рубашку:

– Он похож на цыгана, – Кампе прищурился, – нет, кажется, он итальянец...

Парень затрещал о чем-то со спутницей. Черные волосы девушки падали на плечи в вышитой блузе. Она тоже щеголяла синими джинсами. На столике лежала широкополая соломенная шляпа. Грета оценила сумку девушки.

– От Ателье Майер, – поняла она, – у хиппи водятся деньги..., – на пальце предполагаемой итальянки блестело кольцо с бриллиантами:

– Красивая пара, – усмехнулся Кампе, – наверное, они молодожены или жених с невестой..., – он подтолкнул Грету:

– Возьмем кофе навынос и поваляемся в шезлонгах..., – Грета оглянулась:

– Наверное, устав от южной жары, они решили отдохнуть на Балтике...

Поднявшись с мужем на палубу для кают первого класса, она забыла о неизвестной паре.

Сумку от Ателье Майер, дорожную торбу мягкой кожи, Джеки получила в подарок от Микеле:

– Я помнил, что тебе понравилась вещица еще в Vogue, – он чмокнул девушку в нос, – я позвонил в Лондон, записался в лист ожидания, а сегодня приехал курьер..., – юноша взглянул на золотой ролекс, – вовремя, как раз перед нашими каникулами...

Джеки иногда думала, что Микеле Ферелли разбирается в дамских нарядах лучше ее самой. Юноша отзывался:

– Я итальянец, любовь моя. И у меня мама, – Микеле подмигивал ей, – я, как настоящий итальянец, прежде всего люблю маму..., – юноша шутил только отчасти. Микеле целовал ее тонкие пальцы с бриллиантовым кольцом от Chopard:

– Но тебя я буду любить всегда. Через год, когда мы обвенчаемся, я буду совсем счастлив..., – закончив университет, Микеле обосновался в кресле помощника адвоката в отцовской конторе.

Они решили отпраздновать свадьбу, когда Жаклин получит диплом преподавателя иностранных языков:

– У Риты такой же, – вспомнила Джеки, – хотя она ни дня не работала. Микеле уверен, что я засяду дома, под крылом его мамочки и буду полировать ногти в ожидании рождения наследника...

В Израиле наставник, Шауль, предупреждал Джеки об опасности, как он выразился, идентификации себя с объектом задания:

– Ты носишь маску, – Шауль повел рукой, – но бывает, что маска прирастает и отдирать ее приходится с кровью и болью...

Обреченно понимая, что так и произошло, девушка ничего не могла с собой сделать:

– Я знаю, кто он такой, – Микеле погрузился в свежий Playboy, – я знаю, что он антисемит, каких поискать. Он дружит с заклятыми врагами Израиля и состоит на содержании беглых нацистов, но я его люблю...

Джеки поморгала щедро накрашенными ресницами:

– Его нельзя не полюбить...

Микеле водил ее на римские блошинные рынки, устраивал приватные экскурсии по садам Ватикана и запасникам папских музеев и цитировал латинских поэтов. Он читал Элиота и Пруста, готовил пасту лучше признанных поваров и жарил Джеки артишоки:

– Это исконно римское блюдо, – замечал юноша, – жида его присвоили, как они присвоили все на свете. Фюрер был прав, евреи не способны создать ничего своего. Они только воруют у других наций. Жаль, что фюрер не успел избавиться от их племени, но мы и наши арабские друзья постараемся продолжить его дело...

В кабинете Микеле держал портреты дуче Муссолини и Гитлера. Гостям вечеринок в апартаментах у Колизея в комнату хода не было. Джеки незаметно вздохнула:

– Если бы не это, он был бы нормальным парнем. И его лучший друг Альбер нормальный, пока они не накручивают себя антисемитской дрянью...

Познакомиться с Микеле оказалось легко. Рим был одной большой деревней.

Преподавательница на каникулярных курсах итальянского языка, куда записалась Джеки, оказалась приятельницей синьоры Риты Ферелли:

– Микеле впервые увидел меня за чопорным обедом, – Джеки скрыла усмешку, – и не стал терять времени..., – по признанию юноши, мать беспокоилась о его браке:

– Мне всего двадцать три года, – весело сказал Микеле, – однако мама намекает, что папа обвенчался, будучи моих лет. Честно говоря, я посчитал тебя очередной буржуазной пустышкой и позвонил тебе наудачу..., – Джеки приподнялась на локте:

– Потому что я тебе понравилась..., – он зарылся лицом в черные волосы девушки:

– Ты не можешь не нравиться. Ты словно Веспер Линд, только она блондинка...

Родители Микеле тоже считали, что Джеки напоминает девушку из прошлогоднего «Казино Рояль»:

– Она немного выше тебя ростом, – говорила Рита, – но осанка у вас похожа, милая. Сразу видно хорошее воспитание, – синьора Ферелли поджимала губы, – хотя она актриса, у них вольные нравы...

За обедами в римской квартире Ферелли, неподалеку от Ватикана, и на вилле в Остии, кино обсуждали редко. Джеки рассматривала последний Vogue, с репортажем из Лос-Анджелеса

– Его святейшество такого не одобряет. У Ферелли говорят о благотворительности и канонизации будущих святых..., – девушка изучала спутника мисс Ханы Дате:

– Я его видела, – поняла Джеки, – мельком, зайдя за Микеле в контору. Он встречался с его отцом. Однако опасно интересоваться тем, кто он такой, – девушка велела себе молчать, – нельзя вызывать у Красного Волка подозрения...

На собрания ячейки Джеки не заглядывала, но Микеле не скрывал от нее своих занятий. Джеки спокойно заходила в его кабинет. Жених не прятал от нее документы. Два раза в месяц Джеки отправляла фотокопии бумаг на некий абонентский ящик в Риме:

– Однако он не все мне рассказывает, – поняла Джеки, – например, зачем мы едем в Гамбург и почему не прилетели в Германию прямо из Италии..., – Микеле туманно заметил:

– У меня назначены деловые встречи. Я хотел показать тебе Стокгольм, – он сверился с ежедневником, – а что касается Германии, то я снял номер на побережье. Гамбург пострадал от бомбежек, тебе будет неинтересно жить в центре. Но мы непременно пройдемся по магазинам, – он привлек Джеки к себе, – и выберем технику для будущей квартиры...

Джеки в очередной раз твердо сказала себе:

– Никакого венчания не случится. Я поработаю с ним еще год и вернусь в Израиль...

Связь с родиной она поддерживала через выданный ей римский номер телефона. Уверенный мужской голос, отвечающий на звонки по-французски, был ей знаком, однако из соображений безопасности Джеки не называла Шауля по имени. Иногда ей хотелось признаться наставнику в чувствах к Микеле:

– Но тогда меня снимут с задания и отправят домой, – понимала девушка, – а я не могу расстаться с ним, совсем не могу..., – Микеле коснулся ее руки:

– Хороший рассказ, я не знал такого автора, – он нахмурился, – Маламуд, американец..., – Джеки хотела сказать, что писатель – еврей, но вовремя прикусила язык:

– Это о художнике и его модели, – темные глаза Микеле ласково посмотрели на нее, – отлично написано:

– Он разрушил тысячу лиц для нее и придумал еще тысячу, но не мог остановиться на единственном настоящем, по крайней мере, настоящем для картины..., – Джеки приказала себе спокойно улыбаться:

– Мне тоже иногда так, кажется, – Микеле кинул журнал в сумку парусного холста, – что у тебя тысяча лиц, милая, но я люблю каждое из них..., – Джеки пожала плечами:

– Только одно, и оно всегда перед тобой..., – девушка подхватила его под руку:

– Пойдем, полюбуемся здешней гаванью, хотя ничто не сравнится с Италией.

Группа, командование которой на время акции принимал Микеле, добиралась в Гамбург разными путями. На совещании, устроенном в начале лета в горах под Римом, Адольф Ритберг заметил:

– Совместное путешествие привлечет ненужное внимание, – Микеле с ним согласился, – немецкие парни приедут в Гамбург на поездах, а остальным я советую автобусы или паромы. Такой путь медленней, но надежней..., – немецких парней оказалось всего двое:

– Остальные сейчас за решеткой, – хмуро объяснил Герберт Штрайбль, – акция во Франкфурте была удачной, однако ребят арестовали и засадят года на три, не меньше..., – по словам старшего Штрайбля, длинноволосые обезьяны были достойны чуть ли не пожизненного заключения:

– От пожаров в универмагах никто не пострадал, папа, – возразил Герберт за семейным обедом, – такое наказание вряд ли можно считать заслуженным..., – отец отмахнулся:

– Во времена Гитлера им бы отрубили голову в двадцать четыре часа. Их даже не отправили бы в концлагерь, где страдали я и твоя мать..., – родители Герберта, как жертвы нацизма, получали достойные пенсии от правительства в Бонне:

– Не то, чтобы они бедствовали, – презрительно сказал юноша Микеле, – учитывая их квартиру, виллу в Альпах и счета в швейцарских банках. Жаль, что ребят из Франкфурта с нами не будет, – он показал Микеле список, – но мы справимся и с нынешними силами...

Кроме двоих немцев под предводительством Герберта и двоих итальянцев во главе с Микеле, к ним присоединился и посланник из Ирландии:

– Не зря его назвали Боровом, – Микеле взглянул на здорового юношу, – должен был приехать его напарник, но тот занимается акцией в Лондоне...

Альбер остался в Риме, для подготовки большого осеннего, как его назвал Микеле, выступления. Адольф Ритберг координировал, как говорили они, левое движение в Европе. Мероприятие в Риме решили устроить в сезон еврейских праздников:

– Сначала Альберу надо поработать с израильянином из посольства, – усмехнулся Микеле, – время выбрано очень удачно...

Жаклин он объяснил, что едет в Гамбург на деловые встречи. Он оставил девушку в черном бикини на террасе дорогого пансиона в Тиммендорфер-Странд:

– Я обернусь за день, – пообещал Микеле, – здесь всего восемьдесят километров, час за рулем, – он взял напрокат спортивный BMW, – на выходных мы съездим в город, пройдемся по большим магазинам, пообедаем с видом на гавань...

Оса вилась над спелыми персиками в серебряной антикварной миске. Жаклин сдвинула на нос темные очки:

– Я буду скучать, милый, – девушка потерлась щекой о его руку, – но здесь отличный бассейн, а море не холоднее Средиземного. И я поработаю над нашими брошюрами..., – Микеле помахал пальцем у себя над головой:

– Не перетруждай себя. Над Европой безоблачное небо, – весело сказал он, – будем надеяться, что погода продержится..., – Жаклин даже на каникулах не расставалась с пишущей машинкой. Микеле не собирался вовлекать будущую жену во что-то опасное:

– Пусть сухопарые немки бросают гранаты, – усмехнулся он, – Жаклин занимается правильным для девушки и полезным для нашей борьбы делом...

Невеста переводила материалы французских леваков, хотя Микеле не очень им доверял:

– В тамошнем движении еврей на еврее, – недовольно подумал юноша, – но у Жаклин нет ни капли жидовской крови, она родилась в Страсбурге..., – девушка почти не помнила отца, офицера, убитого в Индокитае:

– Когда он погиб, я была малышкой, – грустно сказала Жаклин, – а потом умерла мама. Меня воспитывали бабушки, но я отринула буржуазные оковы, попав в Сорбонну...

Жаклин хотела продолжить занятия философией, но в Риме не преподавали левых авторов:

– За таким надо ехать в Милан, – развел руками Микеле, – но я тебя никуда не отпущу, любовь моя..., – они договорились, что Жаклин возьмет на себя, как выразился юноша, агитацию и пропаганду. Оказалось, что ее материалы добрались и до Ирландии:

– Я не любитель чтения, – признался Боров, – но твоя подружка лихо сочиняет, она молодец...

Встречу они назначили в захудалом кафе в глубинах Сан-Паули. Парни в потертых джинсах и застиранных футболках ни у кого не вызвали интереса. Не желая светить в забегаловке костюмом, сшитым в Милане, Микеле переделся на заправке по дороге в город:

– Ладно, – он взглянул на простые часы, сменившие золотой ролекс, – вы живете неподалеку, а мне еще надо гнать машину к морю..., – Герберт хмыкнул:

– На твоём месте я бы тоже гнал. Значит, следующим летом мы ждем приглашения на свадьбу..., – Боров усмехнулся:

– Мой напарник, Джонатан, кажется, тоже женится или уже женился. Но в его случае никаких торжеств не ожидается, он живет по чужому паспорту..., – послушав акцент Борова, Микеле засомневался в подлинности его ирландского паспорта:

– Он явно не из Европы, – парень бросил в рот жвачку, – но какая разница? Главное, что он хорошо управляется с гранатами и динамитом...

Микеле раздал ребятам увеличенные фотокопии карты центра Гамбурга:

– Здесь отмечен примерный маршрут банковских машин, – сведения о перевозке денег пришли из конторы адвоката Штрайбля, – спасибо Герберту, – Микеле шутливо поклонился, – фирма его отца обслуживает юридические нужды банка-эмитента..., – Боров открыл рот.

Герберт объяснил:

– Банка, откуда инкассаторы забирают наличные и перевозят их в хранилище, – юноша поднял бровь, – но туда они не доберутся..., – Боров поинтересовался:

– О какой сумме идет речь...

Герберт отчеканил: «Три миллиона долларов».

В закрытом отделении психиатрической клиники в университетском госпитале Гамбурга окна, из соображений безопасности, загородили стальными жалюзи. Медсестры поднимали их для проветривания рано утром и поздно вечером, когда больные находились в палатах.

В беленом коридоре отделения стояла влажная жара. Под потолком сверкали затянутые проволокой лампы. Флигель, где размещалось особое отделение, выстроили с размахом прошлого века, с просторными палатами и высокими окнами. До потолка больным было никак не добраться, однако заведующий отделением не хотел неприятностей:

– У нас содержатся опасные больные, – напоминал он персоналу на летучках, – убийцы, пироманы, как Брунс, осужденные на принудительное лечение люди... – отделение считалось госпиталем для криминальных пациентов и находилось под полицейской охраной.

В кабинетах врачей не завели американской новинки, кондиционеров, однако здесь стояли электрические вентиляторы. Больные в коридор не допускались, доктора могли открывать окна.

Еще с довоенных времен, когда он был молодым ординатором, заведующий любил разбираться с делами не на столе, а устроившись на подоконнике:

– Доктор фон Рабе считал, что такое не красит врача, – он помнил надменный голос покойного коллеги, – однако сейчас новое время... – заведующий начал медицинскую карьеру в центрах, где умерщвляли неполноценное население, как называли нацисты душевнобольных людей:

– Надо было так сделать и с евреями, – он потер подбородок, – какая-то медсестра в Берлине в начале тридцатых годов взяла на себя миссию очистки города от враждебной арийцам расы. По крайней мере, ее адвокат утверждал именно так, но убивала она не только евреев, что было неразумно с ее стороны...

Заведующий не помнил имени преступницы, но помнил, что ее не казнили:

– Адвокаты ее отстояли, но ее вина была только в том, что она обворовывала жертв. От стариков надо избавляться так же, как от умственно неполноценных. Они только объедают трудоспособное население...

Не попав в армию из-за плоскостопия, заведующий остался тыловым врачом и не работал в лагерях. Программа эвтаназии негласно продолжалась и во время войны, но таких медиков не судили:

– Мы все равно не смогли бы таким образом избавиться от евреев, – вздохнул врач, – лекарства дороги и трудно организовать массовый процесс умерщвления... – он считал, что коллеги из медицинских частей СС пострадали безвинно:

– Студентам надо учиться, – доктор пожимал плечами, – раньше это были приговоренные к смертной казни, но их на всех не хватало. Все, что делают врачи, делается для блага человечества...

По его мнению, от смерти пациентки Брунс человечество бы несколько не пострадало. Доктор сам с удовольствием сделал бы ей финальную, как говорили в нацистские времена, инъекцию.

Положив на колени пухлую историю болезни, он дымил сигаретой в распахнутое окно. Университетский парк здесь был пустынным. Студенты не добирались до небольшого озера, на берегу которого стояла психиатрическая клиника.

Врач рассматривал хмурое лицо Брунс на недавно сделанной фотографии. В прошлом году пациентке исполнился двадцать один год. Полиция и отдел по делам несовершеннолетних несколько месяцев вели оживленную переписку, обсуждая перевод Брунс в другую психиатрическую клинику:

– Хватит ее здесь держать, – доктор неприязненно взглянул в мрачные глаза сумасшедшей, – она взрослая, незачем с ней носиться. Пусть едет в другое место клеить коробочки...

До двадцати одного года Брунс состояла на попечении отдела по делам несовершеннолетних земли Шлезвиг-Гольштейн, где пациентка и совершила преступление:

– Ее передали под опеку Гамбурга, потому что в тех краях нет госпиталей для осужденных преступников, – переписка инстанций занимала добрую половину папки, – а теперь она отправляется в Киль..., – по недавнему решению суда Брунс переводили в обыкновенную психиатрическую больницу:

– Тоже пожизненно, – усмехнулся заведующий, – консилиум может рекомендовать ее выписку, но такого никогда не случится...

Брунс была замкнутой и уклонялась от терапевтических бесед с лечащим врачом. Пациентку часто ловили прячущей таблетки:

– Медсестра от нее не отходит, пока она все не выпьет..., – пироманке выписали впечатляющий набор лекарств, – но, честно говоря, это бесполезно...

Заведующий считал Брунс безнадежной. Девушка проявляла аутоагрессию и отказывалась от пищи. В истории болезни имелось решение суда о необходимости принудительного кормления. Кроме пиромании, Брунс славилась ненавистью к радио и телевизору:

– У нее подростковая шизофрения, то есть теперь взрослая, – хмыкнул врач, – она слышит голоса и у нее галлюцинации..., – девушка настаивала, что пожар, убивший ее семью, начала не она, а неизвестная женщина в черном плаще и маске:

– У нее случилось острое начало психоза, – зевнул заведующий, – женщина ей привиделась, а голос велел ей поджечь ферму, что она и сделала..., – фото истощенной Брунс в сером госпитальном халате напомнили ему снимки заключенных в концлагерях:

– В Аушвице вели очень интересные работы по шизофрении, – пожалел доктор, – но весь тамошний научный материал пропал...

Брунс не знала о переводе, однако заведующий и не собирался ставить пациентку в известность об изменениях в ее будущем:

– Какая ей разница, – машина приходила за Брунс через несколько дней, – она, как обычно, проспит что-то неразборчивое..., – пациентка страдала психогенным мутизмом.

Отоларингологи, осматривавшие ее, утверждали, что с голосовыми связками у девушки все в порядке:

– Она временно потеряла голос, наглотавшись дыма на пожаре, – врач захлопнул папку, – однако физически она оправилась. Ее мутизм только у нее в голове, а голова у нее непоправимо больна...

Легко, словно юноша, соскочив с подоконника, врач сверился с календарем. Через пятнадцать минут он встречал в вестибюле отделения шведскую гостью, госпожу Кампе. Об экскурсии попросил главный врач большого психиатрического госпиталя:

– Разумеется, не преступая судебных ограничений на общение пациентов, – добавил по телефону коллега, – но у вас есть открытые для посещения палаты..., – врач почесал нос:

– Например, Брунс. Поведу госпожу Кампе именно к ней..., – сверившись с часами, он понял, что успеет выпить кофе.

Худые руки лежали на обтянутых больничными чулками острых коленях. Пояса пациенткам не позволяли. Сестра-кастелянша следила за резинками:

– Слишком тугие запрещают, – Магдалена смотрела в беленую стену палаты, – на них кто-то когда-то повесился...

Хлопок болтался вокруг истощенных ног девушки. Повеситься можно было и на чулках, но для этого требовалось остаться одной:

– Здесь все на виду, – на противоположной койке мерно раскачивалась соседка, – за нами всегда наблюдают..., – двери палат днем не закрывались. Ночью больных запирали снаружи. Дежурные полицейские патрулировали коридор, заглядывая в глазки.

За два года, что они провели в одной палате, соседка Магдалены не сказала девушке ни единого слова. Магдалена не хотела думать о том, что привело женщину в охраняемую больницу:

– Она все время качается, – женщина иногда мычала, – а я раздираю себе руки до крови..., – запястья Магдалены покрывала корка болячек, – но нельзя идти на самоубийство, это страшный грех...

После таблеток в голове Магдалены обычно царил туман, однако она помнила уроки священников в соборе и первое причастие:

– Мама сшила белое платье, – девушка дернула горлом, – папа сделал фотографии для альбома, а Иоганн подарил мне заводную модель яхты. После обеда мы побежали на озеро и испытали ее на воде..., – Магдалена напомнила себе, что ее семья мертва:

– Моя мать была нацистской преступницей, мой отец не был моим отцом, я прелюбодействовала со братом, – из-под болячки потекла кровь, – а потом он от меня отвернулся...

Магдалена не могла слушать радио или смотреть маленький черно-белый телевизор отделения, настроенный на единственную западногерманскую программу.

Аппарат не выключался весь вечер. Ходячие больные после трудотерапии собирались в унылом расширении коридора. Телевизор стоял на коврике из полосок разнокалиберной ткани. Магдалена узнавала обрезки истасканного постельного белья и халатов, выдававшихся в отделении. Коврики плели на занятиях по трудотерапии, где большинство больных сидело в лекарственном ступоре:

– Я тоже обычно так сижу, – сегодня голова Магдалены была неожиданно ясной, – но повезло, что пришла новая медсестра..., – девушка пока была невнимательна. В последние два дня Магдалене удавалось спрятать таблетки во рту и незаметно их выплюнуть:

– Поэтому я слышу музыку, – пальцы девушки зашевелились, из горла вырвался клекочущий звук, – это больно, но я еще жива...

Она не заглядывала на пятачок у телевизора, где толпились больные. Немецкий канал передавал выступления известных пианистов и сборные рождественские концерты. Магдалена и сама когда-то пела в таком:

– Но я не могу видеть Генрика, – слезы катились по лицу девушки, – мне достаточно было его услышать...

Пару лет назад один из врачей решил лечить больных в отделении классической музыкой. Магдалена тогда каталась по полу, зажав уши руками, отбиваясь от медсестер и санитарок:

– Не могу, не могу..., – искусанные губы зашевелились, – я не могу сказать его имя..., – не желая проводить недели в палате для буйных больных, в смиренной рубашке, Магдалена решила больше никогда не слушать музыку:

– Иначе я закончу, как она, – девушка бросила взгляд на соседку, – но у меня не будет другого выхода..., – в раскрытой двери застучали каблучки.

Неизвестная Магдалене женщина заглянула в палату, придерживая на плечах халат. Светлые, аккуратно уложенные волосы побилла сверкающая седина. Практичный костюм женщины и туфли на низком каблучке напомнили ей о нарядах матери. Магдалена вдохнула сладкий, тоже материнский запах от картонной коробки в руках незнакомки:

– Здесь наши безнадежные случаи, – услышала она голос главного врача, – лечение, к сожалению, не приносит плодов..., – голубые глаза женщины остановились на лице Магдалены:

– Не приносит, – она шагнула в палату, – здравствуйте, – улыбка у нее была ласковая, – что не мешает нам попробовать свежих круассанов..., – женщина присела на кровать рядом с Магдаленой:

– Меня зовут госпожа Кампе, – она коснулась руки девушки, – я очень рада нашей встрече.

Лысоватая голова начальника криминальной полиции Гамбурга лоснилась от пота.

Окно унылого кирпичного здания выходило на Эльбу. Сверкающая под солнцем вода, казалось, дышала жарой. Неподалеку поднимались строительные краны. Складской район девятнадцатого века, Шпайхерштадт, разрушенный налетами союзников, который год подлаживали:

– Фридрих говорит, что за тамошними квартирами будущее, – полицейский кинул взгляд в окно, – но здесь он неправ, кто захочет жить на складе? Он сам точно не захочет. Заняв министерское кресло, он немедленно купит загородную виллу..., – депутат Краузе давно стал любимцем гамбургских газетчиков:

– Парень из подвала, военный сирота, он достиг всего талантом и тяжким трудом, – вздохнул начальник, – но ведь именно так и есть..., – помня, как Краузе отказался защищать Магдалену Брунс, полицейский понимал, что адвокат принял правильное решение:

– Даже если девчонка не врет, и женщина в черном плаще действительно существовала, то, где ее искать..., – он взглянул на невозмутимое лицо женщины в светлом платье.

На седьмом десятке лет госпожа Кампе сохранила недурные ноги. Визитерша красила губы помадой и не носила чулок:

– В Скандинавии вольные нравы, – Вольфганг сложил руки на толстеющем животе, – немки в ее возрасте вяжут и возятся с внуками..., – госпожа Кампе сообщила, что двадцать лет проработала в шведском Красном Кресте. Судя по виду дамы, вязание ее занимало меньше всего:

– Я немка, – Вольфганг удостоверился в этом, заказав архивную справку, – до прихода Гитлера к власти я работала медсестрой в Киле..., – полицейский прервал ее:

– В тридцать пятом году вас осудили на десять лет заключения по криминальной статье...

В справке канцелярским языком указывалось, что госпожа Кампе спекулировала драгоценными металлами на черном рынке. Вольфганг помнил, что полицейский архивариус сидит на своем месте с довоенных времен:

– Союзники не устраивали у нас денацификации, – не предложив сигарету фрау Кампе, он закурил, – хотя все крипо состояло в нацистской партии. Но иначе было нельзя. У людей семьи, они не имели права рисковать увольнением со службы...

Отец Вольфганга, техник на гамбургских верфях, тоже был членом НСДАП. Сам полицейский успел побегать на собрания гитлерюгенда:

– Как и депутат Краузе, – хмыкнул он, – но с трибуны Фридрих разоблачает преступления нацизма и призывает немцев к покаянию перед жертвами. Ему надо создавать себе имя, а такие выступления сейчас в почете..., – ходили разговоры, что в уголовный кодекс внесут статью о запрещении нацистской символики:

– У нас кодекс, словно конституция США, – весело подумал полицейский, – сначала законы были имперскими, потом нацистскими, теперь демократическими. Все вносят поправки, но преступление остается преступлением..., – формально госпожа Кампе не дотронула свою десятку. Если бы нацисты остались у власти, женщину освободили бы летом сорок пятого года.

Бывшая медсестра поджала губы:

– Я продала семейные драгоценности, чтобы спасти мужа, – холодно сказала фрау Кампе, – и достать ему чистый паспорт для выезда из Германии..., – Вольфганг уточнил: «Поддельный паспорт». Губы сомкнулись в еще более тонкую нить:

– Мой муж завоевал серебро для Германии на Олимпиаде в Лос-Анджелесе, – Кампе тоже закурила, – однако он рисковал арестом и концлагерем из-за цыганского происхождения..., – женщина неожиданно подалась вперед.

Вольфганг раскрыл рот. Фрау Кампе брезгливо повертела выхваченную у него справку:

– У вас что, имеется, доступ к архивам в советской зоне, – поинтересовалась она, – я отбывала заключение в Равенсбрюке...

Криминалитет, мотавший сроки в нацистских лагерях, не считался жертвами режима и никаких пенсий не получал.

Вольфганг забрал бумагу:

– Повадки у нее точно уголовные. Наверняка, она не только спекулировала золотом, но и делала подпольные аборты... – он отозвался:

– К тем бумагам мы хода не имеем, но вас осудили в Киле, откуда и поступили сведения... – госпожа Кампе пыхнула на него дымом:

– Вы пользуетесь нацистскими архивами, – утвердительно сказала женщина, – они ничего не уничтожали... – Вольфганг пожал плечами:

– Воюют не с бумагами, а с людьми, госпожа Кампе. Архивы ни в чем не провинились... – он приглушил радио, бубнящее что-то о праздновании Дня Независимости в США, – чем я могу вам помочь...

Грета вспомнила о конвертах, надписанных аккуратным почерком Гертруды Моллер, о фотографиях серьезной девочки в белом платье и фате:

– Магдалена приняла первое причастие. Она очень способна к музыке и прилежно занимается... – Грета помнила и капитана Авербаха. Магдалена была похожа на отца:

– Он погиб в Израиле, – вздохнула женщина, – но маэстро Генрик должен знать, что его сестра жива... – они с Кампе ходили на концерт маэстро Генрика в Стокгольме.

В клинике Грета почти ничего не услышала от Магдалены. Девушка только что-то прошептала в ответ на мягкое пожатие руки:

– Марта просила меня разыскать ее, – Грета велела себе успокоиться, – она боялась, что девочку обвинят в пожаре на ферме. Судя по всему, так и случилось... – младший брат Магдалены тоже выжил, но Грета не хотела упоминать о Иоганне:

– Учитывая, что он на востоке, а мы на западе, лучше молчать... – начальник крипо напомнил ей следователя в Киле, занимавшегося ее делом, – правильно говорит Кампе, полиция есть полиция... – Грета, тем не менее, рассказала о вчерашней встрече с девушкой:

– Я не знаю, почему Магдалена оказалась в закрытой психиатрической лечебнице, – Грета поздравила себя с тем, что не разучилась лихо врать полицейским, – но я дружила с ее матерью и уверена, что девочка не могла совершить ничего дурного... – начальник крипо обмахнулся справкой:

– Вы дружили с фрау Брунс, в девичестве Моллер, – он скривил губы, – бывшей надзирательницей концентрационного лагеря Равенсбрюк, где вы отбывали наказание... – он помолчал, – хотя я не удивлен. Криминалитет в лагерях подвизался у кормушки, а борцы с нацизмом страдали от жесткого обращения, в том числе и со стороны уголовников... – он бросил справку в ящик стола:

– Ничем не могу помочь, фрау Кампе, – начальник крипо поднялся, – я не обязан сообщать сведения, касающиеся судьбы фрейлейн Брунс. Всего хорошего, – руки он Грете не подал, – приятного отдыха на родине... – оказавшись на улице, Грета витиевато выругалась.

Проходящая мимо худощавая старушка с высиненными кудельками что-то неодобрительно пробормотала. Презрев красный сигнал светофора, получив еще один недовольный взгляд старушки, Грета перебежала на противоположную сторону. Кампе курил за столиком уличного кафе:

– Я закажу шнапс, – он усадил Грету на кованный стул, – зачем ты пошла к фараонам, надо было сразу позвонить Марте... – муж помолчал:

– Я боялся, что они... – Кампе кивнул на ступени полицейского управления, – тебя не отпустят... – Грета усмехнулась:

– Цыган никогда до конца не доверяет власти... – муж отозвался:

– И правильно делаю. Они тебе ничего не сказали..., – Грета опрокинула стаканчик допелькорна:

– Держат марку, – одобительно сказала женщина, – хотя нацисты в крипо тоже не изменились. О Магдалене я ничего не услышала, – женщина достала сигареты, – а меня чуть не обвинили в том, что я не досидела заслуженного срока наказания..., – щелкнув зажигалкой, Кампе подытожил:

– Обедаем и отправляемся на почтамт. Пусть приезжает Андреас, мальчик нам пригодится..., – Грета кивнула:

– Он сметливый, как ты. Я не позволю, чтобы девочка пропала в сумасшедшем доме, Иоганн. Даже София нашлась в СССР, хотя все думали, что она мертва..., – Кампе помахал кельнеру:

– Еще стаканчик для меня..., – он погладил жену по теплой от летнего солнца щеке:

– Магдалена не пропадет. Все будет хорошо, милая. Видишь, – он подмигнул Грете, – я всегда считал, что на пенсии отпуск должен быть интересным, так и случилось.

Морской ветер раздувал холщовые занавеси на деревянной террасе пансиона, играл наскоро прибранными после купания волосами Джеки:

– Очень милое место, – одобительно сказала девушка, – напоминает гостиницы в Бретани или Нормандии. Хорошо, что здесь нет накрахмаленных скатертей и остальных, – она улыбнулась, – церемоний..., – Микеле сидел на ручке ее плетеного кресла:

– Не надо переодеваться к обеду, – он накручивал на палец черный локон, – никто не разговаривает о его святейшестве или затхлых, то есть прости, нетленных останках, – Джеки фыркнула, – обнаруженных в очередном захолустном монастыре..., – они разделили фаянсовую миску рыбного супа, поданного со свежим хлебом:

– Суп, как у нас в Провансе, – заметила Джеки, – и твоя мама готовит такой же..., – Рита Ферелли напоминала ей отца, как Джеки всегда звала Михаэля:

– Папе все говорят, что он должен был стать актером, – девушка скрыла улыбку, – он похож на итальянца..., – она замечала у синьоры Ферелли знакомый очерк лица:

– Даже повадки у них похожи, – поняла девушка, – папину старшую сестру тоже звали Ритой..., – Джеки помотала головой:

– Ерунда. Мать Микеле ревностная католичка, она родилась в набожной семье. Она ходила в монастырскую школу и хотела стать монахиней, но родители предложили ей попробовать университет..., – Рита весело говорила:

– Где я и встретила Карло. Стремления к благой стезе остались стремлениями, но праведную жизнь можно вести и в миру..., – она со значением смотрела на Джеки.

Родители Микеле знали, с кем он делит квартиру с видом на Колизей, но не возражали против быстрой, как выразилась Рита, помолвки:

– Альберу удобнее жить одному, – заявил юноша, – у него знакомства другого толка, – Микеле подмигнул девушке, – он объяснил родителям, что хочет сосредоточиться на подготовке к экзаменам, поэтому и переезжает в отдельные апартаменты...

Альбер, впрочем, переместился всего лишь в соседний дом:

– У нас он бывает чаще, чем у собственных родителей, – поняла Джеки, – хотя понятно, почему. С его мамашей уживется только его отчим, они два сапога пара...

Джеки не нравились надменные манеры бельгийской графини. Мадам де Утремон странным образом напоминала мать самой Джеки:

– Она крашенная блондинка, – поняла девушка, – но она могла быть нашей родственницей..., – Джеки гораздо больше любила синьору Ферелли.

Итальянка заваливала ее рецептами домашних джемов и острой приправы из фруктов, учила готовить пасту и паннакотту:

– Словно я снова под крылом у бабушки Симоны, – поняла Джеки, – с Ритой очень уютно..., – синьора Ферелли говорила только о семье и церкви, но Джеки нравилось сидеть с женщиной на подвальной кухне особняка в Остии:

– Ты мне все равно, что дочка, – призналась Рита, – моя девочка не жила, – она посмотрела в сторону, – да минует вас с Микеле такое несчастье. Карло отдал мне свою кровь, – синьора Ферелли помолчала, – а потом врачи мне запретили..., – женщина повела рукой:

– Что было, то прошло. У вас будет много малышей, милая..., – она оценивающе оглядела Джеки, – твоя худоба в моде, но фигура у тебя все равно самая подходящая для деторождения..., – то же самое говорила девушке и бабушка Симона:

– Родители Микеле любят его, – поняла Джеки, – они рады его выбору, они хотят, чтобы я почувствовала себя, как дома..., – девушка почувствовала мимолетный стыд:

– И Микеле меня любит, – ласковая рука поглаживала ее плечи, – в первую ночь он плакал. Он благодарил меня, говорил, что влюбился в меня с первого взгляда..., – Микеле не удивился тому, что у Джеки никого раньше не было:

– Я все понял по твоим глазам, – серьезно сказал юноша, – ты не пустышка, как остальные девчонки, не развлечение на ночь. Я хотел, чтобы у меня случилось, как у мамы с папой, – он коснулся губами ее ресниц, – один раз и на всю жизнь...

Джеки очнулась от его смешливого голоса:

– Еще один кусок и от вишневого торта ничего не останется..., – губы Микеле испачкал алый сок:

– Словно кровь, – Джеки отчего-то испугалась, – он ночует в Гамбурге из-за позднего обеда, но он едет в город налегке, даже без портфеля..., – портфель крокодиловой кожи заперся на серебряный замочек. Джеки давно посматривала в сторону трех колесиков с цифрами:

– Комбинацию я выучила, – она проследила, как Микеле открывал портфель, – главное, чтобы он не поменял шифр..., – юноша взглянул на часы:

– Пора отправляться к скучным немцам, – он чмокнул Джеки в нос, – это деловые партнеры папы, ничего не поделаешь...

В восемь вечера Микеле ждали в захудалом баре в Сан-Паули. Акцию назначили на полночь.

– Сейчас и в полночь на улице светло, как днем, – недовольно сказал Герберт Штрайбль, – но мы перехватим инкассаторские машины в малолюдном месте..., – за пару дней группа подробно изучила обычный маршрут грузовиков:

– На мероприятие уйдет пять-семь минут, не больше..., – Микеле допил кофе, – надо завтра забежать в дорогой магазин, купить Жаклин подарок..., – он чувствовал себя виноватым перед девушкой. Микеле поцеловал сладкие губы:

– Завтра вернусь, – пообещал он, – и больше не брошу тебя до конца отпуска. Отсюда мы поедем в Копенгаген, а потом полетим домой..., – Жаклин задержала его руку:

– Веди машину осторожнее, милый. Ты всегда слишком быстро едешь..., – Микеле усмехнулся:

– Здесь нет ограничений в скорости, чем я и намерен пользоваться..., – мотор BMW взревел. Джеки послушала шорох шин по усыпанной гравием дороге, ведущей к воротам пансиона. Девушка невозмутимо курила, разглядывая сияющий золотом закат:

– Я схожу в бассейн и сауну, – решила она, – и поваляюсь в постели с книжкой..., – по расчетам девушки, Микеле должен был быть на полпути к Гамбургу:

– Теперь он не вернется, даже если проколет шину, – Джеки поднялась, – надо посмотреть, что лежит в портфеле. Но переснимать документы пока не след, у нас один кодак на двоих..., – как она и ожидала, шифр остался прежним:

– День рождения Риты, – замочек мягко щелкнул, – Микеле настоящий итальянец..., – среди кипы бумаг Джеки заметила коричневый конверт:

– Если он заклеен, рисковать не стоит, – девушка присела на старинный стул в гостиной, – верну его на место и займусь другими документами..., – из открытого конверта ей на колени выскользнули цветные снимки:

– Он что, таскает порно для Альбера, – Джеки поморщилась, – сам Микеле не может быть таким, я бы догадалась..., – она опустила глаза.

Фотографии упали на ковер. Джеки не поняла, она вскочила со стула:

– Это монтаж, – девушка закусила губу, – я ничего не видела, я ошиблась..., – Джеки застыла:

– Я не имею права так говорить. Я должна понять, что происходит, должна во всем разобраться..., – схватив со стола антикварную лупу, девушка заставила себя вернуться к снимкам.

Подростком Микеле часто ездил с отцом на охоту. Карло не брал лимузин в горы. Они добирались до отдаленного полустанка на медленном пригородном поезде. Деревенские парни слушали транзисторы. Тетушки с пустыми корзинами, возвращавшиеся с римских рынков, вязали и судачили на провинциальном диалекте.

Микеле позевывал, привалившись головой к оконному стеклу. Карло привлекал его к себе:

– Поспи, сыночек, – он ерошил темные волосы мальчика, – мы поднялись до рассвета..., – Микеле бурчал: «Я не маленький».

– Потом я все равно умещался у папы под боком, – Микеле не отрывался от бинокля, – он шуршал газетой, а я находил в кармане куртки конфеты от мамы. Мне было так уютно, как сейчас с Жаклин...

Переодеваясь в туалете заправки на полпути к Гамбургу, Микеле обнаружил в кармане пиджака пакетик миндального печенья:

– На случай, если вы не закажете десерт, – Жаклин нарисовала веселую рожицу, – я тебя люблю, милый..., – Микеле коснулся губами пакетика:

– Я тебя тоже, милая...

Обычно он просыпался раньше Жаклин. В спальне квартиры у Колизея царила полутьма. Прижавшись щекой к ее теплой спине, Микеле слушал легкое дыхание девушки. Ее мягкие волосы пахли летними цветами. Жаклин шевелилась в полудреме, он неслышно шептал:

– Все хорошо, милая. Я с тобой, спи спокойно..., – он закрывал глаза:

– Так будет всегда, – Микеле не мог поверить своему счастью, – случившееся раньше, девицы и травка с выпивкой, были ерундой. Мы с Жаклин останемся вместе, как настоящие борцы, как товарищи Джоанна и Поль..., – девушка рассказывала о могиле провозвестников социализма на кладбище Пер-Лашез:

– Сейчас мы в Париж не попадем, – пожалел Микеле, – надо устроить себе медовый месяц во Франции, поработать с тамошними леваками...

Пока под железнодорожным мостом, где остановились купленные по дешевке подержанные фургоны, царила тишина. Наверху изредка громыхали вечерние поезда. Номера машин залепили грязью:

– В Гамбурге удачно прошел дождь, – хмыкнул Микеле, – немного посвежело...

В летней ночи блестели фонарики речного ресторанчика на набережной Эльбы. Баржа покачивалась под легким ветром с моря. Микеле послушал отдаленную музыку. Играли старое танго:

– Бери печенье, – сказал он Герберу, сидящему за рулем, – Жаклин меня снабдила в дорогу..., – юноша перевел бинокль на палубу ресторанчика. Танцевала единственная пара:

– Они старше папы и мамы, – понял Микеле, – им, кажется, идет седьмой десяток..., – седоватый, смуглый мужчина уверенно вел в танце высокую блондинку:

– Она тоже с сединой, – Микеле заметил белые пряди в ее волосах, – надо же, в таком возрасте еще ходят на свидания. Или они муж и жена..., – Микеле загадал:

– Если так и окажется, то мы с Жаклин состаримся вместе, у нас родятся дети..., – на пальце блондинки переливалось обручальное кольцо. Микеле удовлетворенно выдохнул:

– Все будет хорошо..., – не опуская бинокля, он поинтересовался:

– Когда закрывается баржа..., – Герберт хрустел печеньем:

– Очень вкусное, как у мамы. В полночь, – он взглянул на часы, – еще десять минут, это последний танец парочки..., – Микеле закурил:

– Если они нырнут под мост, танец и правда окажется последним, – спокойно сказал юноша, – свидетелей оставлять нельзя...

Приведя машины на место, они натянули на лица черные вязаные шапки, но Микеле не хотел никакого риска:

– Оружия у нас больше, чем у инкассаторов, – заметил он на совещании в темном углу бара, – у нас припасен целый арсенал, но после акции мы свалим все в воду и поминай, как звали...

Фургоны разъезжались в разные стороны. Деньги они делили, как выразился Микеле, по товарищески. Миллион долларов уходил на нужды ИРА. Остальное забирали они с Гербертом для подпольных террористических, как их называли в газетах, группировок.

BMW Микеле оставался на стоянке в Сан-Паули:

– Я сам доберусь до центра, – сказал он Герберту, – рюкзак для наличных у меня с собой, – в рюкзаке лежала и смена одежды, – я прилично выгляжу, никто меня не остановит. Я итальянский турист, люблюсь красотами белой ночи...

Микеле любил ранние, прохладные утра в горах. С полустанка их забирал соученик отца по университету, деревенский, как он сам называл себя, стряпчий. Потрепанный фиат карабкался по серпантину дороги, среди ключьев тумана, в перекличке просыпающихся птиц. На каменной колокольне церквушки били к заутрене. На заднем сиденье, среди разбросанных удочек и ружей, похрапывали рыжие крестьянские гончие:

– На медведей и волков мы не охотились, – улыбнулся Микеле, – только на кабанов, зайцев и оленей..., – он услышал чавканье глины под ногами, шелест сухих листьев, тихий голос отца:

– Не торопись, подожди..., – среди подлеска виднелась спина кабана, – удобнее всего стрелять на водопое..., – мигнули фары машины рядом. Герберт повернул свой рычажок:

– Борову не терпится получить миллион, – весело сказал приятель, – осталась пара минут..., – один из немецких парней, вооруженный рацией, четверть часа назад сообщил, что машины отошли от банка. Хранилище находилось за углом от железнодорожного моста:

– Туда инкассаторы не доедут, – Микеле насторожился, – что за черт, еще один фургон впереди. Почему в колонне три машины, а не две..., – не успев миновать перекресток, инкассаторские машины застряли на красном сигнале светофора. Темный фургон ехал прямо под мост:

– Это не банковский грузовик, – спокойно сказал Герберт, – а обычная машина, но надо ввести в действие план В..., – Микеле наклонился к рации на приборной доске:

– Боров, вперед..., – микроавтобус преградил дорогу темному фургону:

– Инкассаторы едут сюда, – Микеле высунулся из окна машины, – Герберт, давай..., – они все точно рассчитали:

– Еще три метра, два, один..., – Микеле кивнул: «Начинаем».

Канализационный люк на дороге вспучился, полыхнув огнем. Грохот взрыва смешался с перестуком колес очередного поезда. Схватив АК-47, Микеле выпрыгнул наружу.

Заказывая столик на барже, Иоганн весело сказал жене:

– Завтра появится подкрепление, а сегодня побудем одни, как сорок лет назад...

В двадцать восьмом году Иоганн Кампе, с заклеенной пластырем бровью, пришел с букетом цветов в приемный покой городского госпиталя в Киле:

– Сорок лет, как мы женаты, – поняла Грета, – проклятый Гитлер украл у нас десять, но мы все наверстали..., – их первое свидание прошло на скамейке, рядом с лотком на набережной, где жарили рыбу:

– Надо было сначала позвонить, герр Кампе, – морской ветер развеивал светлые волосы Греты, – я сегодня дежурю, мне никак не вырваться из больницы..., – он смущенно покрутил парадную кепку:

– Но потом вы сможете вырваться, фрейлейн Грета..., – она забрала у Кампе бутылку лимонада:

– Потом смогу, – голубой глаз лукаво посмотрел на него, – я думала, вы возьмете пиво, как другие парни..., – Кампе покраснел:

– Мне нельзя, – он поковырял ботинком булыжники, – мне двадцать один год, я холостяк и детей у меня нет. У нас не положено, чтобы юноши пили..., – Грета поинтересовалась: «У кого – у нас?».

Кампе зарделся:

– Теперь вы точно никуда не выветесь, – обреченно сказал он, – я цыган, фрейлейн Грета..., – девушка подперла решительный подбородок кулаком:

– То-то я спиртного духа от вас не почуяла, – заметила она, – откуда у вас шрам на ухе? Тоже подрались..., – Кампе пробормотал:

– Можно сказать и так. Я боксер, фрейлейн Грета, а не дебошир, вы ничего такого не думайте...

В ее голубых глазах играли огоньки свечей. К одиннадцати часам светлой летней ночи баржа почти опустела. Прихрамывающий хозяин вынес им бутылку шампанского от заведения:

– Сидите сколько хотите, – заметил пожилой человек, – в нашем возрасте торопиться некуда..., – Кампе отозвался:

– Спасибо, уважаемый господин. У нас в этом году рубиновая свадьба..., – на запястье Греты переливался скромный серебряный браслет:

– Один рубин там есть, – смешливо сказал Кампе, – остальные гранаты, но главный рубин – это ты, как сказано в Писании...

За обедом они разговаривали о Магдалене:

– Надеюсь, ее не успеют никуда перевести, – озабоченно сказала Грета, – но если так случится, то мы с Мартой дойдем до твоего приятеля Вилли Брандта и добьемся справедливости..., – Иоганн вздохнул:

– Вилли пока не канцлер, а только вице-канцлер и министр иностранных дел..., – Грета подняла бровь:

– Думаю, что он сможет что-то решить в отношении девочки..., – встретившись в сороковом году в Стокгольме, Кампе и Брандт поддерживали переписку:

– Вилли ходил в мой спортивный зал, – Кампе улыбнулся, – он боксировал в весе пера и никогда не сдавался на ринге..., – Грета не хотела злоупотреблять таким знакомством:

– Но иначе не получится, – поняла она, – в здешней крипо засели нацисты не хуже канцлера Кизингера..., – нынешний канцлер ФРГ во время войны подвизался в отделе пропаганды министерства иностранных дел:

– Инспектор Вольфганг молод, – сказала Грета мужу, – но пляшет под дудку стариков. Хватит, – она пристукнула по столу кулаком, – я уверена, что девочка ни в чем не виновата. У нее есть семья, старший брат..., – Грета запнулась, – и младший брат у нее тоже жив..., – Кампе развел руками:

– До него никак не добраться, поэтому лучше пока молчать о моем тезке..., – он поинтересовался у жены:

– Насчет медсестры, убийцы стариков, что сидела в твоём бараке..., – Грета помолчала:

– Пусть Матильда живет, как знает. Марте я о ней рассказала, а в остальном срок давности по ее делу прошел..., – Кампе заметил:

– Но для беглых нацистов никакие сроки не прошли. Думаешь, пожар на ферме Брунсов устроили именно они..., – Грета кивнула:

– Больше некому. Ладно, подождем, пока здесь появятся Марта с Андреасом..., – услышав по телефону о Магдалене, Марта зашуршала календарем:

– Завтра я прилечу, – невозмутимо сказала женщина, – хотя у нас горячая пора, – Грета услышала короткую усмешку, – но со свадьбой рук много, а с Магдаленой могу помочь я одна..., – Грета упомянула о Генрике. Марта отозвалась:

– Сначала надо вытащить девочку из сумасшедшего дома, остальное подождет. Генрик сейчас в Вене, на концертах...

Кампе, едва уместившийся в тесную кабинку на почтамте, перехватил трубку:

– Андреас приезжает, – сообщил он, – как говорится, одна голова хорошо, а четыре лучше..., – Марта фыркнула: «Не прилетает?». Кампе добродушно ответил:

– Думаю, если до такого дойдет дело, то в Гамбурге отыщется легкий самолет..., – за танго Грета положила голову на знакомое плечо мужа:

– Надеюсь, что не дойдет, – пожелала фрау Кампе, – а девочку мы отвезем в Швецию. Пусть оправится под нашим крылом. Ей всего двадцать два, она совсем молода. Она придет в себя, все будет хорошо..., – Кампе шепнул:

– Помнишь, как сорок лет назад ты учила меня танцевать..., – Грета все помнила:

– Даже в танцевальном клубе ты тянул лимонад..., – выйдя с баржи, они нырнули под железнодорожный мост, – а я ждала, пока ты наберешься храбрости и поцелуешь меня..., – Кампе потерся носом об ее ухо:

– Дойдем до отеля и поцелую, не говоря обо всем остальном...

Грязный белый микроавтобус, сорвавшись с места, перегородил дорогу темному фургону. На мосту прогрехотал поезд, зазвенели разбившиеся фары грузовика:

– Что за черт..., – Кампе толкнул Грету к стене, – там еще какие-то машины..., – камни дрогнули от взрыва, дорога перед мостом взлетела в воздух.

Грузовик перевернуло, по стене зацокали выстрелы. Кампе бросился на мостовую, закрывая своим телом Грету.

– Сегодня, шестого июля, в Гамбурге и окрестностях ожидается хорошая погода, – бодро сказал диктор, – температура до плюс тридцати градусов. Для ранних птишек играют битлы. Прослушайте новый хит ребят из Ливерпуля, начинавших музыкальную карьеру в нашем городе..., – радио захрипело еле различимым сквозь помехи голосом Пола:

– Who finds the money when you pay the rent?

Did you think that money was heaven sent?

В ста километрах от Гамбурга радио еле ловило городскую станцию. Мотель, как сказали бы в Америке, торчал на окраине стоянки для грузовиков. Грязноватый белый фургон затерялся среди утонувших в тумане машин. Стрелка на часах едва добралась до пяти утра.

Засаленные карты шлепнулись на покрытый клеенкой стол. Герберт подмигнул Борову:

– Деньги точно свалились с неба прямо нам в руки..., – два миллиона долларов в аккуратных банковских упаковках они разделили между двумя брезентовыми рюкзаками:

– Не так много, – удивленно сказал Боров, – но в Британию я с этим грузом соваться не собираюсь..., – Герберт согласно кивнул:

– Вряд ли нас ищут, следов мы не оставили, – он помрачнел, – то есть не оставили в живых могущих описать случившееся. . . , – кроме пожилой пары, попавшей под очереди Калашниковых, трупов шоферов и инкассаторов, под мостом лежало и тело одного из итальянских парней, получившего пулю в живот.

Боров невозмутимо разрядил автомат ему в голову. Микеле не успел остановить ирландского гостя:

– Нас так учили, – бросил через плечо Боров, – кто может идти, тот идет, а кто не может. . . , – недвусмысленно проведя пальцем по горлу, он выстрелил в замок на двери неизвестного темного фургона:

– Нам в руки свалилось еще кое-что, – смешливо подумал Герберт, – но в Париже мы от нее избавимся. . . , – убивать девчонку по пути было неразумно:

– Сейчас надо залечь на дно, – Герберт затянулся сигаретой, – во Франции нас приютят ребята из левых групп. Я везу деньги, – парень широко улыбнулся, – мне, как, впрочем, и тебе, все обрадуются. . . , – Боров рыгнул:

– Если только ненадолго. В Лондоне в августе намечается большая акция, – мероприятие готовили Джойс и члены ИРА, захватившие в Британию по безукоризненным паспортам, – мне надо оказаться там. . .

Песенка окончательно утонула в череде помех. Герберт щелкнул рычажком:

– Надо переключиться на бременское радио, – до города оставался десяток километров, – но музыку мы послушаем вечером. . . , – они собирались провести, как выразился Боров, дневку в мотеле, а с темнотой двинуться к голландской границе:

– К рассвету мы окажемся в Амстердаме, – Боров оценил свои карты, – где надо сходить за покупками, – он подмигнул Герберту:

– Я имею в виду травку и волшебный порошок для нашей птички. . .

Они понятия не имели, почему девчонку перевозили в запертом фургоне. Шофер и сопровождающий парень из кабины машины тоже больше ничего не могли сказать. Они не собирались тратить время на поиски документов:

– В любом случае, все сгорело, – Герберт сделал ход, – а она молчит, словно воды в рот набрала. Может быть, она вообще немая. . . , – никто не мог бы обвинить их в дурном обращении с девицей.

В номере мотеля стоял захватанный грязными руками чайник. Герберт сделал девчонке стакан скверного кофе, щедро сыпанув туда сахара и сухих сливок:

– Тебя как зовут, – на вид девчонке было лет шестнадцать, – кто ты такая. . .

Ее платье напомнило Герберту тюремные наряды. Темные волосы девицы оказались коротко остриженными. Она мотала головой, забившись в угол, натянув на себя тонкое одеяло. На запястьях краснели заживающие болячки:

– Наверное, она из уголовниц, – заметил Герберт, вернувшись на крохотную кухню номера, – то есть из несовершеннолетних преступников. Потом надо решить, что с ней делать. . . , – Боров развалился на скрипящем стуле:

– Ясно что, – хохотнул парень, – попользовать и в воду. Сена все скроет. Но пока надо посадить ее на героин, то есть вернуть на иглу. . . , – на руках девчонки виднелись следы от укулов.

Из Парижа Боров собирался отправиться в Бретань:

– С таким грузом я не хочу брать билет на обычный паром, – объяснил парень, – за пару сотен франков рыбаки подбросят меня до Ирландии. . . , – Герберт намеревался вернуться в Германию только в конце августа:

– Я подожду, пока все уляжется, – сказал он Борову, – родители считают, что я совершаю паломничество в Сантьяго-де-Компостела. . . , – Боров покрутил головой:

– Эти ваши католические штучки. . . , – Герберт внимательно посмотрел на приятеля.

Боров оскалил крепкие зубы:

– Акцент у меня не ирландский, хотя континентальная полиция в таком не разбирается. В Ирландии я на нелегальном положении. Фантик, – он помахал паспортом, – нужен мне только для акций в Европе...

Боров, как и Герберт, хотел посетить Рим осенью:

– Микеле понадобится наш опыт, – хмыкнул Герберт, – он благополучно добрался до побережья теперь отсыпается с Жаклин...

Они набрали номер телефона приятеля, едва припарковав фургон на стоянке для грузовиков. Микеле сонно сказал:

– Все в порядке. Я подремал пару часов в пансионе в Сан-Паули, забрал машину и поехал на север..., – Микеле зевнул, клацнув зубами:

– Как ваш неожиданный трофей, – он усмехнулся, – только ведите себя осторожней, не называйте друг друга по именам..., – Герберт отозвался:

– Разумеется. Мы тоже пойдем спать, свяжемся с тобой из Парижа..., – в Париже он переводил деньги, за вычетом своего процента, на некий счет, расположенный в Цюрихе. Микеле делал то же самое, только в Копенгагене.

Десять процентов суммы отходило им, как исполнителям:

– Тридцать тысяч за пять минут работы, – Герберт делил деньги с другими немецкими парнями, – Микеле теперь получит пятьдесят, а Боров заграбастал себе всю сотню..., – словно услышав его, приятель наставительно сказал:

– В моей родной стране, куда я когда-нибудь вернусь, меня ждут расходы на обустройство..., – он кинул карты на стол, – в следующий раз работай один, так выгоднее..., – Герберт вздохнул:

– Но тяжелее. За деньгами я не гонюсь, левая идея важнее. Но лучше похищать всяких богатеньких свиней или их отпрысков.хлопот меньше, а выкуп можно получить отличный...

Он отхлебнул пива из купленной в баре мотеля бутылки:

– Кому не везет в картах, тому везет в любви, – юноша указал на стол, – значит, я первый. Смотри не засни, – он поднялся, – хотя долгие развлечения мы оставим на потом..., – Боров кинул ему картонный пакетик:

– На всякий случай, – весело сказал приятель, – хотя вряд ли она девица такого толка. У нее, кажется, не все в порядке с головой..., – Боров покрутил пальцем у виска, – хотя какая нам разница...

Герберт сунул презервативы в карман джинсов: «Никакой».

У пожилого официанта в пляжном кафе оказался неожиданно бойкий английский язык:

– Ваша барышня еще купается, – он водрузил на стол поднос с начищенным кофейником, – дело хорошее, молодой человек. Море сейчас, как парное молоко...

По белому песку пляжа под Фленсбургом расставили плетеные кабины с полосатыми шторками. Вечернее солнце золотило мелкую воду. Визжали малыши, стучал волейбольный мяч. В динамике медовым голосом пел Элвис: «Love me tender, love me sweet, never let me go...». Официант ловко поменял пепельницу:

– К нам часто приезжали британцы, персонал знает английский язык..., – если он и услышал акцент Микеле, то ничего не сказал, – отдохайте, молодой человек..., – брезентовый рюкзак стоял у ножки его стула. Чемоданы лежали в багажнике BMW.

Не желая задерживаться в Германии, Микеле забронировал по телефону номер в пансионе на датской стороне границы:

– Я отоспался, – кофе сварили неожиданно крепким для Германии, – но я бы еще поспал..., – Микеле скрыл зевок, – ребята позвонят мне из Амстердама в Копенгаген, – юноша давно заказал номер в хорошей столичной гостинице, – и сообщат, как у них дела...

Микеле попытался подумать о пятидесяти тысячах долларов, которые скоро должны были пополнить его цюрихский счет:

– Ничего не получается, – он вспомнил птичку в сером тюремном платье, вытащенную ими из фургона, – мне даже неинтересно, кто она такая и куда ее везли, я думаю только об одном...

Седоватый мужчина, виденный им на барже, умер, получив пулю в затылок:

– И его жена умерла, – рука Микеле задрожала, пепел просыпался на стол, – она дышала, но недолго..., – на губах пузырилась кровавая пена, она пыталась хрипеть, – но их убил не я, как не я убил Джакопо...

Застреленный Боровом парень был военным сиротой, сыном повешенного нацистами партизана:

– У него нет родни, – Микеле сглотнул, – на акцию мы отправлялись без документов. Немцы никогда в жизни не поймут, кто он такой...

Жаклин не расспрашивала его о так называемом деловом обеде и не поинтересовалась содержимым появившегося в машине рюкзака. Микеле не собирался рассказывать ей о случившемся под мостом. Перед выездом из Тиммендорфер-Странд он купил сегодняшние гамбургские газеты. О перестрелке нигде не упоминалось:

– По радио тоже ничего не говорили, – Микеле слушал приемник в машине по дороге во Фленсбург, – полиция все засекретила..., – на акции они не снимали масок:

– И никто не выжил, – напомнил себе Микеле, – а о девчонке позаботятся Герберт и Боров..., – он возвращался мыслями к пожилой паре:

– Я сказал Жаклин, что хочу провести с ней всю жизнь, – вздохнул юноша, – у них, наверное, остались дети и внуки. Но я не виноват в их смерти, вернее, я не знаю, виноват или нет...

Прохладные ладони прикрыли ему глаза. Жаклин накинула полотенце на блестящие капельками воды плечи. От девушки пахло солью и ветром:

– Сидит, думает, – она прижалась влажной щекой к темным волосам Микеле, – закажи мне мороженое, милый..., – по дороге на север Джеки велела себе подождать:

– Отсюда опасно звонить в Рим, – напомнила себе девушка, – в Копенгагене я могу сделать вид, что гуляю по магазинам, но что мне даст звонок...

Сначала ей надо было переснять фотографии, что можно было сделать только в Риме. Джеки понимала, что на слово ей никто не поверит:

– Он..., папа – бывший партизан, герой войны и уважаемый человек..., – лица других людей на фото не попали в кадр или были размыты, – я не знаю, где все случилось, – она сдержала тошноту, – но снимки не случайно попали к Микеле. Они собираются шантажировать папу..., – девушка подумала о назначении отца в Европу:

– Может быть, он сейчас именно в Риме, – пальцы похолодели, – но сначала мне надо вернуться в Италию..., – Джеки ласково поцеловала небритую щеку Микеле:

– Ванильное и клубничное, – она присела на колени к юноше, – и давай двинемся к границе, то есть в пансион, – девушка зевнула, – после купания всегда хочется спать...

Поднеся к губам ее руку, Микеле потерся лицом о мягкую ладонь:

– Не бросай меня, Жаклин, – неразборчиво пробормотал юноша, – я не могу жить без тебя и никогда не смогу..., – Джеки обняла его:

– Обещаю, что мы всегда останемся вместе, милый..., – ветер заполоскал полотенцем, разметал черные волосы девушки:

– Обещаю, – ее сердце часто забило, – я люблю тебя, Микеле.

Десятилетним мальчиком нынешний инспектор Вольфганг был тайно влюблен в красивую девушку с картины Циглера об арийском материнстве. Получил репродукцию в подарок в ячейке Гитлерюгенда, он сам вырезал деревянную рамку:

– Сорок третий год, – вспомнил Вольфганг, – папа еще не погиб под бомбами, мы еще не очутились с мамой и малышкой в подвале... – родившаяся после смерти отца сестра инспектора не пережила последней военной зимы. Мать Вольфганга тоже едва не умерла от воспаления легких:

– Она все равно заработала туберкулез, потому что мы жили в сырости, – за открытым окном кабинета серебрилась вода Эльбы, – а после капитуляции меня надо было кормить, и она пошла по известной дорожке... – мать едва дотянула до получения им аттестата:

– Она просила меня не бросать школу, и я не бросил, – вздохнул инспектор, – мне удалось найти место помощника пекаря в булочной... – закончив ночную смену, пятнадцатилетний Вольфганг урывал пару часов сна, устраиваясь на полу заведения:

– Но я хотя бы ел досыта, и мама больше не голодала, – он поискал на столе сигареты, – а моя репродукция погибла в бомбежке, вместе с папой и всем остальным, что у нас было...

В детстве он исподтишка любовался мягким очерком красивого лица модели. В свете настольной лампы ее волосы играли бронзовыми искрами. Вольфганг даже не ревновал к мужу девушки на картине. Парень в рабочем комбинезоне устроился у приемника. Девушка держала на руках пухленького младенца:

– Долг арийской матери, – гласила подпись под репродукцией, – воспитывать детей в преданности фюреру... – в школе они писали по картине сочинения.

Женщина в костюме светлого льна, сидевшая перед Вольфгангом, могла быть арийской матерью с холста Циглера:

– Но постаревшей на двадцать лет, – понял инспектор, – даже у фрау Кампе седины было меньше, хотя она блондинка... – визитерша, курившая британские сигареты, представилась ему, как фрау М:

– Больше вам знать ничего не надо, – зеленые глаза холодно взглянули на него, – из соображений безопасности. Ознакомьтесь с факсом из Бонна, – бумагу Марта получила у полицейских в аэропорту, – вам должны были позвонить из столицы... – инспектор Вольфганг действительно говорил с оставшимся ему неизвестным парнем:

– Я работаю в министерстве иностранных дел, – голос был молодым, – вице-канцлер Брандт просит оказать всемерное содействие фрау М, представляющей британское правительство...

Вольфганг формально подчинялся не вице-канцлеру, а министру внутренних дел, однако инспектор решил не спорить. Он понятия не имел, какое отношение имеет бывшая уголовница Кампе к вице-канцлеру:

– Хотя она после войны жила в Стокгольме, куда бежал ее муж... – Вольфганг помнил архивную справку, – и Брандт тоже прятался у нейтралов, он социал-демократ. Вдруг он приятель этого боксера...

Ходили слухи, что Малыш Вилли, как его звали в Бонне, железной рукой очистил МИД от кадров времен партайгеноссе Риббентропа:

– Парень из МИДа по голосу был даже младше меня, – Вольфганг изучал факс, – наверняка, он тоже левак, как Малыш Вилли... – факс с подписью главы криминальной полиции Германии открывал фрау М дорогу к любым материалам дела.

Марта пошла за факсом, увидев в зале прилета гамбургского аэропорта заплаканное лицо Андреаса Кампе. Парень, возвышавшийся над ней на две головы, растерянно пробормотал:

– Тетя Марта, я приехал из Мальме на рассвете, и отправился к папе и маме в пансион, но застал там только полицию. Папа сказал по телефону, что тоже вызвал вас сюда. Я позво-

нил в Лондон, но вы уехали в аэропорт..., – услышав о случившемся, Марта промаршировала в тесную комнатку, где сидели транспортные полицейские:

– И я не отстала от них, пока они не позвонили в Бонн, – Марта добилась личного разговора с вице-канцлером, – пока я не получила факс..., – она велела Андреасу ехать в пансион:

– В морге, – юноша дернулся, – тебе делать нечего. Отоспись, ты всю ночь провел на ногах..., – Андреас ранним утром сошел с парома, – сядь на телефон, постарайся отыскать Эмилию. Позвони Андерсам, – Марта вздохнула, – организуй перевозку..., – она запнулась, – в общем, остальным займусь я..., – инспектор исподтишка рассматривал жесткое лицо женщины.

В углах красивого рта и на лбу залегли морщины. Фрау М говорила на отменном немецком языке, с тяжелым берлинским акцентом:

– Ей лет пятьдесят, – решил Вольфганг, – наверное, она тоже социал-демократка, доверенная приятельница Мальша Вилли. Она, скорее всего, подвизалась с ним в Испании и решила не возвращаться в рейх, от греха подальше..., – он не мог отказать женщине в знакомстве с довольно тощей папкой с материалами дела:

– И дела никакого нет, – поправил себя Вольфганг, – как нет трех миллионов долларов...

Под мостом остались три сгоревших, искореженных автомобиля и девять трупов, включая случайно, как считал Вольфганг, попавшую под пули чету Кампе:

– Они ужинали в плавучем ресторанчике, – хозяин заведения узнал пару, – и решили пойти пешком в пансион, погода стояла отменная...

Еще один труп, темноволосого юноши средиземноморской наружности, опознать не удалось:

– Его пристрелили бандиты, – понял Вольфганг, – у него было ранение в живот, мерзавцы избавлялись от обузы при бегстве...

Психиатрическая перевозка оказалась под мостом случайно. Магдалену Брунс должны были отправить в Киль днем, но тамошний фургон запоздал из-за неисправности. Главный врач отделения решил, что дешевле оплатить шоферу и санитару сверхурочные, чем устраивать их в гостиницу:

– Кто знал, что для них рейс станет последним, – вздохнул Вольфганг, – но Брунс здесь не при чем, она последние шесть лет просидела в закрытой больнице...

Женщина рассматривала фотографию с огороженными полицейской лентой остатками канализационного люка:

– У них имелось взрывное устройство на радиоуправлении, – утвердительно сказала фрау М, – вы нашли в месте засады улики, могущие указать на происхождение преступников..., – Вольфганг помолчал:

– Нет, уважаемая фрау, пока мы ничего не отыскивали..., – у британской визитерши, как и у покойной фрау Кампе, оказались неплохие для ее возраста ноги.

Поднявшись, женщина стряхнула невидимые пылинки с короткой юбки:

– Поехали в морг, инспектор, – велела она, – и, кстати, где сейчас фрейлейн Брунс..., – Вольфганг покачал головой:

– Думаю, что скоро ее труп выловят из Эльбы..., – он не понимал, для чего опасная сумасшедшая понадобилась британцам:

– Но и Кампе, кажется, непростые люди, – понял Вольфганг, – если сюда явилась эта фрау М...

Бросив в рот сигарету, женщина требовательно взглянула на инспектора:

– Поехали, – повторила фрау М, – время не ждет.

Полицейские эксперты с немецкой тщательностью настаивали, что медицинское заключение еще не готово. Марта устало сказала:

– Мне и без бумаг все ясно. Пули выпустили из АК-47, пару которых вы нашли в Эльбе рядом с местом преступления..., – оружие сбросили в воду.

Марта избегала смотреть на прикрытые простынями тела. Светлые, подернутые сединой волосы Греты блестели под ярким светом ламп в подвальной прозекторской:

– Она жила, – Марта вернула экспертам наскоро отпечатанные листы отчета, – Кампе умер сразу, а она жила..., – медики считали, что попади Грета на операционный стол немедленно после ранения, ее могли бы спасти:

– Ей шестьдесят один год, – уважительно сказал старший из врачей, – однако она здоровая женщина, то есть была такой..., – пуля пробила Грете легкие:

– Они не палили в белый свет, как в копеечку, мы имеем дело с тренированными людьми...

По мнению Марты, они столкнулись с внутренней работой. Именно так она выразилась в телефонном разговоре с инспектором Вольфгангом:

– Проверьте поставщиков, услугами которых пользовался банк, – сказала она, – информацию об инкассации суммы и ее транспортировке слили за хорошую цену..., – Марта понимала, что под мостом орудовали леваки:

– Я не собираюсь вмешиваться в дела полиции, – она обосновалась в пустом кабинете в глубинах морга, – Кампе и Грету не вернешь, но мне надо найти Магдалену...

Марта повертела черно-белую фотографию коротко остриженной девушки с угрюмым лицом:

– Просиди я в тюрьме шесть лет, у меня тоже появилось бы такое выражение, – вздохнула она, – девочку безвинно держали взаперти. После пожара она была не в себе, однако я больше, чем уверена, что с разумом у нее все в порядке...

Добытую из материалов дела фотографию Марта хотела отослать в Париж, инспектору Сюртэ Пьеру де Лу. Племянник занимался леваками. Марта тянула остывший кофе:

– Они могут вынырнуть во Франции, если, разумеется, они не избавятся от девочки по дороге..., – снимок Магдалены разослали по Германии, фотография ушла в Интерпол, но Марта хотела лично поговорить с Пьером:

– Женщина в черном плаще, – она обхватила чашку похолодевшими ладонями, – Максимилиан говорил, что Сталин был прав, избавляясь от врагов руками врагов. Он знал, что Моллер охраняла Лауру в концлагере, он мог дать Лауре адрес фермы..., – Марта напомнила себе, что случившееся на ферме Брунсов может подождать:

– До Иоганна нам не добраться, а Магдалена исчезла из вида, как и остальная банда...

Ей надо было позвонить в Израиль, Иосифу. Марта знала об операции Моссада:

– Хайди, то есть Халида, сейчас в Сирии, а Джеки послали в Рим, заводить отношения с Красным Волком Ферелли, – Марта хотела проверить, где сейчас обретается Красный Волк:

– Он мог и не подпустить Джеки к себе, – поняла Марта, – и вообще, Моссад не обязан посвящать меня в подробности их внутренней операции..., – Марта сорвала со стенного календаря листок с седьмым июля:

– Или Джеки преуспела в миссии, но и тогда Ферелли может с ней ничем не делиться, как Макс не делится с Фридой..., – племянница присылала редкие весточки. Адольф, по ее словам, провел весну в Гейдельберге:

– В начале лета он уехал, – Марта сняла выданный ей белый халат, – но Фрида не знает, куда..., – Максимилиан тоже исчез, как думала Марта, с радаров. Вкупе с пропавшими бесследно тремя миллионами долларов, ситуация ей совсем не нравилась:

– Но Джонатана, вернее, Джона, никак не вернуть к левакам, – она прислонилась к стене, – старший Джон на такое не пойдет...

Марта не заикалась о доскональной проверке будущей графини Хантингтон, мисс Орлы О'Коннор. Пара обреталась в дешевой квартирке в рабочем квартале Ньюкасла:

– Они делают вид, что залегли на дно, – Джонатан поддерживал связь с ИРА, отправляя открытки в Дублин, – но ему ничего не сообщали о готовящихся акциях..., – Марта предложила собрать подробное досье на девушку, но герцог поморщился:

– Оставь, – отрубил старший Джон, – мальчик счастлив, они любят друга..., – Вера тайно навещала Ньюкасл, ездил туда и герцог, – учитывая, что Полина..., – он не закончил, – в общем, я не позволю оскорблять мою невестку подозрениями. Она актриса, творческий человек, у них всегда обширные знакомства..., – герцог усмехнулся, – в том числе и в левых кругах. Ты же не подозреваешь Аарона Майера в связях с ИРА или русскими...

Марта не подозревала, но ее все равно что-то беспокоило. Свадьбу назначили на предпоследнее воскресенье августа:

– Двадцать первое число, – Марта полистала календарь, – Клара и Джованни будут в Вене, но венчание предстоит очень тихое..., – старший герцог вел невесту к алтарю, свидетелями были Марта и Волк:

– Они приедут на барже из замка, – шлейф у Орлы несли Чарли и Эмили, – а Маленький Джон подождет невесту в церкви...

После свадебного обеда Марта улетала на север. Густы переводили в тюрьму на острове Уайт. Беби, пока не получивший имени, возвращался с Мартой в Лондон:

– Дома станет веселее, – она потерла руками лицо, – Клара тоже ждет внука..., – по ногам ударило холодом из приоткрывшейся двери. Марта поежилась:

– Внуков еще надо увидеть, – услышала она неприятный смешок, – не лезь, куда тебя не звали, оставь пустое любопытство..., – Марта упрямо встряхнула головой: «Увижу». Бросив халат на спинку стула, она подхватила сумочку:

– Андреас спит, бедный мальчик, – Марта задержалась на пороге кабинета, – надо найти междугородный телефон...

Она зашагала по пустынному коридору к серому железу индустриального лифта.

Номера в пансионе, выходящем окнами на Эльбу, снабдили кухонным углом. На плитке пыхла кастрюлька с овсянкой. Сняв кашу, Марта полила ее ягодным киселем:

– Генрих его любил, – вспомнила женщина, – летом в Пенемюнде я покупала малину и чернику и варила кисель..., – из Гамбурга она намеревалась полететь в Западный Берлин:

– Если я здесь, – заметила Марта во вчерашнем телефонном разговоре с Волком, – то заодно повидая мальчика..., – Шелти звонко залаял. Волк отозвался:

– Мы собрались на прогулку под бдительным оком твоих коллег..., – три неприметные машины круглосуточно дежурили на Ганновер-сквер, – а что касается парня, то уговорила бы ты его вернуться в Лондон..., – муж помолчал, – теологию можно изучать и в Кембридже.

Марта понимала, что старший сын не покинет Западный Берлин:

– Генрих считает, что оставаться в городе его долг, – она заварила кофе, – пусть и рядом с агентами Штази. И о Маше с Феденькой пока нет никаких вестей, – она напомнила себе, что Павел не может позволить себе излишнего риска:

– Марта сидит на Полигоне, а в Аральске, где застрял Питер или в Сыктывкаре, у Нади, интуристы не появляются..., – перед возвращением в СССР Павлу Левину удалось отправить единственный конверт, пришедший на адрес епископа Кардозо в Асунсьон:

– Он не нашел ни Лауры, ни Полины, – Марта вышла с сигаретой на балкон, – но он встречал их в Буэнос-Айресе..., – Марта видела надежду в глазах Джованни и Джона:

– Они считают, что девочки отыщутся, то есть я их отыщу..., – Марту охватила тяжелая усталость, – но как это сделать? С Полиной в кафе сидел высокий светловолосый мужчина..., – сигарета выпала из ее пальцев:

– Фрида упоминала, что в это же время Макс возил ее и Адольфа в Аргентину. Она вернулась в Европу, а эти двое отправились куда-то еще..., – Марта зашевелила губами, –

потом Августин сообщил, что Адольф торчит в Адлерхофе, но Макс туда не доехал..., – она выхватила из кармана жакета записную книжку:

– Павел видел Полину в Буэнос-Айресе через десять дней после его встречи с Лаурой в музее..., – Марта начертила график предполагаемых поездок девушек, – Полина была с высоким и светловолосым мужчиной...

Марта знала, каким обаятельным может быть деверь:

– Полине семнадцать, у нее кипит кровь. Я сама в семнадцать лет влюбилась в Генриха, думая, что он нацист, каких поискать. Но мне тогда было все равно. И Ционе было семнадцать, когда она встретила Макса..., – Марта вспомнила о мальчишке, Исааке, живущем в семье Бергеро-в:

– Они ничего не говорили малышу, но они и не знают, кто его отец. И насчет Ционы они ничего не знают, то есть только ее фамилию..., – связаться с Бергерами было невозможно, но Марта надеялась, что рав Лейзер согласится свидетельствовать в раввинском суде:

– Он прошел партизанский отряд и сталинские лагеря, – Марта смотрела на ежедневник, – для него судьба человека важнее, чем строгое следование букве закона. Волк всегда говорит, что кроме буквы, есть еще и дух..., – она решила пока не делиться с Джоном своими выводами:

– Во-первых, непонятно, где искать Максимилиана, если с Полиной был действительно он, – Марта захлопнула книжку, – а во-вторых, Джон может, как бы это выразиться..., – она предполагала, что герцог вряд ли обрадуется новостям:

– Сначала надо все подтвердить, – решила Марта, – а пока стоит поговорить с Андреасом...

Она успела связаться с Парижем, позвонив по рабочему телефону Пьера. Выяснилось, что племянник получил информацию об ограблении в Гамбурге:

– Почерк леваков, – сказала Марта по телефону, – мой дедушка, – она невесело улыбнулась, – тоже занимался экспроприациями якобы награбленного, как тогда заявляли революционеры. Только они не пользовались АК-47, но об этом ты в факсе Интерпола не прочтешь..., – Пьер отозвался:

– Зато я увидел Магдалену Брунс..., – она услышала в голосе инспектора смешок, – хотя с таким качеством она больше похожа на «Черный квадрат» Малевича..., – Марта пообещала отправить в Париж хороший снимок. Она не хотела говорить Пьеру о своих подозрениях насчет пожара на ферме:

– Я ничего не докажу, – с кухоньки доносился стук ложки, – а Лаура его мать. Пьер мне не поверит и правильно сделает..., – она вернулась в комнату. Глаза Андреаса были заплаканы, однако парень выглядел лучше:

– Спасибо, тетя Марта, – он поднял светловолосую голову от тарелки, – все вкусно, как у..., – еще юношеский голос сломался. Марта положила маленькую руку на его большую ладонь:

– Ничего, милый, – женщина помолчала, – говорил ты с сестрой..., – Андреас кивнул:

– Я их нашел в Бергене. Приятели папы в Осло дали телефон пансиона, где они остановились..., – Эмилия с Юханом Андерсом возвращались в Норвегию:

– Они встретят меня в Мальмё, – добавил Андреас, – а тетя Аудра и дядя Юзек организуют отпевание и похороны..., – он поморгал темными ресницами:

– Глаза у него отцовские, – поняла Марта, – видна цыганская кровь..., – юноша шмыгнул носом:

– Я не успел рассказать об этом папе с мамой, но мне предлагали перейти в наше секретное ведомство, – Андреас замялся, – я, наверное, теперь соглашусь..., – Марта кивнула:

– Чтобы заняться леваками..., – жесткий очерк лица парня напомнил ей о Грете:

– Она иногда похоже смотрела, – вспомнила женщина, – ей лучше было не переходить дорогу..., – Андреас отхлебнул кофе:

– Да. Потому что я хочу отомстить за папу и маму, и не отговаривайте меня, пожалуйста..., – Марта поднялась:

– Не собираюсь. Но твои авиационные умения нам еще понадобятся. Доедай кашу, я сейчас вернусь..., – завидев ее, портье подался вперед:

– Чем вам помочь, уважаемая фрау..., – междугородный телефон висел в закутке, украшенном старыми афишами театра «Талия»:

– Краузе может знать, что за люди орудовали в Гамбурге, – Марта скормила автомату несколько монеток, – но Хана занята на съемках, она не прилетит в Европу. Ладно, я свяжусь с Иосифом, поинтересуюсь, где обретается Ферелли, хотя я могу все узнать сама..., – в Бонне трубку сняли на первом звонке:

– Это М, – сказала она по-английски, – в Западном Берлине мне понадобится безопасная линия. Звонок уйдет в Дамаск.

Yesterday, all my troubles seemed so far away
Now it looks as though they're here to stay
Oh, I believe in yesterday....

Подсвистев транзистору, висевшему на двери фургона, Герберт добродушно сказал:

– Не ставь рюкзак на пол, денег не будет..., – аккуратные упаковки сотенных долларов прятались под джинсами и майками Борова.

Машину они загнали в дальний угол стоянки для трейлеров в пригороде Амстердама. Над асфальтом повис сумеречный туман, из соседнего прицепа доносились звуки расстроенной гитары. Документы у них никто не проверял. Парень в деревянной будочке, собиравший плату за парковку, давно водрузил на стекло табличку: «Закрето»:

– Ночью шлагбаум работает только на выезд, – объяснил он Герберту, – нажимаете зеленую кнопку и вперед..., – по соседству со стоянкой грохотали товарные поезда. Боров переставил рюкзак на стол:

– Я везде успеваю. Завтра утром я окажусь в Дублине..., – паромы в Британию и Ирландию отходили из порта Хук-ван-Холланд каждые полчаса, – где мне все обрадуются..., – Боров со значением похлопал по рюкзаку. На выезде из Германии они решили разделиться:

– Нет смысла болтаться вместе, – Боров курил, задрал ноги на приборную доску, – лучше потерять один миллион, чем два..., – Герберт буркнул:

– Типун тебе на язык. Никто нас не арестует, мы студенты и путешествуем на каникулах по Европе..., – заехав на заправку неподалеку от немецкой границы, они помыли фургон:

– Полицейские обращают внимание на грязные машины, – наставительно сказал Боров, – именно так перед Пасхой нас остановил патруль Гарды. В нашем багажнике лежали заготовки для бомб и еще кое-какое оружие, – парень хохотнул:

– Как остановили, так и отпустили, в багажник они не заглядывали. Если бы заглянули, то..., – он недвусмысленно провел пальцем по горлу, – но теперь мы содержим машины в порядке..., – с той же заправки Герберт сделал несколько звонков в Париж:

– С автоматической связью больше не надо искать почтовое отделение..., – из будки можно было связаться почти со всей Европой, – очень удобно..., – вернувшись в фургон, он весело сказал Борову: «Дело на мази, в столице Франции меня ждет радушный прием».

Герберт договорился о ночлеге, как он выразился, в коммуне. Во время майских волнений студенты Сорбонны оккупировали большую заброшенную квартиру:

– Место на Монмартре, – Герберт сверился с часами, – раньше там помещался ночной клуб, но хозяин разорился. Ребята въехали в апартаменты, что называется, явочным порядком... – Боров со значением кивнул на темную утробу фургона. Герберт отмахнулся:

– У нее в голове нет ни одной извилины. Она либо молчит, либо мычит. Мы даже не знаем, как ее зовут... – имя девчонки их совершенно не интересовало:

– В Париже пусть с ней переспит хоть вся коммуна, – заметил Герберт, – она вообще не опасна. Она не знает наших имен, хотя она не глухая... – девчонка не протестовала и не сопротивлялась:

– Она словно кукла, – довольно сказал Боров, – терпеть не могу, когда девицы открывают рот. Ноги – совсем другое дело... – он пыхнул дымом, – хотя в Ирландии такого не дождешься, они католички. Приходится навещать понятно каких девчонок, – Боров покрутил головой, – тратить деньги...

Они оказались в квартале красных фонарей Амстердама незадолго до рассвета. Заведения всюю работали:

– За товаром пойду я, – вызывался Боров, – африкаанс – почти голландский язык... – юноша не скрывал от Герберта, что привело его в Ирландию:

– По возвращении домой я организую военный отряд по защите белого дела, – серьезно сказал Боров, – но, если настанет нужда, я снова появлюсь в ваших рядах... – Герберт считал, что Германия выиграет от нового фюрера:

– Гитлер был социалистом, – сказал он Борову, – он поднял Германию из руин, вернул нашему народу самоуважение. Евреев надо было ограничить в правах. Германия для немцев, а не для жидов или турецкой сволочи, понаехавшей в страну... – Боров вернулся в фургон через час:

– Я еле нашел белого дилера, – фыркнул парень, – квартал кишит черномазыми, но я ничего не покупаю у обезьян... – они разделили уютно лежащийся в ладонь пакет травы:

– Завтра с утра не кури, – велел Боров, застегивая рюкзак, – тебе надо вести машину... – Герберт усмехнулся:

– Не собираюсь. Держи ложку... – Боров щелкнул зажигалкой, темная масса зашипела над огоньком:

– Товар не самого высокого качества, – заметил Герберт, – ты знаешь Миллера... – Боров кивнул:

– Он служил у нас инструктором. Миллер настоящий боец белого дела... – парень ловко набрал героин в шприц, – он рассказывал, как работал в Южной Азии... – Герберт выкинул сигарету в окошко:

– Нам тоже. Настоящий героин вообще-то белый... – Боров оскалился в улыбке:

– Белый порошок для белой расы, но для нее и такое сойдет... – они перелезли через сиденья.

Девчонка забилась в угон фургона, прикрывшись тряпками. Воняло бензином, по полу перекатывались пустые пивные бутылки. Герберт пнул ее в худое бедро. Серые глаза испуганно взглянули на него:

– Давай руку, – велел юноша, – это лекарство, тебе понравится...

Боров нетерпеливо расстегивал джинсы:

– Ты мастер, – одобрительно сказал он, – словно и не будущий юрист, а медик...

Герберт хмыкнул:

– Здесь слепой попадет. По ее венам видно, что она кололась... – взгляд девчонки подернулся дымкой, она что-то пробормотала:

– Заговорила, – Герберт похлопал ее по впалым щекам, – как тебя зовут, птичка... – он прислушался:

– Вроде Лена. Лена так Лена, – он стянул с девчонки истасканное платье, – принимайся за работу, птичка.

Западный Берлин

Ливень гремел в водосточных трубах, в темных лужах плавали желтые лепестки.

В Тиргартене росли липы, однако Генриху всегда казалось, что цветки приносит ветер с восточной стороны города.

Он иногда ходил к Бранденбургским воротам, где поставили несколько деревянных трибун. Оттуда можно было разглядеть липовый цвет, усыпавший аллею на Унтер-ден-Линден. ГДР высадила молодые деревья, взамен погибших в войну. С восточной стороны ворот никаких берлинцев заметно не было:

– Их не допускают близко к стене, – Генрих смотрел на потеки воды, ползущие по окну, – у ворот стену не возвели, но вокруг все просматривается и простреливается...

На деревянном столе в пасторском кабинете лежала сегодняшняя Berliner Morgenpost:

– Хладнокровное убийство невинного человека, – кричал заголовок, – коммунисты ответственны за смерть простого берлинца...

Позавчера, шестого июля, пограничники расстреляли неподалеку от Бранденбургских ворот прилично одетого человека, оставшегося неизвестным западу. Генрих читал отчет об инциденте в газете:

– Его хорошо было видно с западной стороны, – он вытащил из кармана пиджака сигареты, – он просто шел к воротам..., – восточная сторона Паризер-плац, где располагались Бранденбургские ворота, считалась так называемой мертвой зоной и строго охранялась:

– Пограничники сделали три выстрела, – вздохнул Генрих, – он упал и его сунули в военную машину. Мы теперь никогда не узнаем, кто он был такой...

Генрих сунул в молитвенник закладку: «Неизвестный». Он хотел попросить общину помолиться за спасение тела и души расстрелянного берлинца:

– Если он выживет, Штази его отправит в тюрьму, – мрачно подумал Генрих, – откуда его могут никогда не выпустить...

Он уловил шуршание гравия на дорожке рядом с церковью:

– Интересно, кто к нам пожаловал, – Генрих выпустил дым в полуоткрытое окно, – моя паства не разъезжает на автомобилях..., – он обрадовался, получив назначение на практику в церковь святого Матфея в Тиргартене, неподалеку от Ландвер-канала, где крестили его самого, где возвели в сан пастора Бонхоффера:

– Но здесь меня не рукоположат в звание пастора, – напомнил себе Генрих, – надо поехать в семинарию в Баварии..., – он собирался провести на юге будущий год, вернуться в Берлин и получить свою общину:

– Мама обрадовалась, – он оправил дешевый пиджак, – она боится, что я опять нарвусь на агентов Штази..., – по телефону Генрих успокаивал мать, говоря, что среди прихожан церкви святого Матфея агентов не водится:

– Приедешь и увидишь, – сказал он, – если ты появишься на службе, ты окажешься самой молодой..., – церковь посещали одни старики:

– В воскресенье приходят семьи с детьми, но сегодня понедельник, – он взял с вешалки столу, – ожидается едва ли десяток человек..., – ему пришло в голову, что на машине могла приехать мать:

– Я в Гамбурге по делам, милый, – объяснила она во вчерашнем звонке, – скоро я тебя навещу..., – мать не упомянула, что привело ее в Западную Германию. Зная о ее работе, Генрих не обижался:

– Она ничего такого не скажет, тем более, по телефону, – он выглянул в окно, но машина скрылась из вида, – пора идти к алтарю..., – мать часто предлагала организовать для него охрану, но Генрих отказывался:

– Я нигде, кроме университета, библиотеки и церкви, не бываю, – мрачно сказал он, – нет смысла тратить на меня деньги из скромного бюджета Западного Берлина... – город жил за счет помощи Федеративной Республики и на средства бывших союзных сил.

Церковь после войны отреставрировали, но ремонт был самым скромным. Генрих провел рукой по шершавой прохладе штукатурки:

– Дома у меня похожая, – понял он, – я возвращаюсь домой, готовлю ужин, читаю Библию и ложусь спать..., – он избегал слушать музыку, напоминавшую ему о Маше. Не было дня, когда он не думал о жене и сыне:

– Маша бесследно пропала, она, может быть, мертва, – Генрих сжал кулаки, – но я в это не верю и никогда не поверю, как не поверю, что я никогда не увижу Феденьку..., – мать предполагала, что мальчика забрали Журавлевы:

– Видишь, – невесело сказала Марта, – они выехали из Куйбышева в неизвестном направлении. Маленькой Марте не дают их нового адреса. Скорее всего, это именно из-за Феденьки..., – Генриху претило, что их сын вырастет во тьме египетской, как называла Советский Союз жена:

– Мы можем никогда не встретиться, – он продышал боль в груди, – он вырастет пионером и комсомольцем и ничего не узнает о своих родителях, как мог не узнать я...

Генрих иногда ходил в Бендлерблок, к мемориалу погибшем в заговоре лета сорок четвертого года. По справедливости, на гранитной доске должны были выбить имена его отца и деда:

– Не пришло еще время, – он помнил слова матери, – проклятый Максимилиан жив и прячется от правосудия. Но Господь ничего не забывает, он накажет преступников и возвысит праведников..., – ливень барабанил по крыше кирхи. Немногие прихожане скрипели новыми, поставленными при реставрации скамьями.

В дальнем ряду Генрих заметил блеск поседевших, бронзовых волос. Мать приехала на службу с непокрытой головой, в черном летнем плаще:

– У нее усталый вид, – озабоченно подумал Генрих, – она не говорила, что и Волк здесь появится..., – отчим пренебрег костюмом, ограничившись джинсами и скромной рубашкой без галстука. Генрих заметил пару недовольных взглядов прихожан, брошенных в сторону задней скамьи:

– В его возрасте в Берлине ходят при параде, тем более, посещая церковь..., – отчим подмигнул ему. Мать улыбалась:

– Вряд ли Волк в отпуске, – Генрих взошел на кафедру, – неужели он опять отправляется на восток, на шестом десятке лет..., – ему стало стыдно, – а сижу в безопасности, не достигнув и тридцати..., – жужжание на скамьях стихло. Генрих откашлялся:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – он перекрестил паству, – я признаю перед Всевышним и вами, братья и сестры, что я грешил мыслями, словами и делами, и неисполнением своего долга..., – он сжал край кафедры:

– Так и есть. Соберись, будущий пастор..., – мать ласково смотрела на него:

– Все будет хорошо, – напомнил себе Генрих, – Господь о нас позаботится...

Он продолжил читать Confiteor под привычный шум дождя.

Подпоясавшись полосатым фартуком, Волк мешал на сковороде квашеную капусту:

– Тебе и матери с сосисками, – сообщил он Генриху через плечо, – а у меня идет Петровский пост..., – мать и отчим поселились в небольшом домике на окраине Груневальда. Строеение пряталось за высокой оградой. Шлагбаум охраняли британские солдаты:

– Собственность правительства, – развела руками Марта, – у тебя в квартирке мы побываем, но позже..., – пока они не говорили о причине приезда в город Волка. Отчим, как и мать, выглядел усталым:

– Много работы, – объяснил он, – суды только на прошлой неделе ушли на каникулы. Начало лета у нас самое горячее время..., – он помолчал, – к тому же, женится только Маленький Джон, а беготни со свадьбой добавилось у всех..., – перед отъездом в Хитроу Волк привез Шелти в Мейденхед:

– Пусть пес побудет на природе, – сказал он экономке, – в замок я не успею, а особняк его светлости заперт..., – охрана из дома на Ганновер-сквер пока переехала в Банбери, но предполагалось, что после венчания молодые обоснуются в городе:

– Я не собираюсь покидать деревню, – заявил герцог, – незачем срывать Чарли и Эмили из школы. Здесь безопасней, чем в Лондоне, в округе все друг друга знают..., – Джон усмехнулся:

– Пусть Джон и Орла продолжают сами варить яйца, у них это хорошо получается...

Маленький Джон, по документам американца Брэдли, и, как шутил герцог, с протекцией Марты, устроился рабочим в «К и К». Орла разливала пиво в пабе по соседству с их квартиркой и пела на вечерних концертах.

Волк и Марта пока видели будущую графиню Хантингтон только на фото:

– Красивая девушка, – Марта помялась, – но, Джон, ты уверен, что..., – щека герцога дернулась, Марта вовремя себя оборвала:

– Оставь, – сказал ей Волк, – сейчас он ничего не захочет слушать. Он ездил туда с Верой, девушка не вызвала у них подозрений..., – Марта отозвалась:

– На войне Вера обманулась в предателе, а Джон пристрастен, когда речь идет о мальчике..., – Марта и сама не знала, что ее беспокоит:

– Не каждый ирландец поддерживает ИРА, – напомнила себе она, – не каждая девушка медовая ловушка. Но все слишком сходится, слишком аккуратно..., – она попыталась отложить транспортировку Густы на остров Уайт:

– Ничего не получилось, – пожаловалась Марта Волку, – ее нынешняя тюрьма подписала и отослала необходимые документы. Ладно, будем надеяться, что ничего не случится..., – Волк внимательно взглянул на нее:

– Ты думаешь, что Паук в Британии..., – Марта пощелкала пальцами:

– Не знаю, то есть не могу сказать. Но мама тоже считает, что Орла не случайно прицепилась к Маленькому Джону, хотя мы ничего не докажем..., – по телефону мать велела Марте быть особенно осторожной:

– Мне все время чудится, что за мной следят, – невесело сказала Марта, – у тебя тоже так случалось..., – щелкнула зажигалка, мать сухо рассмеялась:

– У меня пятьдесят лет так случается, каждый день, даже на острове. Ты никогда не избавишься от этого ощущения, а что касается девушки Маленького Джона, – мать помолчала, – ты права, если это игра, то все разыграно, как по нотам. Ты или я тоже бы так сделали...

Полицейские в Соединенном Королевстве получили фотографии Паука, однако Марта сомневалась, что кузен попадет на глаза уличным бобби:

– Таких мужчин, как он, вокруг тысячи, – поняла женщина, – и он не привлечет к себе внимания..., – Марта чувствовала себя попавшей в паутину, обездвиженной жертвой:

– Словно бедный Хаим, – Дебора звонила Марте с нью-йоркского почтамта, – сначала ФБР его подставило, а теперь его хотят обвинить в убийствах Кинга и Кеннеди..., – Дебора сдерживала слезы:

– Он пишет на адрес ребе в Бруклине, а в синагоге все передают мне..., – женщина добавила:

– Он пока в Сайгоне, где безопасно, но ведь его могут отправить и в джунгли...

От сковороды с капустой поднимался приятный запах можжевельника. Волк взялся за перочницу:

– Щей у вас не сварить, – сказал он пасынку, – капуста сладкая. В польских лавках водится настоящая, но времени разъезжать по лавкам нет, я послезавтра улетаю в Лондон..., – он велел:

– Накрывай, а я принесу шампанское. Коллеги Марты за два десятка лет собрали здесь неплохой винный погреб..., – он крикнул в раскрытую дверь: «Марта, обед готов!»

– Потом мне надо отлучиться, – Волк снял фартук, – вы с матерью побудете вдвоем..., – раскладывая приборы, Генрих поинтересовался:

– Куда вы едете..., – Волк чиркнул спичкой. По беленой кухне поплыл пряный аромат табака для самокруток:

– В аэропорт Тегель, – коротко сказал он, – надеюсь, что рейсы не задержат из-за дождя..., – за раскрытым окном шумели мокрыми листьями липы, – давай, садись за стол...

Устроившись перед тарелкой с тушеной капустой, Генрих велел себе больше ни о чем не спрашивать.

Рейс из Мюнхена в Западный Берлин считался внутренним, но выполняла его не «Люфтганза», а «Pan American». По требованию ГДР, в воздушное пространство страны допускались только американские, британские или французские компании. В наземном персонале аэропорта работали немцы, но в пилоты или стюардессы им хода не было.

Несмотря на то, что самолет летел из Германии в Германию, пассажиров обязывали пройти паспортный и таможенный контроли.

В обшитом унылыми панелями коридоре установили два длинных стола. Таможенник внимательно осматривал содержимое брезентовой полувоенной сумки некоего мистера Макса Миллера, уроженца островов Зеленого Мыса, подданного Соединенного Королевства:

– Он живет в Юго-Западной Африке, – именно там пассажиру выдали британский паспорт, – хотя теперь она стала Намибией...

В прошлом месяце офицер читал в газете о резолюции ООН, рекомендующей называть страну именно так:

– Чушь и ерунда, – недовольно подумал он, – незачем придумывать дикарские клички. Это исконно немецкая территория, британцы получили земли после нашего поражения в первой войне..., – багаж Миллера блистал истинно немецкой аккуратностью.

Таможенник повертел швейцарский нож, проверил антикварного вида несессер. Мистер Миллер пользовался золингеновскими маникюрными ножницами и кисточкой для бритья с настоящей щетиной. Туалетная вода у него оказалась итальянского производства. Таможенник вспомнил аромат:

– В сорок втором году к нам в Новгород приезжал эсэсовский бонза фон Рабе, тезка этого Миллера. От него пахло похоже, сандалом..., – офицер прочел этикетку:

– Аптека Санта Мария Новелла, Флоренция..., – он вернул флакон на место. Миллер ввозил в Германию разрешенные два блока сигарет. Спиртного у парня таможенник не нашел:

– Наркотики незачем искать, – он оценил осанку гостя, – он словно сошел с плаката военных лет, истинно арийская стать. Такие юноши не балуются дрянью, он не из длинноволосых обезьян, зачинщиков смут..., – в багаже парня лежала книга на английском языке. За двадцать лет жизни в британском секторе таможенник нахватался кое-каких знаний:

– Мэдисон Грант..., – он пошевелил губами, – «Конец великой расы» ..., – книга была старой, с пожелтевшими страницами. Таможенник полистал томик:

– Во всем мире нордическая раса – это раса солдат, моряков, искателей приключений и исследователей, но превыше всего – раса правителей, организаторов и аристократов..., – офицер хорошо помнил идеологические занятия в гитлерюгенде:

– Отчего не помнить, прошло всего тридцать лет, – он бережно уложил книгу в сумку, – я тогда был немногим младше Миллера, – по паспорту гостю исполнялось всего двадцать два года:

– Выглядит он солидно, – решил таможенник, – загар у него точно африканский. Буры молодцы, они не церемонятся с черномазыми тварями. Звери должны жить в клетке, а не разгуливать среди белых людей. Жаль, что фюрер не успел довершить начатое и не освободил мир от еврейских миазмов. С неграми надо поступать точно так же...

На занятиях в гитлерюгенде им читали письмо фюрера Мэдисону Гранту. Гитлер называл «Конец великой расы» своей библией:

– Миллер, наверное, служит в южноафриканской армии. Отличный парень, хочется отдать ему честь..., – невольно выпрямив спину, таможенник поинтересовался:

– Какова цель вашего визита, герр Миллер..., – парень уважительно сдвинул на лоб темные очки. Он коротко стриг светлые, выгоревшие на солнце волосы:

– Джинсы он носит, однако, сейчас их носят все, – посетовал офицер, – но хотя бы не жует проклятую жвачку..., – его собственные дети не вынимали дряни изо рта:

– Они знают, что я воевал на Восточном фронте, – отчего-то подумал таможенник, – а больше им ничего не известно..., – он разозлился на себя:

– Я исполнял долг перед рейхом. Мы не СС, мы не убивали евреев, а что мы жгли русские деревни, то такое случается на войне. Мы были в своем праве, мы искали партизан и находили их...

Кроме джинсов, парень носил рубашку хаки и военного образца ботинки. У него оказался неожиданно хороший немецкий язык:

– Мой отец родился в Берлине, – таможенник едва скрыл улыбку, – папа плохо себя чувствует, – парень вздохнул, – он хотел, чтобы я съездил напоследок в Германию, рассказал ему о городе..., – теперь офицер не сомневался, с кем имеет дело:

– Его отец, должно быть, покинул Берлин в мае сорок пятого, – он отдал парню паспорт и сумку, – Миллер сын старого бойца. В таких ребятах будущее Германии, они очистят страну от турецкой швали...

На рейсе из Стамбула в Мюнхен Максим был одним из немногих пассажиров европейской наружности. Самолет заполняли турецкие рабочие, завербованные на предприятия Западной Германии. До Стамбула Максим добрался через пару дней после разговора с матерью.

Он завел знакомство с хозяином лавки, стоявшей рядом с пансионом, где когда-то обретались Джонатан и Хайди. Торговец владел междугородным телефоном и занимался переводом денег почти в любое место на карте мира:

– Я могу отдать ему пару сотен долларов, – хмыкнул Максим, – и указанный мной человек получит деньги в тот же день, хоть в Нью-Йорке, хоть в Гонконге. Только до Москвы сеть пока не дотянулась..., – он усмехнулся:

– Жаль, учитывая будущее задание, безопасная связь мне очень пригодится..., – за сотню долларов торговец принимал звонки для Альзиба, как звали Максима в Сирии:

– Мама велела мне связаться с Набережной, что я и сделал, – он забросил сумку на плечо, – а теперь я оказался здесь..., – из Мюнхена он опять позвонил в Лондон, сообщив номер своего рейса.

Историю о болезни его отца купил и шейх Али Хасан Саламе. Максим знал, что араб не воспрепятствует исполнению сыновнего долга:

– Наши двери и наши сердца всегда останутся широко распахнутыми для тебя, мой друг, мой брат Альзиб..., – Красный Принц даже прослезился.

О судьбе Хайди Максим не знал и не рисковал спрашивать о таком у шейха:

– В лагере я ее не видел, – он вышел в прокуренный зал прилета, – может быть, Саламе ее отправил на европейскую виллу. Но до участия в акциях он ее не допустит, в чем бы ни состояли акции... – об осенних мероприятиях, как их называл Саламе, шейх говорил уклончиво:

– Сионисты получают хороший урок, – вспомнил Максим, – знать бы, где они планируют теракт... – он надеялся, что наедине с женой Саламе становится более разговорчив:

– С женой, – сердце кольнуло тоской, – все ерунда и больше ничего. Хайди вернется домой и встретит еврейского парня, а мне надо думать о другом... – Максим хотел увидеть мать, однако напомнил себе, что она не появится в людных местах:

– Она кого-то сюда послала... – юноша покрутил головой, – из местного персонала, то есть британцев, выдала им мою фотографию... – его незаметно тронули за руку:

– Извольте следовать за мной, – неприметный человек говорил с акцентом дяди Джона, – вас встречают... – Максим мимолетно подумал:

– Словно я опять в Кембридже. Мои сокурсники восседают за конторскими столами, а я болтаюсь по миру в обличье солдата удачи. Ладно, папа тоже получил диплом на четвертом десятке лет...

На улице хлестал сильный дождь, человек предупредительно развернул зонт. Максим ожидал, что он сам сядет за руль темного «Бентли», но сопровождающий распахнул пассажирскую дверь: «Прошу».

На него взглянули знакомые, яркие голубые глаза:

– Наконец-то, – весело сказал отец по-русски, – я тебя заждался, Максим Максимович.

– Милая, ты услышь меня, под окном стою я с гитарой...

Длинные пальцы Волка пробежались по недавно настроенным струнам. Инструмент он нашел в заваленной бумажным хламом комнате, изображавшей библиотеку. Вытащив на свет гитару, Волк чихнул:

– Интересно, каким образом она здесь оказалась... – Марта пожала плечами:

– Сюда складывали ненужное, – она присела на связку переплетенных в дерматин томов с готическим тиснением, – например, тома нацистских юридических кодексов... – устроившись рядом, на такой же стопке, Волк занялся гитарой:

– В общем, инструмент даже в неплохом состоянии, – Марта не могла не улыбнуться, – значит, Максим ничего не знает о... – муж повел головой на запад. Мальчишки, как они называли юношей, уехали в квартирку Генриха:

– Охрана вам не нужна, – напутствовала их Марта, – побудьте вместе, поговорите, побродите по городу... – задание Максима начиналось осенью, но Марта не хотела возвращать сына в Лондон:

– Учитывая, что Паук, скорее всего, в Британии, – сказала она по телефону новому начальнику, сэру Джону Ренни, – не стоит подвергать Гладиатора излишнему риску...

Максим отправлялся в СССР с частной миссией, но Марта все равно заручилась разрешением на операцию:

– Все неофициально, – сказала она Волку, – пусть он найдет Павла Левина и остальных... – Волк хмыкнул:

– И пусть они покинут СССР... – Марта кивнула:

– Андреас Кампе поможет с технической стороной дела, а со шведами я все согласую... – Андреас уверил ее, что пересечет границу СССР на бреющем полете:

– Радары не заметят легкой машины, – заметил юноша, – кто бы ни сидел в соседнем со мной кресле, он сможет прыгнуть с парашютом... – в Сирии Максим сделал почти полсотни прыжков:

– Саламе неплохо натаскивает парней, – сын поморщился, – у Барбье нет авиации, а в распоряжении Красного Принца находится вся сирийская армия..., – Марта потрепала его по светловолосой голове:

– Приеду в Швецию тебя проводить и лично проверю, как ты прыгаешь. У меня прыжков не меньше..., – в Швеции собирался появиться и Волк:

– Но я не мог тебя не встретить, – подмигнул он сыну, – мы слишком долго не виделись, милый..., – Марта провела с сыном несколько часов, расспрашивая его о планах Красного Принца:

– Осенняя акция, когда сионисты получают хороший урок, – вздохнула женщина, – у Моссада тоже есть вся информация. Они пристально следят за еврейскими организациями в Лондоне, как и, собственно, за посольством. Хотя теракт может случиться и в другом месте..., – сын ничего не знал об Орле, как не встречал он в лагере боевиков Лауры или Полины:

– И Августин их не видел в Адлерхофе, – Марта придвинулась ближе к мужу, – неужели Полина действительно нарвалась на Максимилиана и..., – дальше Марта не хотела думать.

Волк поглаживал ее наскоро собранные в пучок, поседевшие волосы:

– На гитаре парень играет не хуже меня в свое время, – смешливо сказал Волк, – может быть, он встретит кого-то в метро, по семейной традиции..., – он добавил:

– Ты сейчас скажешь, что это ерунда..., – Марта положила голову на его плечо: «Что?». Волк помялся:

– Орла на фотографии напомнила мне Циону..., – Марта молчала, – на Балатоне, когда все случилось. У нее такие же глаза, – он искал слово, – пустые, словно мертвые..., – Марта потерлась щекой о его щеку:

– Может быть, мы все себе придумываем, милый. Мы привыкли не доверять людям и зачастую видим зло, там, где его нет..., – она вспомнила презрительный голос сына:

– Щеголя я знаю, – он помахал «Франкфуртер Альгемейне», – парень приятель Красного Волка, то есть Ферелли. Он появлялся в Сирии, но мы не звали его по фамилии..., – в газете напечатали репортаж со съезда партии христианских социалистов в Мюнхене:

– Краузе тоже здесь, – Максим изучал снимок, – он протезе этого Штрайбля, – юноша ткнул пальцем в лист, – Герберт рассказывал, что они знакомы..., – Максим громко прочел:

– Студент Университета Людвиг-Максимилиана, будущий юрист Герберт Штрайбль-младший рядом с отцом и депутатом Бундестага герром Краузе..., – сын хмыкнул:

– Не хватает только проклятого позера Адольфа. Он, кстати, давно не появлялся на Ближнем Востоке..., – газета валялась под ногами Марты. Она наклонилась:

– Матильды здесь нет..., – она не стала рассказывать сыну о прошлом Матильды Штрайбль, – наверняка, Герберт ничего не знает об истинной причине заключения его матери..., – женщина замерла. Волк забеспокоился:

– Что такое, милая..., – Марта поднялась:

– Банк, лишившийся трех миллионов долларов, пользовался услугами адвокатской конторы Штрайбля..., – Волк отложил гитару:

– Только не звони в Гамбург, это..., – Марта остановилась на пороге:

– Бесплезно, – невесело согласилась она, – нет, я позвоню в Париж.

Советские газеты Генрих принес из университетской библиотеки:

– Ты почти незнаком с изданиями, – сказал он Максиму, – а я перед отъездом в СССР долго сидел в ГДР и хорошо подготовился..., – старший брат брезгливо скривился, – мама с тобой поработает, но начнем мы сейчас...

Под монотонный шум дождя Максим читал бесконечные передовицы о развитии народного хозяйства в СССР и помощи странам, вставшим на путь социализма. Генрих похвалил его русский язык:

– Акцента у тебя раньше не было и сейчас не появилось, – заметил старший брат, – русская кровь дает о себе знать... – Максим хмыкнул:

– Объяснение не имеет ничего общего с наукой, но мне нравится думать, что ты прав...

В Западном Берлине не глушили восточные радиостанции. В ГДР спокойно ловили передачи из Москвы. На плите подрагивала крышка старого чайника, из приемника доносился низкий голос певца:

– Поле, русское поле...
Светит луна или падает снег, —
Счастьем и болью вместе с тобою.
Нет, не забыть тебя сердцем вовек...

Максим скучливо сказал:

– Песня из фильма «Неуловимые мстители», лидера советского кинопроката в прошлом году... – Генрих насыпал кофе в такой же старый кофейник:

– У меня почти все вещи с барахолки, – коротко улыбнулся старший брат, – как называется советский журнал о кино... – Максим закатил глаза:

– «Советский экран». Но никого из нашей родни я в журналах не увижу. Они все или засекречены, или прячутся от советской власти, либо...

Заметив тоску в глазах Генриха, он вовремя замолчал. Старший брат почти не говорил о семье, а Максим избегал ненужных вопросов. Ему хотелось больше узнать о сестре и племяннике, но юноша велел себе, по выражению того же Генриха, заткнуться:

– Ясно, что ему больно вспоминать о жизни в СССР, – вздохнул Максим, – хорошо, что Маленький Джон успел кое-чем со мной поделиться... – решив по возможности избегать замечаний, Максим старался все запомнить:

– К Павлу на Патриаршие пруды ходить нельзя, – напомнил он себе, – его квартира под постоянным наблюдением. Он учится в Институте Стран Азии и Африки, играет в теннис на динамовских кортах... – Максим хорошо управлялся с ракеткой, – надо перехватить его в одном из этих мест... – в разговоре с матерью он заметил:

– Получается, что, кроме девочек дяди Эмиля и Софии, из Сыктывкара надо вывезти семью Бергеров... – мать развела руками:

– Если рав Бергер получит очередной срок, то его жена и дети никуда не двинутся из СССР, – Марта помолчала, – вам придется на месте решать, что делать, но южную границу пересечь легче, чем северную... – Максим недовольно сказал:

– Я не могу оставлять мою сестру в руках Гурвича, учитывая, что Феденька тоже пропал без следа... – мать стояла у окна, вглядываясь в берлинский дождь:

– Я знаю, милый, – тихо сказала Марта, – но я не хочу терять и тебя. Вы выберетесь из СССР, а остальным, – она повела рукой, – мы займемся позже... – Марта добавила:

– Маргариту, скорее всего, держат во владениях ее отца, где сидел дядя Джон. Питер и Виктор Лопатин должны были узнать, как охраняется остров в Аральском море. Однако вам рискованно там появляться... – Максим поднял голову:

– Мама, у меня достаточно подготовки, чтобы... – Марта опустилась рядом, на продавленный диван:

– Одному такого делать нельзя, – отрезала мать, – а все остальные станут для тебя не помощью, а обузой, их никто не учил воевать. погоди, – она привлекла сына к себе, – за Маргаритой отправятся профессионалы... – Максим желчно сказал:

– Я теперь тоже профессионал охраны и взрывного дела... – от матери пахло привычным сладким жасмином. Марта задумчиво заметила:

– Ходят слухи, что твоему отцу предложат судейскую мантию. Пора бы, ему исполнилось полвека. Но надо будет кому-то передать практику... – Максим помотал головой:

– При всем уважении к папе, трудовые споры меня не интересуют... – мать зорко посмотрела на него:

– Хочешь заняться международным правом, – она обняла Максима за плечи, – с твоим опытом это понятно... – юноша кивнул:

– Мерзавцев, подобных фон Рабе, или Барбье или профессору Кардозо, – юноша поморщился, – надо судить особым трибуналом, как в Нюрнберге. Я уверен, что такой суд еще появится...

Очнувшись, Максим переспросил: «Что?». Старший брат сунул ему под нос чашку кофе.

В расстегнутом вороте рубашки поблескивали мелкие алмазы на фамильном кольце со змейкой. Генрих носил украшение на одной цепочке с крестом:

– Проснись, мечтатель, – сварливо сказал брат, – песня о поле давно закончилась... – из радио играла залихватская мелодия. Прислушавшись, Максим немедленно подсвистел:

– В суровый бой идут ледовые дружины, мы верим в мужество отчаянных парней... – Генрих закурил:

– Именно. Ладно, отчаянный парень, в паспорте укажут, что ты москвич. За какую хоккейную команду ты болеешь... – Максим фыркнул:

– За «Спартак», разумеется. Не за ЦСКА же, пусть они и выиграли чемпионат в прошлом году, а за «Динамо» пусть болеет проклятый комитетчик Гурвич... – Генрих удовлетворенно улыбнулся:

– Молодец... – он приглушил радио, – теперь разберемся в составе Политбюро и пятилетнем плане.

Дождь шуршал по крыше машины, барабанил по запотевшим стеклам. Молодые деревья, высаженные вокруг церкви святого Матфея, гнулись под северным ветром. Во влажном тумане перемигивались огоньки редких автомобилей. Город тонул в сумеречной дымке. Тротуар усеивали желтые лепестки липового цвета. Волк хлопнул дверью:

– Ты считаешь, что модель похожа на маму... – Максим широко улыбнулся:

– Не сейчас, а когда мама станет старше... – они приехали в центр из галереи старых мастеров в Далеме, – но нет опасности, что натурщица наша родня, у нее другое имя... – вспомнив женщину с книгой в руках, Волк подмигнул сыну:

– Мало ли что случилось в Италии, – он развернул зонт, – Богоматерь с картины Дирка Боутса точно напоминает твою мать... – Максим кивнул:

– Ты прав. Мадонна одно лицо с иконой дедушки Теодора. Знать бы еще, кто был мастер-иконописец... – по дороге к Бендлерблоку, Волк указал на Ландвер-канал:

– Здесь в июле сорок четвертого года прыгал в воду дядя Джон. В сорок восьмом году твоя мать перебиралась здесь через зональную границу, когда погибли дядя Стивен, тетя Лиза и майор Мозес... – Максим нашел крепкую руку отца:

– Теперь молодой Ворон сидит за штурвалом, а Сара скоро выйдет замуж за Аарона... – юноша покрутил головой, – кто мог подумать, что все так случится. И кто мог знать, что Густы... – он оборвал себя. Отец вздохнул:

– Ее парнишку мы вырастим. Дети за отцов не отвечают, – они зашли в гулкую арку, – и мы от него ничего не скроем... – они пока не затевали ремонта в одной из бывших детских на Ганновер-сквер:

– Пусть мальчик окажется здесь, – сказала Марта, – пусть получит имя. Густы его не крестила, хотя тюрьму навещает католический капеллан... – Волк согласился:

– Тогда окрестим мы. Дядя Джованни не откажется опять побыть крестным отцом, пусть ему и скоро восемьдесят лет. Других католиков у нас нет. Густы, наверное, хочет, чтобы мальчик вырос в ее вере... – об именах они пока не говорили. Густы упорно называла ребенка Беби:

– Ладно, – заметила Марта, – святцы никто не отменял. Посмотрим, на какой день придется крещение и выберем хорошее имя для малыша.

Утром Волк и Максим отстояли службу в Воскресенском соборе в Вильмерсдорфе:

– Церковь Московского патриархата, – недовольно сказал Волк, – большевистская. Но мы не станем мозолить глаза агентам Штази и Комитета, буде такие найдутся среди прихожан... – обосновавшись в дальнем углу, они покинули храм до окончания службы:

– За день до начала июльского путча тетя Эмма венчалась здесь с Воронцовым-Вельяминовым, – вспомнил Максим.

По бульжному двору Бендлерблока хлестал дождь:

– В Стокгольме сходи в церковь, – велел Волк сыну, – там приход западного патриархата, Преображенский храм, Андреас тебе все покажет... – он помолчал:

– Ему ты тоже помоги. Он с сестрой родителей похоронит. Грета и Кампе... – Волк перекрестился, – они были редкие люди, сейчас таких и нет давно. Да упокоит Господь души праведников и даст им присутствие под сенью крыл Его... – капли стекали по серому граниту мемориальных досок:

– Дядю Генриха расстреляли не здесь, как остальных, – вспомнил Максим, – его убил Максимилиан, его брат... – он тихо отозвался:

– Аминь. Папа... – юноша помялся, – я не знаю, как... – Волк поцеловал теплый висок мальчика. Они были почти одного роста:

– В его года я похоронил бабушку, – подумал Волк, – хватит о смерти. Я увижу Марию и нашего внука. Мы с Мартой дождемся правнуков, как Анна Александровна и Федор Петрович... – он погладил сына по влажным волосам:

– Никак не надо, милый. Твоя мама рассказывала, что когда ты родился, то тебе тетя Ева покойница первым делом показала Джомолунгму... – Максим задумался:

– Надо жить так, словно горы всегда передо мной... – Волк обнял сына:

– Так, как жили сражавшиеся против зла, – он обвел рукой двор, – зло можно победить только любовью, милый мой... – Максим прижался головой к плечу отца:

– Все будет хорошо, папа, я обещаю. Спасибо, что ты приехал... – Волк подтолкнул его:

– В Стокгольме мы тоже появимся. Мать твоя раньше прибудет, чтобы тебя подготовить.

Видимо, пришла пора нам отправляться на пенсию... – Максим забрал у него зонт:

– Этого папа, ты знать не можешь... – взявшись за руки, они пошли к машине.

Париж

Гулкая лестница буржуазного дома затряслась под топотом детских ног. Нина Ламбер мчалась наверх, таща за собой младшую сестру. Виктория размахивала плетеной марокканской корзинкой. Из-под крышки слышалось жалобное мяуканье:

– Девочки, – раздался снизу голос Таты, – не бегите, ключи все равно у папы..., – Нина отозвалась:

– Ты говорила, что котик должен быть первым..., – девчонки уткнулись носом в высокую дверь:

– Ты здесь жила, – зачарованно спросила Виктория, – ты помнишь квартиру..., – Нина помотала черноволосой головой:

– Не-а, то есть почти нет. Я жила у тети под Орлеаном, куда мы скоро поедем..., – Виктория открыла крышку. Соскочив на площадку, обнюхав порог, полосатый кот потерся о косяки:

– Дома он тоже так делал, – Виктория погладила мягкую шерстку, – теперь ты будешь жить в Париже, а не в Марокко..., – кот одобрительно мяукнул. С лестницы раздался требовательный голосок:

– Дай, папа, дай..., – забренчали ключи. Нина хихикнула:

– Валентина попрошайка. Ты тоже такая была..., – она потискала младшую сестру, – но потом выросла..., – Виктория хлопала ресницами:

– Мама сказала, что я пойду в школу, – девочка погрузилась, – но в другую, не с тобой..., – Нина утешила малышку:

– Рядом, через двор. Мы будем играть на перемене. Тебе понравится в школе, только осликов в Париже нет..., – они услышали добродушный голос отца:

– Отчего нет? Мы ходим в Люксембургский сад, вы покатаетесь на осликах..., – Механик держал младшую дочь. Годовалая Валентина проспала весь полет до Парижа, проснувшись только в машине. Черные кудри девочки были всклокочены, она еще позевывала:

– Ключи, – Нина ловко подпрыгнула, – где ключи..., – связка полетела на каменный пол, кот зашипел, Валентина заревела. Тата взобралась на площадку:

– Давай ее сюда, – Валентина сопротивлялась, – девочки, помогите папе..., – Механик нес два чемодана. Подняв ключи, Марсель смешливо шепнул жене:

– С нашим бродячим цирком нас скоро выселят из здания..., – Тата коснулась губами небритой щеки:

– Подумай, что бы случилось, появишься мы здесь с осликом, как хотели девчонки..., – Валентина размазывала слезы по щекам. Жавшийся к стене кот вернулся к порогу. Марсель заметил:

– Хоть ты не путайся под ногами, – он отодвинул кота в сторону, но тот рвался вперед, – сейчас зайдешь первым, не волнуйся..., – кот проскакал по щелястым половицам. Девчонки, перекликаясь, понеслись по квартире. Валентина оживилась:

– Дома..., – девочка вертелась на руках матери, – дома..., – Марсель подмигнул жене:

– Поставь ее на пол. Может быть, в Париже она зашагает сама..., – годовалая Валентина пока вела себя осторожно, не отрываясь от родительских рук. Оказавшись на полу, девочка скривила нежные губки, но, заслышав голоса сестер, несмело двинулась вперед:

– Сейчас упадет, – озабоченно сказала Тата, – носом в пол..., – Марсель ласково привлек жену к себе:

– Упадет и поднимется, помани мое слово..., – кот ошалело метнулся наперерез девочке.

Валентина с размаха грохнулась на половицы. На кухне что-то зазвенело, Нина вскричала:

– Виктория, ничего не трогай..., – Марсель поцеловал мягкую щеку жены: «Добро пожаловать домой, милая».

С кухни доносились приглушенные стенами распоряжения Таты. Квартира, на удивление, оказалась почти не запущенной:

– С семейных фото пыль не вытирали, – Механик возлежал на продавленном диване, – но в остальном здесь порядок...

Ключи от апартаментов на углу рю Жавель и авеню Эмиля Золя оставались у коллег Марселя по Службе Внешней Документации. Механик подозревал, что квартиру использовали для оперативных целей. Кот, устроившись у него в ногах, мирно посапывал:

– Не кабинет, поэтому здесь пыльно, – он чихнул, – но на кухне и в других комнатах навели чистоту..., – Марсель надеялся, что в квартире никого не убивали:

– Ребята бы так не поступили, – успокоил себя он, – и вообще, лидера марокканских оппозиционеров, например, передали нашим тамошним коллегам..., – Механик подозревал, что Мехди Бен-Барка не доехал до Марокко:

– Марокканцы избавились от него еще здесь и закатали в асфальт, – он прислушался к шагам в коридоре, – хорошо, что я отказался от участия в операции..., – похищение Бен-Барки из «Брассери Липп» прошло с помощью агентов Моссада:

– Говоря об одном из них, надо позвонить в Тель-Авив, – Марсель зевнул, – поговорить с Фельдшером насчет очередного африканского вояжа. Но придется ждать отпуска, это дело частного характера..., – в отпуске он находился и сейчас:

– До конца августа, представляешь, – удивленно сказал Марсель коту, – тебе такого не понять, у тебя пожизненный отпуск..., – кот потянулся, царапая когтями истертую кожу на диване:

– Я тоже так умею, – лениво заметил Механик, – не одному тебе сибаритствовать..., – закинув руки за голову, он сладко зевнул:

– На работе меня ждут через полтора месяца, – Марсель закрыл глаза, – съездим в Орлеан, побудем на природе. Оставим старших в деревне и отправимся на море с Татой и малышкой. Девчонки накупались вдоволь в Марокко, а Валентина раньше боялась волн..., – с сентября Марсель возвращался в Службу Внешней Документации:

– Опять придется ездить, – пожалел он, – надо было пойти в президентскую охрану..., – в Марокко Тата заметила:

– Но ты заскучаешь на Елисейских полях, милый..., – Механик согласился:

– Заскучаю. Но не хочется надолго оставлять вас одних..., – Тата поцеловала его в нос:

– Мы заведем календарь и станем вычеркивать дни..., – по коридору что-то покатилося, пробежали деловитые ноги. Марсель поставил на пол чашку с недопитым кофе. На кухне почти не оказалось провизии:

– Надо помочь Тате..., – Механик приподнялся, – она сейчас отправится по магазинам..., – дверь стукнула, Тата просунула в кабинет белокурую голову:

– Ты спи, – велела она, – ты девчонок в самолете развлекал. Я куплю продукты, – жена загибала пальцы, – швабру, мыло, цветы на балкон..., – Нина выглянула из-за спины Таты:

– Валентина сама ходит, папа, – восторженно сказала девочка, – даже коляски не надо..., – Тата весело добавила:

– Коляску все равно привезут. Хорошо, что мы не оставили ее в Марокко, вещь еще пригодится..., – Марсель согласился:

– Непременно. Идите, – он с облегчением вернулся на диван, – только позвоните от консьержки, не таскайте тяжести наверх..., – багаж должны были доставить из Орли к вечеру:

– Вечером свожу всех в ресторан, – решил он, – а завтра возьму девиц в Люксембургский сад. Тата примется за уборку, не след мешаться у нее под ногами...

Старомодный телефон на столе затрещал. Кот повел ушами. Механик отыскивал в глубинах пледа сигареты:

– Кому неймется, – хмыкнул Марсель, – я два часа, как прилетел во Францию..., – голос был юношеским, вежливым:

– Месье Ламбер, – молодой человек помялся, – не знаю, помните ли вы меня. Я инспектор уголовной полиции Парижа, Пьер де Лу. Я знаю, что вы только сегодня вернулись в страну, – Механик усмехнулся:

– Но дело не терпит отлагательств, да..., – Пьер подтвердил: «Именно так».

Портье небольшой, но приличной гостиницы в пятом аррондисмане, на рю Паскаль, долго изучал паспорт независимой Гвинеи. На голубом дерматине золотились свежие, не истертые очертания герба страны. Слон поднимал хобот вверх:

– Чего ждать от Африки, – портье аккуратно списал данные паспорта в конторскую книгу, – либо слоны, либо обезьяны..., – постоялец, тем не менее, выглядел цивилизованным человеком. Месье Ланге говорил на отменном французском языке, но тенью акцента:

– Не американский, – портье прислушался, – хотя он и не выглядит американцем..., – месье отличался изысканными манерами.

Номер он заказал по факсу из Конакри, где, судя по паспорту, и проживал постоялец. Документ выдали в мае этого года:

– Интересно, какое у него раньше было гражданство, – хмыкнул портье, – хотя почему было, может быть, и осталось...

За окном вестибюля на круглой площади журчал фонтан. Брусчатка раскалилась под июльским солнцем, легкий ветер трепал холщовые полотнища лотков на рынке. Немногие туристы, не спасающиеся от жары в музеях, спрятались под навесом кафе «Сан-Медаро», напротив гостиницы. Портье незаметно отер пот со лба:

– Ему, кажется, и не жарко, – месье Ланге рассеянно листал яркий «Paris Match», – что и понятно, после Африки..., – портье решил, что постоялец имеет отношение к добыче полезных ископаемых:

– Газеты пишут, что в Гвинее чего только не водится, от бокситов до алмазов, а здесь рядом Горная Школа..., – месье Ланге мог приехать на какую-то конференцию. Именно так и оказалось:

– Я инженер, – постоялец забрал паспорт и ключ от номера с тяжелой медной бляхой, – я приехал на семинар в Горной Школе. Заодно я поброжу по музеям, – он подмигнул портье, – страна у нас красивая, но я скучаю по цивилизации..., – месье взглянул на стальной хронометр:

– Через полчаса у меня деловая встреча, – он кивнул в сторону площади, – пусть мой багаж отнесут наверх...

Месье получил один из лучших номеров в гостинице, с кованым балконом, выходящим на площадь. Лифт в отеле, как и во многих парижских зданиях, не поднимался выше четвертого этажа. Месье жил на шестом. Кроме потертого саквояжа, другого багажа у Ланге не имелось. Портье предложил ему помощь горничной:

– У нас очень быстрый персонал, – уверил он постояльца, – ваш костюм и рубашки отпарят и выгладят за полчаса..., – голубые глаза Ланге окружала едва заметная сеточка морщин.

Он мимолетно улыбнулся:

– Спасибо, но не стоит. У меня свидание без галстука, если можно так выразиться...

Несмотря на указанные в паспорте скорые пятьдесят лет, месье Ланге щеголял подтянутой, почти юношеской фигурой:

– Осанка у него военная, – понял портье, – наверное, кроме геологии он занимается еще чем-то. Хотя в тамошних краях всегда неспокойно, а шахты надо охранять...

Месье Ланге носил потрепанные джинсы, легкомысленную футболку с портретами битлов и помятый льняной пиджак. Он коротко стриг светлые, побитые сединой волосы. Сдвинув на лоб темные авиаторские очки, он подхватил со стойки ключ:

– Спасибо, – постоялец сунул документы в студенческого вида холщовую сумку, – мне пора...

Проводив глазами прямую спину гостя, портье вспомнил свой арест весной сорок третьего года. Юношей он бегал с поручениями в Сопротивлении:

– Мы устроили взрыв лимузина эсэсовского бонзы фон Рабе, – он захлопнул канцелярскую книгу, – машину разнесло на клочки, но никто не пострадал, даже шофер не пострадал. Потом из Берлина приехал старший брат фон Рабе, он проводил следствие...

– Он тоже был Макс, – постоялец перебежал улицу, – ерунда, парень совершенно на него не похож. Только цвет глаз совпадает, но таких глаз на свете миллионы..., – после ареста портье, почти подростку, пришлось пройти концлагерь Дора-Миттельбау:

– Не хочу о таком вспоминать, – он поморщился, – этот Ланге – просто Ланге...

Просто Ланге нырнул в прохладный зал кафе:

– Эспрессо и апельсиновый сок, – попросил он бармена, – мой приятель ждет за столиком..., – неслышно остановившись за спиной патрона, шуршащего Figaro, месье Ланге поинтересовался:

– Что интересного пишут..., – обернувшись, Адольф радостно сказал: «Здравствуйте, дядя Макс».

Механик позвонил Тате из городской телефонной будки, торчавшей неподалеку от главного входа в полицейское управление на набережной Орфевр. Он слышал в трубку прыжки девчонок, требовательный голосок Валентины: «Мама, дай, дай!».

Марселю стало неудобно:

– Первый день дома и я ее бросаю. Тата никогда не была в Париже. Я ей рассказывал о городе, но она не знает нашего района, не знает магазинов..., – Валентина затихла, удовлетворенно причмокивая:

– Она круассан схватила, – безмятежно сообщила Тата, – пусть помусолит. Девчонки побежали на балкон, заниматься цветами. Я обещала им пальму, оливковое дерево, апельсиновое дерево, фонтан и клетку с попугаями..., – Механик весело отозвался:

– Еще шатер и верблюдов. Обещала, значит, получают..., – Тата и сама что-то жевала:

– Булочная у вас отличная, – бодро сказала жена, – я познакомилась с мадам Антуан, с месье Флери..., – Механику всегда казалось смешным, что хозяина цветочной лавки зовут именно так, – мясник обещал мне на завтра пикардийскую баранину, а с фруктовщиком мы поговорили о Марокко, он сам оттуда. Консьержка у вас тоже замечательная, она мне помогла с девчонками и поклажей..., – Марсель почувствовал, что краснеет:

– Ты на работе, – утвердительно сказала Тата, – ничего страшного..., – он что-то пробормотал, – я к вечеру сделаю пирог с сыром и ветчиной, он хорош и холодным. Придешь и поешь, – он услышал в голосе жены улыбку, – а завтра отправитесь с девочками в Люксембургский сад, как ты хотел..., – она прибавила:

– Я тебя люблю, милый. Послушай, как Валентина жует..., – Валентина жевала отменно.

Повесив трубку, Механик решил покурить на летнем солнышке:

– Инспектор ждет меня через четверть часа, – он смутно помнил долговязого ушастого подростка, – ему двадцать два, а он уже инспектор. Его отец был членом правительства и любимцем де Голля..., – Механик блаженно закрыл глаза, – но Пьер не по протекции занял свою должность. Он, скорее всего, как Тата, хорошо сходится с людьми, в его профессии такое важно..., – жена быстро обживалась на любом месте:

– И что она во мне нашла, – Марсель изумленно покрутил немного поседевшей головой, – я старше ее на двадцать лет и характер у меня не самый приятный. Но она намекала, что нам опять понадобится коляска..., – Механик поймал себя на улыбке.

Судя по сведениям от мадам М, у его старшего сына тоже был легкий нрав:

– Виктор такой в Нину, – он все улыбался, – Тата тоже на нее похожа. Нину все любили, парни в Мюнхене за ней бегали, однако она выбрала меня. Я тогда был моложе, но характер у меня и той порой был не из лучших...

Характер Механику пришлось проявить в унылом каменном вестибюле Сюртэ. Сдав дипломатическую карточку, он пока не обзавелся удостоверением Службы Внешней Документации:

– Меня ожидают, – терпеливо повторил Марсель молоденькому ажану, – инспектор Пьер де Лу, вот его внутренний телефон..., – судя по всему, ажан очутился в полиции прямо со школьной скамьи. Парень, наморщив лоб, сверялся со списком:

– Де Лу, – он шевелил губами, – у нас таких нет. И телефон какой-то неизвестный..., – изящная рука с выцветшими пятнами краски выхватила у него бумагу:

– Я есть, – смешливо сказал инспектор, – потрудитесь справиться в особом приложении, – он ткнул пальцем в страницу, – и сразу меня найдете..., – ажан покраснел:

– Извините, я новичок..., – инспектор отмахнулся:

– Все мы когда-то начинали за стойкой, коллега..., – юноша приосанился.

По пути наверх Пьер добродушно сказал:

– Я, правда, в приемной никогда не подвизался. Я с семнадцати лет на ногах, – длинные ноги в потрепанных джинсах легко шагали по ступеням, – я четыре года патрулировал острова Ситэ и Сен-Луи. Пойманными мной карманниками можно забить собор Нотр-Дам...

Белокурые волосы инспектора были пострижены, как решил Механик, в артистической манере:

– Он больше напоминает художника, – парень носил бородку в стиле битников, – я никогда не видел полицейских в кедах и майке с Микки-Маусом..., – в длинном коридоре Пьер предупредил его:

– Курить у меня нельзя, по крайней мере, сейчас, – он весело улыбнулся, – пока художественный музей в Лионе не получит своего Вагто..., – картина стояла на мольберте в углу захламленного кабинета. Инспектор приподнял холст:

– Отличный образец творчества зрелого мастера, – сказал парень, – взгляните, как искусно выписаны складки на платье покупательницы. Это этюд к «Вывеске лавки Жерсена». Полотно хранится во дворце Шарлоттенбург, в Берлине..., – он прикрыл голубые глаза:

– Вагто пришел ко мне и спросил, соглашусь ли я поселить его у себя и позволить ему, как он выразился, размять руки и написать вывеску, чтобы я мог повесить ее над входом в лавку. Мне не хотелось принимать это предложение, я предпочитал занять его чем-нибудь более основательным, но, заметив, что работа доставит ему удовольствие, я согласился..., – Пьер добавил:

– Жерсен упоминает, что Вагто считал картину единственной, лстящей его самолюбию..., – инспектор спохватился:

– Извините, я вас заговорил. Кража в Лионе случилась прошлым месяцем, но я ждал, что Вагто всплывет у серых дилеров, что и произошло..., – он склонился над спиртовкой, – у меня есть свои информанты в таких местах..., – Механик закрыл рот:

– Вы похожи на отца, – наконец, сказал Марсель, – Маляр был замечательный оратор, я его слышал несколько раз..., – юноша разлил кофе по антикварным чашкам:

– Фарфор не вещественное доказательство, – заметил он, – посуда с барахолки. Это Севрская мануфактура, вещи времен моего предка, месье Робеспьера..., – Пьер вздохнул:

– Папа и писал очень хорошо, а у меня нет времени на статьи. Мой отдел, состоящий только из меня, сбивается с ног..., – он подsunул механику корзинку с круассанами, – в Сюртэ я единственный, кто разбирается в искусстве. Все такие преступления, то есть их расследование – моя ответственность. Поэтому в общем списке меня не найти, я прохожу, как особая часть уголовного розыска, отдельной строкой..., – он указал в сторону открытого на Сену окна:

– Музей Клюни любезно предоставил мне кабинет, то есть каморку. Мне нельзя терять навыков реставрации, – он размял пальцы, – я занимаюсь консервацией одной из шпалер «Дамы с единорогом» ..., – Марсель заметил на его руках следы от иголки:

– Но я не об этом, – Пьер взял с заваленного бумагами стола серую папку, – я подумал, что если вы в отпуске, то вы сможете нам помочь. Тетя Марта, то есть мадам М, со мной согласилась...

Механик изучал шуршащие факсы. Черно-белый снимок коротко остриженной девушки аккуратно уложили в конверт:

– Насчет нее немцы все засекретили, – недовольно сказал Пьер, – в материалах Интерпола вы этого не найдете, как не отыщете никаких сведений о месье Штрайбле. О нем мне рассказала только тетя Марта..., – в папку сунули вырезку с газетным фото, – речь идет о девяти убитых, месье Марсель..., – парень помолчал:

– Кроме искусства, я занимаюсь и леваками, – он погладил бородку, – меня знают в Сорбонне и Латинском Квартале. Я не смогу работать под видом студента, – юноша пощелкал пальцами, – и на Монмартре я тоже известен..., – он забрал у Марселя папку:

– Операция согласована с моим начальством..., – Пьер покачал пальцем у себя над головой, – вишистский прихвостень Папен подал в отставку. У нас теперь достойный шеф, месье Гримо...

Механик слышал, что именно благодаря Гримо Париж миновал кровопролитие во время весенних протестов в Сорбонне:

– Вы тоже были среди студентов, – поинтересовался он у Пьера, – но с какой стороны..., – парень ухмыльнулся:

– Я проявлял так понравившиеся вам ораторские способности, уговаривая ребят не идти на радикальные акции. Я знаю лидеров студенческого движения, – добавил Пьер, – среди них есть достойные люди. Но это, – он похлопал по папке, – обыкновенная нацистская шваль. Они расстреляли в упор стариков, не моргнув глазом. С вашими шефами мы связались, – заметил инспектор, – они не возражают, если официально вы в отпуске..., – Механик почесал нос:

– Предположим, я соглашусь, – он не ожидал, что задание продлится долго, – но из меня вряд ли получится студент..., – Пьер вскинул бровь:

– Не получится. Но из вас выйдет отличный клошар, месье Механик.

В свободные от дежурств вечера Пьер обедал дома. Мать смирилась с его работой в полиции, больше не называя юношу ажаном, однако не уставала намекать, что Пьер может приняться за докторат. За речной форелью со шпинатом он помахал серебряной вилкой:

– Мама, – с чувством сказал юноша, – я знаю, что папа в мои годы стал ассистентом куратора и писал об испанской живописи, однако у меня едва остается время чиркнуть в ежедневнике, что у меня нет времени на все остальное...

Золотое солнце едва закатывалось за Сену, но Лаура зажгла высокие свечи. Кофе они пили в гостиной. Блики огня играли на белом мраморе скульптуры Джакометти, на сугробах этюда Моне. Сорока сидела на деревянной калитке. Рядом висел купленный Генриком на закрытом аукционе в Швейцарии этюд Ренуара к портрету двух девочек. Темноволосая малышка с ярким бантом напоминала Пьеру детские фотографии его матери:

– Она тоже была серьезная, – подумал юноша, – и у младшей Лауры на послевоенных фото похожее выражение лица. Где ее сейчас искать? Она, наверное, давно мертва...

При матери Пьер не говорил о ее младшей сестре:

– Или о тете Кларе или об Адели, или о Сабине, – он щелкнул зажигалкой перед сигаретой Лауры, – мама не покупает вещи Сабинины и не слушает записи Адели. На «Че» она тоже не ходила, потому что фильм снял Аарон...

Пьер напомнил себе позвонить в Вену. Мать болтала с дедушкой Джованни, однако о Кларе и остальных она, разумеется, не заикалась. Пьеру хотелось узнать, как идут дела на фестивале:

– Тиква играет в «Превращении», – Пьер любил Кафку, – семья Замзы тоже от него отвернулась. Я не имею права поступать так с мамой. Ее нельзя оставлять одну, она не перенесет, если я съеду с квартиры... – Пьер мог обосноваться в старой студии Аарона Майера на Монмартре, однако не заводил с матерью таких разговоров.

Он ненавидел себя за страхи:

– С мамой все в порядке, – повторял себе Пьер, – она излечилась и не пьет таблетки... – он не держал в доме оружия, но не считал для себя возможным рыться в вещах матери:

– Один звонок, и она достанет себе десяток пистолетов, – Пьер налил себе еще кофе, – она на «ты» с президентом де Голлем и половиной кабинета министров...

Товарищи родителей по Сопротивлению занимали важные правительственные посты:

– Никто из них не сдавал трофейное оружие после войны, но мама такого не сделает, – успокоил себя юноша, – она работает, ходит со мной в кино и театр... – по воскресеньям они брали билеты на дневные представления, а потом обедали у месье Жироля на рю Мобийон. Словно услышав его, мать заметила:

– Театры на каникулах, надо посмотреть, что нового в киноафише... – Пьер тоже закурил:

– Хана снимается в фильме Сидни Поллака. Интересно, какая получится лента? Роман Маккоя очень хороший... – мать фыркнула:

– Вы считаете ее актрисой, а она все лишь певичка кабаре, вроде покойной Пиаф, – Лаура повела сигаретой, – в ней нет истинного таланта, роли она получает на диване в гримерке... – Пьер предпочел не спорить:

– Кроме меня с Джо, дедушки и покойного папы, остальные ее враги, – вздохнул юноша, – даже тетя Марта... – язык матери не потерял остроты. Пьер, правда, заметил, что в последнее время мать стала более любезной:

– Только когда она говорит о девушках, – усмехнулся Пьер, – она считает, что мне пора жениться... – Лаура поджимала испещренные шрамами губы:

– Джо тридцать лет, – недовольно говорила она, – пора забыть юношеские, – мать щелкала пальцами, – иллюзии, надо крепко встать на ноги... – иллюзиями Лаура называла пропавшую Маргариту:

– Сидя в Конго, он никого не встретит, – говорила мать, – пора ему возвращаться домой... – рассуждения о будущих невестах Пьер пропускал мимо ушей. Он не торопился жениться:

– Сначала надо стать шефом инспекторов, – напомнил он себе, – и найти наши картины...

От довоенных коллекций отца и дедушки Теодора осталось ровно три полотна:

– Не говоря об украденном фон Рабе рисунке Ван Эйка, – хмыкнул Пьер, – работы много, даже не считая треклятой диссертации... – отговорившись ранним подъемом, после обеда он отправился в свою комнату:

Швырнув кеды в угол спальни, юноша подошел к зачехленной пишущей машинке:

– На диссертацию у меня совсем нет времени... – он хотел писать о «Даме с единорогом».

Машинка печально звякнула, он оседлал стул:

– Я сегодня весь день думаю о ней, – понял юноша, – то есть не о ней, а о мадемуазель Брунс... – девушка с гобелена напомнила ему бесследно пропавшую в Гамбурге Магдалену:

– Она может быть мертва, – Пьер порылся в кармане рабочего, как он говорил пиджака, – такие твари, как Штрайбль, не церемонятся со свидетелями преступлений... – Штрайбля еще требовалось найти. Пьер всматривался в угрюмое лицо на фото:

– Мы его отыщем, – сказал он Магдалене, – отыщем и передадим под суд..., – он осторожно коснулся снимка:

– Зло будет наказано, – Пьер не отводил глаз от девушки, – я обещаю, Магдалена.

Месье Ланге заглянул в парфюмерный отдел Galeries Lafayette ближе к вечеру. Толпа туристов схлынула, он спокойно бродил среди зеркальных стоек. Длинные пальцы перебирали бутылочки духов. Помахав перед носом глянцево-полоской бумаги, он задумался.

Рыжеволосая девушка в карнавальной маске и вечернем платье таинственно улыбалась с рекламного плаката:

– Fracas, легендарный аромат, месье, – загурчал голос продавщицы, – в нем сочетаются драгоценная индийская тубероза, тунисский флердоранж, жасмин и корень ириса. Он подойдет раскованной, чувственной женщине..., – голубые глаза месье Ланге улыбались:

– Я имею честь водить близкое знакомство именно с такой..., – обручального кольца он не носил, – думаю, ей понравится подарок..., – черный флакон улегся в пурпурный бархат изящной коробки.

Сам Максимилиан не изменял туалетной воде от Santa Maria Novella:

– Слава Богу, теперь есть факсы, – хмыкнул он, – жаль, что на войне мы не додумались до такой техники..., – он заказывал товары из Европы именно по факсу. Рассеянно изучая прилавок Hermes, Макс покачал головой:

– Для факса нужно электричество, то есть полевой генератор. Он бы только обременял айнзацгруппу, мы всегда связывались с ними по рации. И что им было посылать по факсу, отчетность об уничтожении евреев..., – он расплатился за платок и сумочку, – все документы и так всегда были в полном порядке..., – вещи Адольф забирал в Швейцарию.

Макс чувствовал себя виноватым перед Фредерикой. Он каждую неделю звонил дочери, однако хотел и побаловать девочку:

– Осенью мы встретимся в Италии..., – перед акцией Макс думал показать дочери Венецию, – потом она вернется в Швейцарию, а я поеду домой, к Полине...

Дочери Макс купил платок из коллекции «Амазония». Голубовато-серые тона подходили к ее глазам. Сумочка была небольшой, черной кожи, с золотой застежкой в виде седла:

– Вещица дневная, – Максону понравилось качество выделки, – в университет она ходит с массивной сумкой, но ей нужна и маленькая...

Успешно сдав экзамены, Фредерика проводила лето на раскопках свайного поселения времен бронзового века, на Цюрихском озере:

– Удивительно интересная культура, дядя, – восторженно сказал Адольф, – ты знаешь, что в погребения они непременно клали каменный топор? Смотри, – парень вытащил альбом, – мы нашли такие топоры, шнуровую керамику..., – страницы заполняли снимки черепков, – получится отличная статья и кое-что даже останется для дипломной работы. Фредерика пишет статью о кинжалах тех времен, она интересуется оружием..., – Макс заметил:

– Ее кинжал тоже старинный, хотя, разумеется, вещица младше возрастом..., – Адольф кивнул:

– Шестнадцатый век. Дамасская сталь, ножны очень искусной работы..., – в конце альбома нашелся и снимок Фредерики. Девушка сидела на борту яхты:

– Мы взяли лодку напрокат, – объяснил племянник, – Фредерика хорошо управляется с парусом..., – дочь стянула рыжие волосы в небрежный узел. Длинные ноги облегли черные штаны с дырками:

– Сейчас так модно, – вспомнил Макс, – кажется, брюки у нее тоже от Hermes...

Он каждый месяц переводил на счет девочки крупную сумму, но все равно считал себя обязанным снабжать ее подарками:

– Пока не след торопить события, – решил Феникс, – но хорошо, что Фредерика и Адольф встречаются на каникулах. За общими научными интересами возникнет взаимное влечение, откуда недалеко и до брака... – он, разумеется, не сказал племяннику, где провел зиму:

– У меня дела, – небрежно заметил Макс, – после Парижа я полечу на Сардинию, на виллу Боргезе... – акция в Риме планировалась на первые числа ноября:

– Еврейские праздники пройдут, – вспомнил Феникс, – но в синагоге все равно соберется тамошняя жидовня. Мы одним ударом покончим и с ними, и с половиной еврейского квартала... – акция требовала тщательной подготовки:

– Полина не заскучает, – утешил себя Макс, – я ей звоню, и она занята книгой... – рукопись была почти готова, но Полина настаивала на тщательной редакции:

– Дотошностью она пошла в отца, – понял Макс, – но ее дотошность не распространяется на любимых людей. Она верит мне и ни о чем меня не спрашивает... – как и ожидал Макс, в Гвинее его приняли с распростертыми объятьями.

Неся легкий пакет с покупками, он поднялся по мраморной лестнице в кафе под куполом:

– Помогла моя дружба с шейхами, – он нашел глазами светловолосую голову племянника, – президент Секу считает меня не только военным советником, но и, как говорится, конфидентом... – месье Ланге получил в дар от государства белокаменный дом на берегу океана:

– Не виллу, а скромное бунгало, – он опустил рядом с Адольфом, – я не гонюсь за роскошью... – он знал, что Полина обрадуется подарку:

– Она меня любит, – Макс ласково улыбнулся, – она тоже не стремится к богатству, однако надо ее побаловать... – они завели дворнягу и гуляли вечерами по пляжу.

Макс предпочитал породистых собак, но, неожиданно для себя, привязался к бойкому щенку:

– Он какая-то помесь, – хмыкнул Феникс, – уйдя из страны, французы бросили не только недвижимость, но и псов... – он заказал кофе и тосты с копченым лососем:

– В моем возрасте надо менять диету, – подумал Макс, – Отто был прав насчет вегетарианства... – не доверяя местному мясу, он перешел на рыбу и чувствовал себя гораздо лучше.

Макс не собирался становиться престарелым отцом:

– В новом паспорте мне скостили десять лет, – он закурил, – Полина считает, что мне нет пятидесяти... – он хотел получить сына или дочь к юбилею:

– Так и случится, – Макс отпил крепкий кофе, – но сначала надо разобраться с моими врагами... – Адольф хмуро сказал:

– Герберт навещал квартиру дилера, получившего картину из Лиона... – Макс дернул щекой:

– Но до квартиры он не дошел, потому что на улице болтались ребята в темных очках... – племянник кивнул:

– На Монмартре Герберту рассказали, что такими делами в Сюртэ ведает инспектор Пьер де Лу. Местные парни... – парень указал на панораму Парижа за окном, – зовут его Красильщиком. Дилера арестовали и Ватто ушел из наших рук... – Макс ткнул окурком в пепельницу:

– Важен не результат, а принцип, – он раздул ноздри, – проклятый мальчишка не перейдет мне дорогу. У него дома, наверняка, имеются картины... – Феникс усмехнулся, – значит, мы навестим его мать, мадам Монахию.

– Так и сиди, не двигайся... – заросший полуседой щетиной клошар что-то буркнул, – час проведешь на солнышке и получишь деньги на бутылку...

Уличные художники с забитой туристами площади Тертр практиковались в ремесле на задворках Монмартра, на площади Эмиля Гудо. Местные бродяги собирались на теплых булыжниках мостовой, под пышными каштанами. Клошары были не против заработать несколько франков, устроившись рядом со скамейкой, где обосновались живописцы.

На углу площади торчал обветшалый барак Бато-Лавуар. Бывшее артистическое общежитие напоминало выброшенную на берег баржу. Изредка забредавшие сюда туристы равнодушно проходили мимо разошедшихся оконных рам и заваленной хламом, наглухо заколоченной парадной двери. Окна унылого серого дома по соседству тоже забили досками. Над аркой, ведущей во двор, виднелась выцветшая вывеска:

– Ночной Клуб Черный Кот. Танцы до утра, каждая вторая выпивка бес..., – позолоченные буквы обрывались на отломанном конце доски. Из пыльного окошка над аркой высовывалась труба буржуйки:

– Студенты сегодня на улицу не выходили, – художник ловко рисовал, – должно быть, у них еще осталась выпивка..., – по ночам из бывшего клуба доносились заливчатские голоса певцов. Гремела ударная установка, звенели гитары. Художники встречали в ближних магазинах кое-кого из ребят, самовольно занявших апартаменты:

– Вообще они хорошие парни, – клошар задремал на солнцепеке, – напоминают нас в молодости..., – старик, рисовавший бродягу, появился на площади Тертр пареньком, после первой войны:

– Представляешь, – сказал он посапывающему клошару, – я помню Модильяни. Ты, конечно, не знаешь, кто он такой..., – он покусал карандаш, – а до войны я рисовал мадемуазель Аржан. Ее потом убили боши. Она была актрисой, – сообщил старик клошару, – о ней ты тоже не слышал..., – бродяга носил истасканное, не по сезону теплое пальто:

– Мадемуазель Дате мне тоже позировала, – художник усмехнулся, – она стала подружкой Бонда и может получить Оскара..., – старик помолчал:

– Видишь, как получается. Картины моих приятелей висят в музеях, а я рисую американцев по пять франков за портрет. Но пять франков за десять минут – неплохой заработок. Надо сказать спасибо, что на восьмом десятке я крепко держу карандаш...

Клошар носил воняющую гнилью, траченную молью шерстяную шапку. Пахло от него дешевым вином:

– Я его встречаю второй день подряд, – понял старик, – он не здешний, наших завсегдаев я знаю в лицо...

Он решил, что клошар перебрался на холм в надежде на легкие деньги. Монмартр наполняли туристы, не отказывающие бродягам в мелочи или даже в паре купюр:

– Сидя на улице с кепкой, зарабатываешь больше, чем стоя с мольбертом, – понял старик, – наверняка, он отирается у базилики Сакре-Кер. Он может быть и вором, – живописец выпятил губу, – хотя он не похож на лихих парней. Обыкновенный пьяница, Париж ими кишит..., – он велел клошару:

– Можешь отдохнуть пять минут, – бродяга не двинулся с места, – студенты, наконец, появились на улице...

Невысокий темноволосый парень миновал арку, ведущую на площадь. Юноша носил помятую гавайскую рубаху и старые джинсы. Оглянувшись по сторонам, он пошел в сторону метро:

– Перерыв закончен, – сердито сказал художник, – куда собрался, приятель? Эскиз не готов, надо продолжить сеанс..., – на альбомном листе красовалась половина лица клошара.

Отхлебнув вина из почти пустой бутылки, бродяга что-то пробормотал. Замотав вокруг шеи дырявый шарф, клошар вразвалочку направился вслед за юношей.

Адрес бывшего ночного клуба Механик получил от инспектора Пьера:

– Место бойкое, настоящее осиное гнездо, – недовольно сказал парень, – после майских волнений помещение самовольно заняли радикалы и пока их никак не выкурить..., – открыто навестить апартаменты они не могли.

Скомкав исчерканную записями бумагу, Пьер метнул импровизированный мячик в привинченное к стене кабинета баскетбольное кольцо:

– Я играю, когда успеваю, – заметил юноша, – жаль, что времени остается все меньше и меньше..., – рядом с кольцом висел яркий плакат. Алые буквы кричали: «Крестьяне, рабочие, студенты – соединяйтесь!». Марсель усмехнулся: «Почти что «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Он зорко посмотрел на юношу:

– Ваш покойный отец был коммунистом. Вы что, тоже член партии... – легко соскочив со стола, инспектор поднял бумагу:

– Три очка, но из-за картин мяч здесь никак не завести, – он отправил комок в корзину для мусора, – нет, месье Механик, я государственный служащий, – он подмигнул Марселю, – папа был политик, а я чиновник и не имею права официально принадлежать к партии..., – Механик не отставал:

– Но вы поддерживаете левых..., – Пьер отозвался:

– Не во всем, но войну во Вьетнаме действительно надо прекратить..., – Механик перебирал фотографии в выданной ему папке:

– Я тоже так думаю, – вздохнул Марсель, – хорошо, что Франция не замешана в тамошней неразберихе и мы сейчас не воюем..., – Пьер почти весело заметил:

– Узнай русские о моих взглядах, они бы обрадовались. Формально я советский гражданин, я родился в СССР..., – за кофе он рассказал Марселю историю своего появления на свет:

– Но не думаю, что Комитет мной заинтересуется, – попытожил юноша, – я для них мелкая сошка. Хотя в сквоте могут быть их агенты. В апартаментах засели некоторые горячие головы, хороший материал для вербовки...

Пока им требовалось найти Герберта Штрайбля и Магдалену Брунс. Носить фотографии на задание было нельзя, но Марсель хорошо запомнил лица молодых людей.

Штрайбль, в гавайской рубашке, невозмутимо шествовал перед ним. Судя по всему, немец направлялся к метро Abbesses:

– Вчера из квартиры никто не выходил..., – вспомнил Марсель, – правильно сказал художник, у них пока не закончились выпивка и травка..., – вечером Механика сменил неприметный паренек, приехавший к сквоту на потрепанном пежо:

– Я от Красильщика, – уважительно сказал юноша, – поспите на заднем сиденье, месье, я наблюдаю за зданием..., – Пьер успел сообщить Механику свою кличку:

– Почти как у папы, – заметил парень, – мой кузен в Америке тоже пользуется оперативным псевдонимом покойного отца..., – Пьер знал, что Хаим сейчас во Вьетнаме:

– Он сбежал от ФБР, – поправил себя юноша, – но это, как говорится, дело семейное..., – он в очередной раз порадовался, что стал только полицейским.

Пьер не очень доверял Службе Внешней Документации. Во Франции, как и в Германии, ведомства, занимавшиеся безопасностью страны, кишели бывшими нацистами и коллаборационистами. Почти все старшие коллеги Пьера служили в парижской полиции во время войны:

– Наш бывший шеф, Папен, депортировал евреев из Парижа, – заметил юноша Механику, – его отправили в отставку, – Пьер скривился – однако другие сидят на своих местах...

Они вышли покурить на набережную. Удерживая стаканчики с кофе, Пьер щелкнул зажигалкой:

– Меня в полиции считают *l'enfant terrible*, – голубые глаза улыбались, – однако я обладаю уникальными знаниями и не подумайте, что я хвастаюсь..., – Механик добродушно отозвался:

– Даже представить такого не могу. Значит, у вас есть своя полиция внутри полиции..., – Пьер покраснел:

– Называйте меня на «ты», – он откинул с лба белокурые волосы, – да, молодые ребята, вроде меня. Кое-кто работает в отделе нравов, – он повертел снимок Магдалены, – я попрошу их держать глаза открытыми..., – Механик, правда, считал, что девушка давно мертва:

– Она случайно попала в переделку, – Штрайбль завернул в булочную за кофе и круасаном, – бандиты утащили ее с собой для развлечения, но ее труп сейчас лежит на дне какой-нибудь реки... – они понятия не имели кто, кроме Штрайбля, участвовал в налете на инкассаторские машины:

– Тетя Марта считает, что Штрайбль замешан в нападении, – заметил Пьер, – юридическая контора его отца работала с пострадавшим банком, однако это косвенная улика... – по досье юный Штрайбль, наследник адвокатской практики, выглядел почти святым:

– Он выступает на конференциях католической молодежи, обличая аборты и ездит в Рим на аудиенции к его святейшеству, – сказал Пьер, – у него скоро нимб над головой вырастет. Но если он в Париже, то мы его найдем...

В досье имелись только газетные фотографии немца, но Марсель сразу его узнал. Складывающаяся ситуация Механику не нравилась:

– Зачем богатенькому парню ночевать во вшивом сквороте, – Марсель обосновался на другой стороне улицы, – это не каникулярная поездка. Он решил уйти на дно, пока все не уляжется... – Штрайбль распивал кофе с видом довольного жизнью туриста, – посмотрим, куда он направился...

За спиной юноши болтался холщовый рюкзак, увешанный значками с покойным команданте Че Геварой. Марсель вдохнул аромат кофе:

– Я тоже встал у двери кафе, очень удачно... – не оборачиваясь, он щелкнул пальцами:

– Приятель, держи... – подлетевший к нему бармен принял сантимы, – двойной эспрессо, пожалуйста... – пальто и шапка Марселя никаких вопросов у заведения не вызвали:

– Я плачу. Значит, я имею право на обслуживание, как и другие гости... – он жалел, что утром так недолго поговорил с Татой. Марселю удалось улучшить пару минут в телефонной будке за углом:

– До Люксембургского сада недалеко, – успокаивающе сказала жена, – мы справимся, а ты работай... – Марсель помолчал:

– Я скучаю, – тихо сказал он, – прости меня, пожалуйста... – Тата смешливо заметила:

– Я тебя год ждала, милый, и не в Париже, а в Сахаре. Я тоже скучаю, но мы скоро увидимся... – Штрайбль покуривал, забросив ногу на ногу:

– Окажись Тата и девочки на его пути, он бы их тоже не пожалел, – гневно подумал Механик, – нацист есть нацист, пусть его родители и жертвы режима...

Он вспомнил газетную фотографию старшего Штрайбля и известного Марселю ныне депутата бундестага Краузе. Лицо адвоката показалось Марселю смутно знакомым:

– Согласно досье, он сидел в Дахау, – вспомнил Механик, – мы работали по наряду в лагерных механических мастерских. Наверное, именно там я его и видел... – допив кофе, юноша, к удивлению Марселя, двинулся на стоянку такси:

– Зачем он тащит рюкзак... – Механик нашел глазами припаркованный поодаль давешний пежо, – значит, у него с собой что-то, с чем не спускаются в метро. Миллион долларов наличными, например... – паренек за рулем машины кивнул: «Месье».

Марсель первым делом открыл окно:

– Я закурю и перебыю вонь, – обнадежил он парня, – здесь я спал без пальто, а дух идет именно от него. Кажется, наш подопечный собрался навестить центр города...

Паренек нажал на газ: «Куда отправимся, и мы».

Продолжается горячее лето шестьдесят восьмого, – развязно сказал диктор, – парижане устремились к морю, но где сейчас действительно жарко, это в Ираке... – раздался записанный на пленку смех, – вчера, семнадцатого июля, в стране произошел военный переворот. К власти пришли социалисты, возглавляемые неким Саддамом Хусейном... – имя он произнес по складам, – а теперь о погоде...

Радио бубнило за полуоткрытой дверью. В темной комнате плавал сладковатый запахок травки. На полу хрустела стеклянная крошка разбитого шприца. На просевший паркет кинули засаленный матрац. Вокруг разбросали покрытые следами от окурков подушки. Забитое досками окно загородили массивным шкафом. На древних обоях виднелась неряшливая надпись краской: «Полицейские – свиньи! Свиной на мясо!».

Портрет президента де Голля, с нарисованной поверх мишенью, приколотили рядом:

– В яблочко, – пьяно сказал кто-то, – но надо практиковаться на живых мишенях..., – нож воткнулся прямо в лоб де Голля. Долговязый парень в грязных джинсах и затрепанной майке вытащил лезвие из стены:

– Бош здорово бросает ножи, – он икнул, – он ездил на Ближний Восток, тренироваться с борцами за свободу палестинского народа..., – второй юноша, с нечесаной гривой волос, кивнул:

– Я тоже хочу туда попасть, – он затыкнулся косячком, – моя мать была из Алжира, – он скривился, – папаша, буржуазная свинья, бросил ее в стране. Он забрал меня и был таков..., – он поскреб в черных кудрях, – а что касается живой мишени, то у нас есть дурочка...

Они понятия не имели, как зовут девушку, привезенную Бошем:

– Развлекайтесь, сколько хотите, – заметил гость, – она все равно, что немая. Французского языка она не знает. Думаю, она даже не поняла, где она сейчас...

Худые руки девушки покрывали следы от старых и свежих укусов. На запястьях и сгибах локтей виднелись тонкие шрамы и заживающие болячки:

– Она полосовала себя бритвой, – со знанием дела сказал кто-то из обитателей сквота, – девчонки часто так делают..., – к шрамам прибавились следы от потушенных окурков. Прошлой ночью под героинном один из парней хотел отрезать дурочке ухо:

– Это художественный проект, – заявил он, – словно у Ван Гога. Мы пошлем ухо полицейским свиньям, как манифест нашего несогласия с режимом капиталистического угнетения..., – он потряс опасной бритвой, – надо сделать ей кляп...

Они решили отложить перформанс, как выразался художник, на конец недели.

Девушка ничего не понимала, только изредка что-то мыча. Пару раз ее мыли из шланга в проржавевшей ванне. В голубовато-серых глазах появлялось осмысленное выражение. Девушка обводила взглядом прокуренные, усеянные пустыми бутылками апартаменты:

– Надо вмазать, – немедленно говорил Бош, – давай руку, птичка...

Бош привез в Париж полный пакет травки и завернутый в целлофан темный шмат уличного, плохо очищенного героина. Долговязый парень оживился:

– Хорошая идея, – он схватил бутылку виски, – но сначала попробуем на ней это..., – он вытряхнул последние капли жидкости себе в горло:

– Я такое видел в одном кино, – он подмигнул приятелю, – девушка стонала..., – второй юноша повертел нож:

– Потом поставим ее к стене, – решительно сказал он, – но сначала надо найти спиртное..., – бутылка полетела в угол. Долговязый парень пнул девушку под ребра:

– Мы скоро вернемся, птичка. Не сучай..., – дверь заскрипела.

Коротко стриженная голова поднялась с матраца. Магдалена попыталась встать. Девушку затошнило, она смогла только оказаться на четвереньках:

– Надо выбраться отсюда, – она плохо помнила последние дни, – надо бежать, но куда? Меня, наверняка, ищет полиция..., – в ушах зазвучали выстрелы, – как я здесь очутилась, что это за место..., – Магдалена поползла к двери, – где я сейчас..., – из глубин квартиры доносились голоса, звякало стекло.

Она ухитрилась выпрямиться, ухватившись за ободранную стену:

– Лестница, – по голым ногам ударил ветерок – надо спуститься, выйти на улицу и мне обязательно помогут..., – она вспомнила холодный голос фрау Майер-Авербах:

– Прекратите нас преследовать, – сверкнули золотые браслеты певицы, – вы не имеете никакого отношения к моему мужу, вы авантюристка и больше ничего..., – Магдалена кусала губы:

– Мне помогут, – на площадке когда-то разжигали костер, – не все люди такие, как они...
Нашупывая перила, Магдалена робко спускалась вниз.

Золотистые ломтики мирабели разбегались по слегка подрумяненному миндальному пирогу:

– Это тебе можно, милый, – добродушно сказал Макс племяннику, – здесь почти нет сахара..., – девушка за прилавком кондитерской подтвердила:

– Именно так. Мадам Жироль первой в Париже стала готовить такие десерты...

Заведение помещалось на небольшой улочке неподалеку от набережной Августинок. Узкая мостовая блестела чистотой. За витринами ювелирных магазинов переливались драгоценности, лежали россыпи дорогих ручек и отделанных перламутром зажигалок. В цветочной лавке на углу торговали орхидеями. Блондинка средних лет, сидевшая под феном в парикмахерской, проводила Макса откровенно томным взглядом. Рядом с креслом дамы свернулась мохнатая собачонка.

Кондитерскую Chez Amelie наполняли похожие твари, как о них думал Макс. Создание размером с крысу на руках старушки в очереди заворачало, оскалив острые зубки:

– Оскар, – церемонно сказала пожилая дама, – помни о манерах, милый..., – Адольф потрепал песика по гладкой шерсти. Собака утихомирилась:

– Он чувствует достойных людей, – сказала старушка, – мне пять круассанов и пирог со сливами..., – принимая пирог, Макс заметил девушке:

– За выпечкой к вам приезжает весь Париж..., – очередь выплескивалась на улицу, – это вас зовут Амели..., – продавщица покраснела:

– Нет, что вы. Это жена месье Жироля-младшего, наследника Aux Charpentiers. Они обвенчались в июне, у них сейчас медовый месяц. Мадам Жироль-младшая тоже кондитер. У них своя кулинарная программа на телевидении, очень популярная..., – судя по цене пирога, Париж был готов потратиться на дорогие десерты:

– Я слышал, что ресторан тоже отличный, – заметил Макс Адольфу, – однако нам не стоит болтаться в бойких местах..., – за коваными столиками кондитерской, под полосатой бело-розовой маркизой, мест все равно не нашлось.

Феникс и Адольф дошли до ближайшей площади. Под купами деревьев, рядом с журчащим фонтаном, расставили дубовые скамейки:

– Кондитерскую я помню, – Макс блаженно вытянул ноги, – там и в сорок третьем году была кондитерская..., – Адольф облизнулся:

– Пирог действительно хорош. Наверное, и во времена доброго короля Генриха на том месте помещалась булочная. Французы постоянны в своих привычках...

Мадам де Лу, Монахиня и ее сын, инспектор парижской полиции, тоже отличались размеренной жизнью. Макс набросал в блокноте расписание. Женщина покидала квартиру нечасто, ограничивая прогулки ближайшими кварталами:

– Зеленщик, – Макс отхлебнул кофе, – где мы купили ренклоды, – Адольф бросил в рот сливу, – мясник, бакалейщик, кондитерская и косметический салон..., – он задумался.

Пару раз у подъезда появлялся курьер в мотоциклетном костюме. Парень привозил книги и пакеты. Пользуясь биноклем, Адольф разобрал на одном из них черные буквы Gallimard:

– Она работает на издателей, – сказал Макс племяннику, – хотя Gallimard сотрудничал с нами во время войны. Впрочем, и она сотрудничала, – Феникс тонко улыбнулся, – сама того не зная..., – он добавил:

– Скорее всего, она переводчик. Она знает восемь или десять языков, даже японский...

Он хорошо помнил расположение комнат в квартире. Макс несколько раз навещал апартаменты, где во время войны обретался ставший предателем генерал Штюльпнагель:

– Он командовал вермахтом во Франции, – сказал Макс Адольфу, – но связался с заговорщиками, покушавшимися на твоего отца в сорок четвертом году. Я лично казнил мерзавцев, включая твоего дядю Генриха..., – Адольф кивнул:

– Я помню ленту..., – сцены казни, снятые Отто, Макс достал из боннских архивов с помощью Краузе, – у вас не дрогнула рука, дядя Макс..., – Феникс пыхнул сигаретой:

– И сейчас не дрогнет, – он кивнул в сторону Сены, – но сначала надо, чтобы из города убрались все, кому здесь быть не след..., – Адольф взглянул на часы:

– Я посадил Штрайбла на южный поезд, – наследник адвокатской конторы отправился в Биарриц, – я его встретил у банка, проследил, чтобы все было в порядке и отвез на вокзал..., – миллион долларов Феникса не интересовал:

– Пусть французские леваки тратят его на героин и девок, – Макс зевнул, – главное, чтобы они выполняли наши указания..., – Адольф велел Герберту не возвращаться в притон, как он выразился, на Монмартре:

– В Биаррице купишь себе все необходимое, – сказал он приятелю, – за фургон не беспокойся, в тамошних дворах его никогда не найдут..., – развалюху загнали в заброшенный гараж и завалили хламом. Герберт решил не говорить Адольфу о дурочке, как он называл девчонку:

– Пусть она сдыхает в притоне, – хмыкнул парень, – она ничего не ест, вернее, ее не кормят. Достаточно одного передоза героина, и она не проснется..., – девица не знала его имени и была сумасшедшей:

– Но Адольфу не понравится, что я притащил ее в Париж, – решил юноша, – незачем выводить его из себя..., – мягкость наследника фюрера была обманчивой. Герберт помнил, как приятель вел себя в Сирии:

– Лучше не переходить ему дорогу, – рассудил парень, – рано или поздно девица все равно умрет... – из Биаррица он намеревался поехать в Испанию:

– Привези родителям паломнические сувениры, – наставительно сказал Адольф, – а в остальном, мы с Красным Волком встречаемся в Риме осенью, а ты сидишь дома и не вызываешь подозрений, наша жена Цезаря..., – он весело подмигнул Герберту.

Максимилиан кивнул:

– Теперь ничто не мешает нам навестить мадам Монахию...

Сжевав спелый ренклюд, он лениво кинул косточкой в стайку воробьев на газоне. Птицы, отчаянно щебеча, поднялись на крыло. Париж дремал в раскаленном июльском полудне. Макс послушал отдаленный колокол собора Нотр-Дам:

– В общем, – подытожил он, – учитывая наш опыт, ничего опасного в будущем визите нет. Подъезд без консьержки, на первых этажах помещаются конторы..., – в выходные дни офисы не работали, – мы войдем в квартиру и выйдем оттуда минут через десять, но с картинами..., – Адольф помялся:

– Входную дверь мы откроем..., – дядя мог справиться с любым замком, – но если она услышит посторонних на площадке, она забеспокоится..., – Макс потрепал его по плечу:

– Нет, милый, она сама впустит в квартиру сына..., – Адольф удивился:

– Какого сына? Старший сидит в Африке, а младший будет на работе...

Феникс сдвинул на нос темные очки:

– Видишь ли, милый, у нее был и третий сын..., – он широко улыбнулся, – он долго искал мать и, наконец, нашел.

Над расплавленной коркой сыра поднимался ароматный дымок. Потрепанная маркиза хлопала на вечернем ветру. Хозяин Au Roi Des Halles открывал заведение для обеда в семь

часов вечера. Центральный рынок Парижа к этому времени утихал. В мясных рядах еще шла оживленная торговля, но цветочница напротив складывалась:

– Хорошенькая девушка, – весело заметил Механик, обмакивая хлеб в сыр, – она на тебя поглядывает, инспектор... – Пьер быстро расправился с закопченным горшочком супа:

– Может быть, и на вас..., – он вытер стенки куском багета, – хотя не в этом наряде..., – от шапки Механик избавился, но старое пальто висело на спинке его стула.

Мимо них по бульвару прогромыкала телега с окровавленными тушами:

– Через три года здесь ничего не останется, – уверенно заявил Пьер, – мэрия решила снести рынок..., – Механик поперхнулся луковым супом:

– Как снести, это памятник архитектуры..., – Пьер взялся за блюдо с сырами:

– В котором живет четверть миллиона крыс, если верить санитарной инспекции..., – крыса метнулась на обочину, спасаясь от колеса тележки, – город достоин того, чтобы здесь возвели музей или что-то, – он покрутил рукой, – похожее...

Несмотря на очередь к прилавку заведения, они легко получили места на отполированных поколениями посетителей скамьях:

– В «Голубой блузе» тоже неплохо готовят, – Пьер указал на вывеску соседнего бара, – однако здесь, – он похлопал по столу, – лучший луковый суп в Париже. Даже месье Жиролю, при всем уважении, он удается не таким наваристым..., – Механик отозвался:

– Это ты у меня дома еще не обедал. Когда все закончится, – он вздохнул, – мы тебя накормим настоящей парижской едой и заодно русскими пельменями...

Они пока не знали, как и когда все закончится. Механик довел месье Штрайбля до буржуазного здания неподалеку от Елисейских полей. Расплатившись с таксистом, юноша скрылся в охраняемом швейцаром подъезде:

– Туда мне хода не было, – сказал Марсель, – но твой паренек покрутился рядом. В особняке располагаются дантист, адвокат и представительство некоего швейцарского банка...

Пьер помолчал:

– Вряд ли Штрайбль лечил зубы, а с адвокатом мы разговаривали..., – в юридической конторе немца не видели. Несмотря на судебный ордер, срочно полученный Пьером, банкиры отказались сообщать имена клиентов:

– Они в своем праве, – хмуро сказал инспектор, – они считают информацию банковской тайной..., – тайной оставалось и нынешнее местоположение месье Штрайбля:

– Никакая это не тайна, – невесело сказал Механик, – подъезд проходной. Он выводит во двор здания, а оттуда прямой путь к станции метро..., – с пропажей Штрайбля исчезла одна из немногих имевшихся нитей к случившемуся в Гамбурге:

– Ты думаешь, что он принес в банк деньги, – Механик отпил кофе, – или только использовал подъезд, чтобы скрыться..., – Пьер щелкнул зажигалкой:

– Скрыться он мог с Монмартра. Он приехал в центр с рюкзаком, но мы не знаем, что случилось с ним и с самим Штрайблем. И вообще, – инспектор вытянул ноги, – сначала нам шла карта, как со сквотом, а теперь мы наткнулись на глухую стену...

Пьер объяснил Марселю, что послал его на Монмартр, пользуясь, как выразился парень, шестым чувством:

– Папа первым учил меня реставрации, – голубые глаза юноши засветились, – он говорил, что надо доверять интуиции. Если тебе кажется, что участок картины или часть манускрипта скрывают что-то, скорее всего, так и есть...

Пьер никому не признавался в своей мечте, но ему хотелось вернуть людям неизвестный рисунок Ван Эйка:

– Его отвезут в Прадо, на законное место, – говорил себе юноша, – но мы устроим и выставку в Париже. У нас есть один Ван Эйк, сюда привезут и другие картины. Но сначала надо призвать к ответу проклятого фон Рабе, убийцу моего отца...

Он не обсуждал с матерью военные времена и не упоминал при ней беглых нацистов. Пьер знал, что мать получила шрамы в концентрационном лагере:

– Фон Рабе арестовал ее в Лионе, ее отправили в Германию, – он прислушался к шуму за стойкой заведения, – а об остальном она молчит и я не собираюсь ничего спрашивать. Ее нельзя волновать, иначе вернется болезнь..., – Пьер подытожил:

– Интуиция интуицией, а завтра мы отправимся на Монмартр. Пора навестить притон и поинтересоваться, куда делся месье Штрайбль..., – хозяин крикнул:

– Месье барон, – несколько голов повернулось в их сторону, – вас к телефону..., – Пьер усмехнулся:

– Он роялист. У нас новый титул, времен королевы Марии Медичи, однако он всегда величает меня церемонным образом. Надеюсь, с набережной Орфевр звонят не просто поболтать..., – разговор оказался коротким.

Вернувшись к столу, Пьер широко улыбнулся:

– Можете передать пальто настоящим клошарам, месье Механик...

Юноша подхватил пиджак: «Поехали. Нашлась Магдалена Брунс».

Окна палаты выходили на Сену. Пьер мог разглядеть очертания дома на набережной Августинок:

– Когда мама заболела, мы с Джо вызывали врача отсюда, – он повертел черно-белое фото, – он меня узнал, спрашивал, как дела у мамы и Джо..., – Пьер скучал по старшему брату, но понимал, что из соображений безопасности Джо лучше оставаться в Африке:

– Он не виноват в случившемся, – вздыхал юноша, – он сотрудничал с беглыми нацистами, надеясь спасти Маргариту. И с русскими он связался тоже именно поэтому..., – Пьер знал о бывшем знакомстве брата с Пауком:

– Но мама ни о чем не подозревает, – он слушал легкое дыхание девушки, – пусть все остается, как прежде...

Палата госпиталя Отель-Дье находилась под полицейской охраной, но Пьер уговорил начальство пока не звонить в Интерпол:

– Дело не в украденных трех миллионах, – рассудительно сказал он, – мадемуазель Брунс поможет раскрыть не только это преступление..., – юноша успел поговорить с тетей Мартой. Пьер уверил ее, что все находится, как он выразился, под контролем. По пути в госпиталь они с Механиком заглянули в Сюртэ:

– Пока вам не надо прилетать, – заметил Пьер по телефону, – мадемуазель Брунс еще не пришла в себя, а месье Штрайбль пропал с радаров..., – выслушав его, тетя велела:

– Все равно навестите сквот. Может быть, тамошние обитатели знают, куда делся Штрайбль..., – она помолчала:

– Держи меня в курсе насчет случившего и будь осторожен. В городе могут болтаться советские агенты, а ты формально гражданин СССР..., – Пьер сомневался, что его собираются похищать:

– Я полицейский и не нужен Советскому Союзу, – он вернулся к кровати девушки, – но ведь русские опять захотят шантажировать Джо. Мое исчезновение может нести за собой именно такую цель..., – за мать Пьер не волновался.

Лаура почти не выходила на улицу и не открыла бы дверь постороннему человеку:

– У меня при себе пистолет, – кобуру он носил под мышкой, на американский манер, – и ко мне никак не подобраться, – парень усмехнулся, – я вожу знакомство с проверенными кадрами..., – Пьер предпочитал легкие связи, выбирая приятельниц, актрис или моделей:

– У них на уме карьера, а не брак, – он смотрел на бледные щеки девушки, – мадемуазель Магдалена готовилась стать оперной певицей, но случилось несчастье..., – Пьер узнал о произошедшем в Гамбурге от тети Марты:

– Шесть лет назад сгорела ферма родителей фрейлейн Брунс, – сказала тетя, – ее мать и отец, то есть приемный отец, погибли. Младший брат тоже, вернее, все считали, что он мертв..., – тетя добавила:

– Разумеется, все сведения засекречены. От немцев ты ничего не дождешься, однако они ничего и не знают, то есть не знают многого из того, что я расскажу тебе..., – Пьер услышал, что перед ним младшая сестра маэстро Авербаха:

– Мать мадемуазель Магдалены служила надзирательницей в концлагерях, – юноша взял с тумбы медицинскую карту, – а ее младший брат выжил и оказался в ГДР..., – тетя Марта велела пока ничего не говорить девушке:

– Подожди, пока я приеду, – тетя затянулась сигаретой, – у нас горячая пора, несмотря на каникулы, но я обязательно вырвусь на несколько дней. В каком состоянии Магдалена..., – состояние девушки не вызывало опасений, хотя ее доставили в Отель-Дье в карете скорой помощи:

– Таков протокол, – объяснил Пьеру лечащий врач, – она потеряла сознание в табачной лавке на углу площади Эмиля Гудо..., – доктор помолчал, – учитывая, что она разгуливала по Монмартру в чем мать родила и не могла связать двух слов, владелец вызвал скорую...

Фотографии мадемуазель Брунс имелись в каждой больнице Парижа:

– Немцы держали ее в сумасшедшем доме, – вспомнил Пьер, – ее обвиняли в поджоге фермы и убийстве ее семьи, но тетя Марта считает, что на ферме побывал посланец беглых нацистов..., – тетя устало сказала:

– Известный тебе Максимилиан ничего не забывает. Они вынесли матери Магдалены приговор, как предательнице дела фюрера и рейха..., – Пьер осторожно погладил худые пальцы девушки:

– Бедняжка, она весит меньше сорока килограммов..., – Магдалена напоминала фотографии женщин-узниц концлагерей, – ее пичкали героином, били, издевались над ней..., – врач заметил:

– У нее на руках есть и старые шрамы. Она резала себя бритвой, что случается при психических заболеваниях. Когда мы снимем ее с героина, – из руки девушки торчала капельница, – вы сможете с ней поговорить, но я не уверен, что она..., – доктор выразительно pokrutil пальцем у виска:

– Еще у нее венерическое заболевание, – добавил врач, – но беременности нет, не пришлось делать ей аборт. Я бы и не сделал, – он недовольно хмыкнул, – я католик, но у меня есть коллеги, – доктор поискал слово, – без подобных принципов..., – Пьер возмутился:

– Она совершеннолетняя, нельзя проводить такие вмешательства без ее согласия..., – доктор пыхнул дымом за окно:

– Делайте домашнюю работу, инспектор. Умалишенные не дееспособны, решение принимает их опекун или, в ее случае, – он помахал карточкой, – государство, но я не слышал, чтобы судья отказывал в аборте такой пациентке. Я бы вообще стерилизовал всех сумасшедших..., – Пьер обернулся на пороге ординаторской:

– Именно так делал Гитлер, месье доктор..., – юноша нарочито аккуратно закрыл за собой дверь:

– Механик со мной согласился, – месье Марсель поехал к семье, – она психически здорова, – длинные ресницы девушки дрогнули, – если бы меня шесть лет продержали в закрытой психиатрической больнице, я бы тоже напоминал сумасшедшего..., – Пьер не знал, какого цвета глаза у мадемуазель Магдалены:

– Фотография из Германии черно-белая, – девушка облизала искусанные губы, – на снимке ничего не разобрать..., – юноша взялся за госпитальный стакан с пластиковой соломинкой:

– Все хорошо, – тихо сказал инспектор, – мадемуазель Магдалена, вы в безопасности. Вы под охраной парижской полиции и моей личной охраной...

Пьер пообещал себе немедленно разобраться с обитателями сквота:

– Прямо сегодня, – он незаметно сжал кулак, – отсюда я поеду в Сюртэ, возьму ребят, и мы разгоним паршивый притон. Мерзавцы получают тюремные сроки, я от своего не отступлюсь..., – девушка неслышно что-то прошептала. Ресницы приподнялись, Пьер понял:

– У Генрика такие глаза. Она на него похожа, она тоже высокая, но все равно ниже меня...

Под серыми глазами Магдалены залегли темные круги. На рассеченную бровь девушки прилепили пластырь, ожоги от окурков на шее забинтовали. Ее каштановые волосы золотились в вечернем солнце:

– Меня зовут Пьер, – юноша пожал ее ладонь, – инспектор Пьер де Лу. Теперь все будет в порядке, мадемуазель Магдалена.

Медленно крутились бобины переносного магнитофона. Магдалена сидела в кровати, прижав наушники к коротко стриженной голове. По полу палаты разбросали листы из альбома для набросков и карандашные очистки:

– Я все уберу, – заверил ее инспектор, – вы не думайте, я только за работой неряха, – он подмигнул девушке, – моя мама болела, когда я был подростком. Мне пришлось справляться с уборкой, мой старший брат геолог, он живет в Африке. Наши апартаменты больше вашей комнатки, – он развалился в кресле с альбомом, – не волнуйтесь, мадемуазель...

Кресло в палату инспектор принес вместе с вкусно пахнущим пакетом:

– Кофе здесь варят хороший, – он подал Магдалене стакан, – но круассанов в госпитале не дожدهшься. Я спрашивал врачей, – полицейский улыбнулся, – вам разрешили выпечку. Я взял мороженое у Бертильона, на острове Сен-Луи..., – картонная коробочка лежала в пакете с сухим льдом.

За окном палаты сверкала лазоревая вода Сены, гудел прогулочный пароходик:

– Словно дома, – глаза Магдалены наполнились слезами, – когда мы приезжали в Гамбург на праздники, папа с мамой покупали нам с Иоганном мороженое и катали по Эльбе..., – она напомнила себе, что родители и Иоганн давно мертвы:

– Я опасная сумасшедшая, – Магдалена избегала смотреть на инспектора, – с меня никто не снимал клейма приговоренной к пожизненному содержанию в психушке, как говорили в Гамбурге..., – инспектор, правда, весело сказал:

– Вы перешли под покровительство французской полиции. Наши немецкие коллеги или Интерпол пока не знают, что вы нашлись, – он вытянул длинные ноги в потрепанных джинсах, – и никто не помешает мне дарить вам розы, мадемуазель..., – букет белых роз он поставил в госпитальный пластиковый кувшин.

Утром на обходе неприветливый врач объяснил Магдалене, что с ней, как выразился доктор, более-менее все в порядке:

– Вас по уши напичкали героином, – он показал девушке рентгеновский снимок, – и у вас треснули два ребра из-за побоев. С наркотика вас сняли, а об остальном, – он повел рукой, – позаботятся повязки и антибиотики...

Магдалена понятия не имела, знает ли инспектор Пьер о заболевании, подхваченном ей в притоне:

– Стыдно о нем говорить, – щеки девушки загорелись, – я словно проститутка, только они этим болеют...

Она никогда в жизни не видела таких полицейских. Магдалена решила, что инспектор только немногим старше ее. Долговязый парень со светлой бородкой носил старые джинсы, кеды и майку с неизвестным Магдалене лицом:

– Джим Моррисон из The Doors, – она непонимающе смотрела на инспектора, – черт, простите, – он смутился, – я забыл, что вы..., – Магдалена вспомнила рассказ, прочитанный на уроках английского в школе:

– Рип Ван Винкль, – боясь заново обретенного голоса, девушка шептала, – я будто проспала шесть лет, месье де Лу и могу опять вернуться ко сну..., – инспектор хмыкнул:

– В хрустальный гроб я вас не пущу, пусть я вас и не целовал, – Магдалене стало неловко, – я устрою вам знакомство с миром шестьдесят восьмого года, но сначала мы должны заняться делом...

Пьер пообещал себе, как он выразился, костыми лечь, но добиться пересмотра приговора мадемуазель Магдалены:

– В Германию ей возвращаться опасно, – сказал он Механику, – но тетя Марта все устроит с бошами, – Пьер иногда не удерживался от шпильки в адрес немцев, – и заберет ее в Лондон, под свое крыло...

Он еще не говорил Магдалене, что ее старший брат играет на венском музыкальном фестивале. Генрику он тоже решил не звонить:

– Вернее, тетя Марта велела мне не торопиться, – карандаш бегал по бумаге, – сначала надо понять, куда делся Штрайбль и второй налетчик..., – Магдалена опознала наследника адвокатской конторы по газетной фотографии:

– Из Гамбурга я почти ничего не помню, – губы девушки зашевелились, – только выстрелы и что меня бросили в какой-то фургон. Очнулась я в другом месте..., – фургон вели месье Штрайбль и парень, которого сейчас рисовал Пьер:

– Обойдемся без полицейского художника, – сказал он мадемуазель Магдалене, – я неплохо владею карандашом и кистью..., – он велел:

– Посидите пять минут, не двигаясь, и увидите сами..., – серые глаза широко раскрылись:

– Месье..., – Пьер приноровился разбирать ее шепот, – вы настоящий мастер..., – Пьер вложил набросок в ее руку:

– Только потому, что вы отличная модель. Когда все закончится, – он помолчал, – я поведу вас в Музей Клюни. Я на досуге занимаюсь реставрацией знаменитого гобелена, «Дамы с единорогом», она очень похожа на вас..., – у девушки было тонкое, серьезное лицо:

– Она хорошо ест, – облегченно подумал Пьер, – и врачи считают, что ей не нужны успокоительные таблетки. Но очную ставку с мерзавцами из притона мы устраивать не станем, незачем ей вспоминать о таком..., – обитателям сквота грозили приличные тюремные сроки.

В квартире нашли героин, но так называемые студенты понятия не имели, куда делся месье Штрайбль:

– Ушел и не вернулся, – Пьер закрыл глаза, – вместе с рюкзаком. Фургон мы нашли..., – развалюху вытащили из-под хлама, прочесав близлежащие дворы, – тачка приобретена за наличные в Гамбурге, неизвестно кем, но, судя по описанию, не Штрайблем. Мерзавец осторожен и не станет подставляться...

Покупатель предъявил насквозь фальшивое водительское удостоверение. В фургоне обнаружили следы героина:

– И больше ничего, – Пьер дернул щекой, – если мы поймем Штрайбля, мерзавец рассмеется нам в лицо. Он сделает вид, что впервые слышит и о притоне, и о мадемуазель Магдалене..., – спутника Штрайбля, по словам Магдалены, звали Боровом:

– Это кличка, – Пьер задумался, – среди наших леваков я такого не помню. Но вы считаете, что они говорили по-английски..., – девушка несмело кивнула:

– Я почти ничего не понимала, но язык я узнала..., – Пьер похвалил ее французский:

– Для человека, промолчавшего шесть лет, вы отлично справляетесь, – ласково сказал юноша, – и простите меня насчет музыки..., – он предложил Магдалене принести в палату радио или пластинки. Девушка покачала головой:

– Не надо, месье. Мне пока..., – она низко опустила голову, – пока тяжело слушать музыку..., – Пьер обругал себя:

– Мог бы подумать, дурак. Мама тоже после войны не просто так стала затворницей..., – Магдалена сняла наушники:

– Этот акцент, – она впервые не шептала, а тихо заговорила, – у меня хороший слух, я думаю, что не ошиблась..., – Пьер принес ей записи разных англоязычных акцентов.

Он предполагал, что парень ирландец, но оказалось, что Боров приехал из Южной Африки:

– Он исчез из фургона по дороге из Гамбурга в Париж, – Пьер представлял, где расстались преступники, – героин в тех краях можно купить только в Амстердаме..., – он собирался отправить информацию о Борове тете Марте:

– Джон может его знать, – решил юноша, – он работал среди леваков...

Пьер показал девушке эскиз:

– Похож..., – она ахнула:

– Одно лицо, он выглядел именно..., – инспектор неприязненно взглянул на здорового парня:

– Тебя мы тоже поймаем, – пообещал он, – и выпишем пожизненное заключение..., – прибрав в палате, он взял у девушки пустой стаканчик:

– Знаете, что, – Пьер присел на ее кровать, – врачи разрешили вам гулять. Завтра я вас заберу отсюда. Мы пройдемся вдоль Сены, покатаемся на кораблике..., – в ее глазах отразилось золотое, вечернее солнце:

– Я думаю, что это сон, месье Пьер, – неслышно сказала Магдалена, – что я открою глаза и передо мной окажется клиника или другое..., – Пьер осторожно погладил ее руку:

– Нет, мадемуазель, – он помолчал, – я не позволю вам больше заснуть. Пока я жив, такого не случится.

– Guantanamera, guajira Guantanamera
Guantanamera, guajira Guantanamera...

Над кормой прогулочного пароходика хлопала холщовая маркиза. Каблуки девушек стучали по танцевальному полу. Парень с аккордеоном прервался:

– *Larga vida a Cuba! Todos bailan!* – провозгласил он с сильным французским акцентом.

Пьер смешливо сказал:

– Со времен кубинской революции прошло почти десять лет, но Кастро пока остается в моде. Впрочем, о Кастро и Че Геваре вы слышали..., – Магдалена робко улыбнулась:

– Мне тогда было всего шестнадцать, и я не интересовалась политикой. Значит, Че Гевара погиб в Южной Америке..., – инспектор кивнул:

– И он, и президент Джон Кеннеди, и его брат Роберт и доктор Мартин Лютер Кинг..., – Магдалена открыла рот:

– Так много смертей, – девушка помолчала, – а что с музыкой..., – она не хотела упоминать о старшем брате или его жене, – что с битлами..., – Пьер успокоил ее:

– С ними все в порядке, хотя они больше не выступают на публике, а только записывают альбомы..., – Магдалена отпила кофе:

– Получается, что я больше никогда не услышу их в концерте, – девушка помолчала, – когда все случилось..., – она повела рукой, – битлы были молодой группой, их почти никто не знал, а теперь они ушли со сцены..., – Пьер подмигнул ей:

– Может быть, они еще вернуться. Вы слышали о случившемся в политике..., – он рассказал Магдалене о войне во Вьетнаме, – теперь пойдете танцевать..., – утро Пьер провел в телефонных переговорах с Лондоном и Германией:

– Я бы позвонил в Вену, – пожалел юноша, – но тетя Марта права, надо всех подготовить..., – ему хотелось посоветоваться с дедом, однако Пьер велел себе держать язык за зубами:

– Что знает бабушка, то знает тетя Клара, а от нее один шаг до Адели и Генрика..., – тетя Марта считала, что маэстро должен вернуться в Лондон:

– И это правильно, – согласился Пьер, – пусть они в Вене ходят по театрам и ездят на экскурсии, а я поработаю...

Сначала ему надо было организовать, как выразался Пьер, гражданское платье для девушки. Он не хотел забирать мадемуазель Магдалену из госпиталя в больничном халате:

– Мерки ее я знаю, – к полицейскому делу присовокупили выписку от медиков, – дело на мази..., – Пьер появился в палате девушки с россыпью пакетов:

– Примеряйте, – весело сказал инспектор, – джинсы, футболки, кеды и все остальное...

Хрупкая шея девушки, еще украшенная кое-где пластырями, торчала из ворота темно-синей льняной рубашки:

– Вам очень идет такой цвет, – одобрительно сказал Пьер, – и вы правильно выбрали белые джинсы, лето еще в разгаре..., – Магдалена надела плетеные эспадрильи:

– Здесь каблук, – объяснила девушка, – я шесть лет носила тапочки и бесформенные халаты...

У нее начали отрастать волосы. Трогательные завитки спускались к нежным, немного покрасневшим ушам:

– Я не умею танцевать сальсу, – призналась Магдалена, – я танцую классические танцы, вроде вальса. Но я пела в детском хоре оперы, нас учили и характерному танцу..., – Пьер подал ей руку:

– Ничего страшного, мадемуазель. Я уверен, что вы все схватите, у вас отличный слух. И женщина не может ошибиться в танце..., – под ее рубашкой торчали острые, детские лопатки. После первых неуверенных шагов на танцполе она быстро освоилась:

– Я никогда не танцевала, – шепнула Магдалена, – кроме театра. То есть танцевала один раз..., – девушка посмотрела в сторону, – но там все было..., – Пьер торопливо сказал:

– Не упоминайте ничего, пожалуйста. Что случилось, то и случилось. У вас теперь новая жизнь, мадемуазель..., – ему стоило большого труда добиться от Бонна соответствующего разрешения:

– Тетя Марта нажала на них, с другой стороны, – торжествующе подумал Пьер, – и вуаля, они прислали необходимые документы...

Магдалена переходила под юрисдикцию французской полиции:

– Потом для вас устроят консилиум, – сказал ей Пьер, – врачи обсудят необходимость дальнейшего лечения в психиатрической больнице..., – она отшатнулась:

– Но я не смогу туда вернуться, – серые глаза заблестели слезами, – это все равно, что смерть, месье, то есть хуже смерти..., – Пьер сварливо отозвался:

– Это всего лишь проформа, чтобы удовлетворить требования дотошных немцев, – девушка хихикнула, – вы совершенно здоровы, мадемуазель. Я знаю, о чем говорю, – Пьер запнулся, – я видел настоящих сумасшедших..., – он в который раз сказал себе, что мать теперь здорова:

– Джо найдет Маргариту, – Пьер не сомневался, что так и случится, – я тоже женюсь, – он понял, что покраснел, – может быть, даже..., – юноша оборвал себя:

– Сначала надо призвать к ответу мерзавцев, начиная с месье Штрайбля..., – о немце ничего слышно не было, – и Борова..., – Пьер отправил эскизы в Лондон:

– Тетя Марта покажет наброски Маленькому Джону, – он скрыл вздох, – она заберет Магдалену в Лондон. Мы увидимся нескоро, если увидимся вообще..., – ему стало грустно.

Пароходик погудел, разворачиваясь. Солнце блестело в рядах окон на набережной Августинок. Пьер оживился:

– Мама работает в кабинете и ничего не услышит, – решил юноша, – я хочу подольше побыть с Магдаленой... – ловко закружив девушку, он поинтересовался:

– Давайте посмотрим, как я живу... – она удивленно открыла рот, – вот мой дом... – Магдалена удивилась:

– Но здесь нет причала... – Пьер отмахнулся:

– Мой покойный отец останавливал поезда и самолеты. С баржой я справлюсь. Побежали, капитан нам не откажет... – парходик притерся боком к гранитному спуску к Сене.

Магдалена пискнула:

– Месье Пьер, что вы... – легко подняв девушку на руки, Пьер шагнул на набережную.

Лаура провела тихое утро за разбором семейных документов. Она считала себя обязанной хорошо обеспечить сыновей:

– Я не кукушка, – золотое перо скользило по бумаге, – Марта всегда думала только о себе, она эгоистка, каких поискать. Ее сыновья болтаются по миру без гроша за душой, а она пользуется благами наследницы «К и К», хотя она едва полгода пробыла в браке с Питером... – Лаура на наследство не рассчитывала:

– Девчонка пропала, – так она называла младшую сестру, – но папа навесил себе на шею авантюристку и ее отродье. Они разворовали папины деньги, его законным внукам теперь ничего не отойдет...

Джованни оставалось два года до восьмидесяти, но Лаура ожидала, что отец проживет еще десяток лет:

– Он здоровый человек и свыкся с инвалидностью, – женщина промокнула чернила, – у него был сердечный приступ, но сейчас все прошло. Врачи отпустили его в Вену, – Лаура поджала исковерканные шрамами губы, – пусть и под присмотром авантюристки...

Она всегда пользовалась паркером, не признавая новомодных шариковых ручек. От них, по мнению Лауры, почерк непоправимо портился:

– Но Джо и Пьер пишут отменно, – она нашла на дубовом столе письмо от старшего сына, – хорошее образование никому еще не помешало... – Лаура признавала, что Пьер упорством пошел в отца:

– У него характер Робеспьера, – улыбнулась женщина, – он в семнадцать лет обещал, что закончит Эколь де Лувр, так и случилось. Надо, чтобы он получил звание главного инспектора парижской полиции... – она понимала, что младший сын не покинет Сюртэ, – но сначала пусть он женится...

Лаура давно хотела въехать в апартаменты на рю Мобийон. Кузина Марта, по ее мнению, отличалась пронырливостью:

– Как авантюристка, – она рассматривала цветные снимки из письма Джо, – они все такие. Джо очень пригодилась бы квартира, но Марта вцепилась в нее мертвой хваткой. Она может забыть об образовании для детей, что она и сделала, но о недвижимости она никогда не забудет...

С утра Лаура открыла окна в комнатах. Она не собиралась обзаводиться американской техникой, кондиционерами. Ставить уродливые ящики на фасад старинного дома было варварством:

– Но сегодня ветрено, – она любовалась сверкающей Сеной, – жара спала. Хорошо, пусть квартира проветрится. В августе надо съездить с Пьером в Довиль на морские купания... – Лаура надеялась, что погода останется теплой. Она давно излечилась от страхов, но предпочитала в путешествиях компанию сына:

– Пьер понимает меня с полуслова, – она коснулась искривленным пальцем фотографии, – я его вырастила с пеленок, а Джо долго жил без матери. И он похож на Наримуне, такой же скрытный... – по фото Лаура видела, что старший сын похудел:

– И почернел от загара, – вздохнула женщина, – как они питаются, на государственной шахте...

Джо отвечал за горнодобывающий район в глухой местности на восточной границе Конго, рядом с озером Танганьика:

– Иногда я выбираюсь в столицу, в гости к Виллему, – писал сын, – но чаще он прилетает сюда. Здесь рядом горы и не так жарко..., – Лаура считала, что Джо пора вернуться домой:

– Хватит торчать в тропической дыре, – она изучала разложенные на столе банковские выписки, – я отложила достаточно денег, чтобы он купил себе квартиру. И не в новом доме, а в приличном месте..., – Лаура слышала о строящихся кварталах на западе Парижа:

– Ла Дефанс, – вспомнила она, – там, кажется, одни небоскребы...

Лаура покидала привычные улицы вокруг набережной Августинок, только ради визитов к могиле мужа. На Пер-Лашез она ездила на правительственной машине.

Лимузин пригоняли на набережную по первому звонку Лауры кому-то из старых товарищей по Сопротивлению. В церковь Сен-Сюльпис, где крестили покойного мужа и Пьера, она ходила пешком:

– Мишеля и отпевали там, – Лаура полюбовалась общей суммой на банковской выписке, – и там будут крестить моих внуков..., – Джо мог без труда купить небольшую квартиру в центре:

– Три-четыре комнаты, – задумалась Лаура, – на рю Мобийон шесть, но Марта никогда не отдаст нам недвижимость, а ведь она даже не сдает апартаменты..., – Пьера она хотела оставить при себе:

– Он мог жениться на Полине, – Лауре послышался шум в передней, – но девочка тоже пропала. Она выросла без царя в голове, как покойная Тони. Наверное, она давно мертва..., – стукнула рама, Лаура откинулась в кресле:

– Просто ветер. Пусть Джо женится первым, – она задумалась, – на семье свет клином не сошелся, вокруг достаточно достойных девушек..., – к планам сына отыскать Маргариту она относилась скептически:

– Он не знает, что такое русские, а я знаю, – Лаура убрала документы во встроенный в стену сейф, – я обвела вокруг пальца даже Кепку, то есть Эйтингона. Маргарита либо мертва, либо она приняла их условия и сидит в закрытом военном институте...

Пьер не заглядывал в ее спальню или гардеробную, но Лаура не держала оружие на виду. Сильная рука скользнула по ряду пистолетов на нижней полке сейфа:

– Три, четыре, пять, – она задержала пальцы на рукояти бельгийского браунинга, – у Пьера тоже есть пистолет, мы сможем себя защитить..., – Лаура успокоила себя:

– Ничего не случится. Мы в безопасности, никто сюда не придет. Самое большое волнение в нашей жизни – это забытые дома ключи..., – издали зазвучал дверной звонок:

– Суббота, – усмехнулась Лаура, – Пьер прибежал домой пообедать..., – она сделала парижский салат и испекла пирог с вишней, – посидим на балконе, полюбуемся Сеной..., – сын часто выскакивал из дома без ключей:

– Должно быть, ему открыли парадную дверь, – Лаура сунула браунинг в карман домашнего льняного жакета от Сен-Лорана. Ей понравился стиль сафари:

– Для венчания Джо надо сшить новое платье, – Лаура вышла в украшенный фресками коридор, – заказать шляпу и понятно, что не у дочери авантюристки...

Из-за высокой двери приглушенно крикнули: «Мамочка, это я!». Не посмотрев в глазок, Лаура щелкнула замком.

Магдалена никогда не видела таких комнат. Она выросла на ферме, среди беленых потолков и сосновой мебели. Родители заказывали обстановку по каталогам, выбирая дешевые

шкафы. На кухне фермы стоял массивный рабочий стол прошлого века, из темного дуба, а в спальне Брунсов возвышалась резная кровать с балдахином:

– Но в остальном у нас все было очень скромно, – Магдалена вспомнила фрески и античные бюсты в вестибюле квартиры, – а месье Пьер сказал, что здесь десять комнат..., – апартаменты занимали целый этаж здания, выходящего окнами на Сену:

– Лучший вид в Париже, – заметил инспектор, – но моя спальня смотрит во двор, то есть на улицу..., – спальня больше напоминала музейный зал:

– Только размером, – поняла Магдалена, – здесь нет фресок и статуй...

В углу возвышалась колеблющаяся конструкция из проволоки и тонких листов алюминия:

– Замечательная вещь, – благоговейно сказал Пьер, – мобиль работы американского скульптора, месье Калдера. Знаете, – он скинул с полосатого черно-белого дивана стопку ярких журналов, – провозвестником кинетической скульптуры был Леонардо. В его дневниках есть наброски двигающихся элементов..., – парень спохватился:

– Садитесь, пожалуйста. Я сделаю коктейли, – он подмигнул Магдалене, – для вас безалкогольный, но когда все закончится, я устрою вам приватную экскурсию по барам на Монмартре..., – стены комнаты усеивали плакаты и литографии:

– У меня есть Пикассо и Хуан Миро, с автографами, – сообщил инспектор, – а мой отец и дед собрали отличную коллекцию импрессионистов. Нацисты во время войны ее украли, – Магдалена вздрогнула, – осталось только две картины, которые я вам покажу..., – он откинул крышку блистающего металлом коктейльного кабинета:

– Вещь ар деко, – весело сказал Пьер, – я спас ее с барахолки. Такси от рынка сюда стоило больше, чем сам комод..., – он потряс шейкером:

– Мяты у меня нет, а лед только на кухне, – заметил парень, – но это вовсе не помеха..., – он передал Магдалене большой стакан:

– Содовая вода с лимонадом, напиток летний, – он указал на загороженный медным экраном камин, – а зимой я вам сварю глинтвейн. С живым огнем получится уютно...

Магдалена не заметила в комнате кровати:

– Сплю я в гардеробной, – объяснил инспектор, – она выходит в ванную комнату. Балкон у нас со стороны Сены, что очень удобно, – взяв коктейль, он устроился рядом. Магдалена повела носом:

– Коктейли к нам завезли американцы, – смешливо заметил инспектор, – порядочный француз должен пить вино, но я не отказываю себе в мартини. Его надо взболтать, но не смешивать..., – заметив ее удивленное лицо, Пьер добавил:

– В кино мы с вами тоже ходим. Вернее, я вам все покажу прямо здесь..., – в комнате стоял проектор и индустриального вида светильники, напоминающие прожекторы:

– Они и есть, – подтвердил юноша, – у меня много приятелей на киностудиях. У них есть доступ к списанной технике..., – в отдельном шкафу хранились пластинки в ярких конвертах:

– Здесь большей частью рок, – заметил инспектор, – но и классика тоже есть..., – серые глаза в темных ресницах серьезно посмотрели на него. Магдалена сглотнула:

– Я хочу..., – девушка помолчала, – хочу, чтобы вы знали. Я услышала обо всем только шесть лет назад перед тем, как..., – она прервалась, – перед тем, как погибли мои родители и брат..., – Пьер заставил себя молчать:

– О Иоганне ей пока рассказывать не стоит, – сказал себе юноша, – этим займется тетя Марта..., – он поднял руку:

– Я все знаю, мадемуазель, я полицейский..., – она прерывисто дышала, – я никогда не позволил бы себе зряшного любопытства, но в вашей папке все указано, и насчет вашей матери, и обо всем остальном...

Магдалена уставилась на шкуру зебры, брошенную поверх дубового паркета:

– Он... маэстро Авербах, мне не поверил, – тихо сказала девушка, – а его жена приезжала ко мне в психиатрическую лечебницу и велела не преследовать их семью..., – Пьер погладил ее ладонь:

– Шесть лет прошло, люди меняются. Я уверен, что сейчас все будет в порядке. Я включу другую пластинку, – он отставил стакан, – вы не слышали этой песни..., – голос Пола был грустным:

Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl
You want so much it make you sorry
Still you don't regret a single day...

Его рука вернулась к хрупким пальцам Магдалены:

– У вас следы от иголки, – изумленно сказала девушка, – и здесь краска..., – Пьер отозвался:

– Иголка – это от гобелена, о котором я вам говорил. Я занимаюсь и реставрацией картин. Я закончил Эколь де Лувр, я искусствовед, как мой покойный отец. Он был директором Музея Оранжери и заместителем министра культуры, героем Сопротивления..., – Пьер прислушался:

– У нас большая квартира, часто непонятно, есть ли кто-то дома. Моя мама обычно не покидает кабинет во время работы. Она переводчица, знает даже японский язык. Мой старший брат наполовину японец, – юноша поднялся, – Джо родился до войны. Мама была офицером, тоже сражалась в Сопротивлении..., – Магдалена не поднимала глаз:

– Такое неважно, – Пьер подал ей руку, – мы другое поколение. Война случилась двадцать лет назад, Магдалена, – он помолчал, – скоро о ней никто не вспомнит..., – на пластинке зазвенела гитара. Девушка вскочила с дивана:

– Пьер, – она метнулась к двери, – в прихожей шумят..., – затрещали выстрелы.

Пьер услышал отчаянный голос матери:

– Нет, – кричала Лаура, – нет, ты был мертв, я убила тебя своими руками, я убила...

Магдалена рванула бронзовую ручку. Пахло порохом и сандалом. Лаура забилась в угол, не опуская браунинга:

– Нет..., – темные глаза вращались, – он не мог выжить, не мог..., – на изуродованных губах пенилась слюна. Магдалена застыла на пороге комнаты:

– Это она, – пробормотала девушка, – женщина в черном плаще, я узнаю ее..., – Лаура пронзительно взвизгнула:

– И ты не могла! Вы мертвы, вы только видения..., – Пьер едва успел оттолкнуть девушку. Пуля, оцарапав ему висок, застряла в дверном косяке:

– Мама, какого черта..., – он заметил следы крови на паркете, расколотый мрамор античного бюста, – что с тобой..., – отшвырнув расстрелянный пистолет, Лаура завывала:

– Вы мертвы, оставьте меня, уходите..., – Магдалена рыдала, прижавшись к стене, – вы трупы, и ты тоже труп..., – мать ринулась в гостиную.

Едва держась на ногах, Пьер побежал следом:

– Мама, – он поймал край ее платья, – мама, не надо, стой, пожалуйста..., – тонкий лен затрещал, Лаура подняла руки:

– Он не жил, – донесся до Пьера стон, – я его убила, а теперь он пришел за мной...

Мать шагнула с подоконника пятого этажа на залитые солнцем бульжники набережной Августинок.

Максимилиан наблюдал за машинами скорой помощи и полиции, сгрудившимся у гранитных перил Сены, с безопасного места на противоположном берегу реки. Адольф, с присущей мальчику тщательностью, настоял на хорошей подготовке операции:

– Но все зазря, – недовольно подумал Феникс, – картины нам забрать не удалось...

Они приехали к дому Монахини на арендованном рено. Максимилиан не хотел рисковать прочностью своего положения:

– Festina lente, милый мой, – наставительно сказал он племяннику, – парижская полиция будет рыть землю носом в поисках неизвестных грабителей, а мы спокойно поедем на юг, в сторону Лазурного Берега..., – время подготовки к римской акции Макс намеревался провести в гостях у Боргезе на Сардинии:

– За Красными Волками необходимо приглядеть, – добавил он, – чем ты и займешься в Риме. Я буду держать с тобой связь по телефону..., – им требовалось сделать новые фотографии жиды, на котором зиждился их план:

– Он, кажется, занимает важную должность в израильском посольстве, – хмыкнул Феникс, – он непременно заглянет в синагогу. Может быть, он даже займется обеспечением безопасности тамошних мероприятий, – добавил Макс, – вернее, не может быть, а скорее всего. Надо, чтобы он работал на нас и снимки..., – он постучал пальцем по глянцевой бумаге, – нам помогут...

Припарковав рено неподалеку от подъезда мадам де Лу, они сначала увидели юного инспектора Сюртэ, месье барона, как его смешливо называл Макс. Адольф поднес бинокль к глазам:

– Парень решил весело провести обеденный перерыв, – сказал племянник, – наверное, стоит отложить операцию, дядя Макс..., – долговязая девица в джинсах показала Максимилиану знакомой:

– Нет, у нее всего лишь еврейское лицо, – успокоил себя Феникс, – она похожа на музыканта, Авербаха..., – сейчас он корил себя за торопливость:

– Кто знал, что сучка с порога начнет стрелять, – труп, как он предполагал, накрыли простыней, – хотя нет, я мог ожидать такого исхода...

Он помнил, как Монахиня бросилась на стекло, за которым стоял ее муж:

– Потом она сбежала в Патагонии, расправившись с охраной и украв сына Эммы..., – Адольф почти не упоминал о старшем брате:

– Мы враги, – коротко замечал парень, – как были вы с дядей Генрихом. У меня не дрогнет рука его убить..., – пуля Монахини только зацепила бок Макса:

– Ерунда, царапина, – сказал он Адольфу в машине, – не стоит беспокоиться..., – перегнав рено на другой берег Сены, юноша настоял на перевязке:

– Хорошо, что здесь есть аптечка, – Адольф затянул бинт, – но потом надо сходить к врачу, дядя...

Макс прихлебывал коньяк из фляжки, следя в бинокль за суетой под кованым балконом апартаментов. Сын Монахини стоял на коленях, обнимая тело матери. Парня тронули за плечо, он помотал растрепанной головой. Какой-то здоровяк средних лет с сединой в голове аккуратно поднял юношу на ноги. Цейсовская оптика позволяла разглядеть искаженное рыданиями лицо.

Санитары взялись за окровавленную простыню. Макс отлично знал, как выглядят мертвые тела:

– Теперь никто не сможет меня опознать, – он поймал себя на улыбке, – Монахиня мертва, а с ней умер военный преступник фон Рабе. Никто не призовет меня к ответу..., – он велел Адольфу:

– Поехали. Отобедаем в Фонтенбло, – племянник завел рено, – ресторанчики, которые я помню со времен оккупации, исправно работают и посейчас...

Влившись в поток автомобилей на набережной, машина скрылась из вида.

Марта приехала в госпиталь Отель-Дье из аэропорта Орли, в сопровождении Механика, встретившего ее на служебном ситроене с затемненными окнами. В дороге они молчали, слушая радио:

– В Кливленде, штат Огайо, продолжаются волнения негритянского населения, – бодро сказал диктор, – вызванные перестрелкой радикально настроенной группы молодежи с полицейскими. Напоминаем, что мэр Кливленда, первый чернокожий, возглавивший крупный американский город, отказался допустить белых полицейских в черные кварталы..., – Механик внезапно поинтересовался:

– Как себя именуют эти радикалы, – он кивнул на радио, – почему-то мне кажется, что ты знаешь..., – женщина хмыкнула:

– Черные националисты новой Ливии..., – Марта закурила, – теперь леваки кинулись принимать ислам. Их лидера, – она повела сигаретой в сторону динамика, – раньше звали Фред, но недавно он стал Ахмедом..., – Механик включил синюю мигалку на крыше ситроена:

– Попробуем миновать пробки, – заметил он, – а что касается ислама, то у Франции все впереди...

Скороговоркой сообщив о вчерашней энциклике Его Святейшества, запрещающей любой контроль над рождаемостью, диктор весело продолжил:

– Однако достаточно о неприятностях, впереди отличные выходные. Погода на курортах жаркая, на Лазурном Берегу до тридцати градусов тепла..., – Марта щелкнула рычажком радио:

– Мадемуазель Брунс еще в психиатрическом отделении..., – поинтересовалась она, – или...

Марта вылетела в Париж коммерческим рейсом, через два часа после звонка Механика на Набережную. Марсель покачал головой:

– Скорая помощь вкатила ей успокоительное, она была в истерике, однако консилиум считает ее полностью вменяемой. Шесть лет назад боши сделали ее козлом отпущения..., – он сочно выругался, – и украли у нее молодость...

Магдалену поместили как можно дальше от отделения травматологии, где лежала умирающая Лаура:

– Ты вовремя приехала, – хмуро сказал Механик, – она пережила ночь, однако врачи не дают ей больше суток. У нее множественные переломы, включая позвоночник, пневмоторакс, за нее дышит машина..., – Марсель помолчал:

– Пьер от нее не отходит, однако ее отцу мы пока не звонили. Мальчик считает, что лучше подождать, пока месье Джованни вернется в Лондон...

Волк сказал Марте то же самое, когда она швыряла вещи в раскрытый саквояж на полу гардеробной:

– Меня ждет машина, – она застыла с ворохом белья в руках, – в Париже несчастье, Лаура выбросилась из окна квартиры..., – Волк прислонился к косяку двери:

– Ее навещал фон Рабе, – утвердительно сказал муж, – теперь лично, а не в видениях..., – Марта вздохнула:

– Скорее всего, да. Она бы никогда не выступила свидетелем на процессе против него, она не сказала бы ни слова о случившемся в Лионе, однако он не был полностью в этом уверен. Поэтому он пришел к ней и теперь не осталось никого, могущего опознать фон Рабе в Ритберге фон Теттау...,

Волк открыл рот. Марта покачала головой:

– Циона все равно, что мертва, и, может быть, давно мертва. Есть еще я... – Марта видела деверя на пляже и в бассейне, – однако меня он, кажется, списал со счетов..., – она недобро добавила:

– И очень зря. Он мог явиться к ней не один..., – покойная Эмма рассказывала Марте о мертвом ребенке Лауры, – Макс всегда отличался злопамятностью..., – Марта предполагала, что деверь притащил на квартиру Адольфа:

– И заставил его разыграть того ребенка. Однако Лаура начала стрелять, и они сбежали. Может быть, все и обошлось бы, однако она увидела Магдалену...

Припарковав машину на госпитальной стоянке, Механик принес им кофе:

– Сейчас обход, – объяснил он, – через полчаса тебя пустят в реанимацию и вообще, везде..., – он отхлебнул тягучий эспрессо, – значит, ты считаешь, что маэстро Авербаху звонить пока не стоит...

Марта проглотила свой одним глотком, как лекарство. Механик немедленно подсунул ей второй стаканчик. Женщина помотала головой:

– Пусть все вернутся в Лондон после будущей свадьбы. Мне кажется, что шесть лет назад маэстро не обрадовался нашедшейся сестре, – она была уверена, что Генрик и Адель солгали, утверждая, что не встречались с Магдаленой, – посмотрим, что случится сейчас...

Она, тем не менее, собиралась рассказать девушке о Иоганне:

– Разумеется, – пожал плечами старший Джон, – привози ее к нам, пусть поживет на свежем воздухе, оправится..., – Марта отозвалась:

– Посмотрим, куда она захочет податься, но ясно, что в Германию бедная девочка не вернется..., – она убрала в конверт эскизы, присланные из Парижа:

– Отлично, теперь мы знаем, кто это такой...

Отправленные по факсу в Ньюкасл рисунки вернулись в Лондон с нацарапанным рукой Маленького Джона именем: «Роланд де Витт, Южная Африка». Герцог поинтересовался:

– Что говорят тамошние коллеги..., – Марта поджала губы:

– Он бывший воздушный десантник, уволился из армии, хотя нареканий к нему не было. Вырос на ферме, не закончил среднюю школу. После военной службы он пропал с радаров..., – Джон заметил:

– И выплыл здесь. Если он и совершал вылазки против негров, то в Южной Африке это не считается преступлением..., – информация о де Витте ушла в Дублин, но Марта сомневалась, что ирландская полиция найдет преступника:

– Даже с ордером на арест от Интерпола они не пошевелятся, – сердито подумала женщина, – а ордера мы не получим, как не получим распоряжение о задержке Штрайбля, где бы он не обретался, как не призовем пока к ответу проклятого Макса...

Забрав у нее пустой стаканчик, Механик ловко метнул его в ближнюю урну:

– Насчет Штрайбля, – он помялся, – то есть его отца, я кое-что вспомнил..., – выслушав его, Марта потянулась за жакетом:

– Мать юного мерзавца осудили в Берлине, в тридцать пятом году, за убийства стариков с целью наживы, – она зло затолкала руки в рукава, – а теперь она и ее муж, бывший сутенер, изображают жертв режима...

Старший Джон рассказал Марте о подпольном публичном доме в Нюрнберге, где жила покойная Гертруда Моллер:

– Там она встретила Камллера, – заметил герцог, – и сдала его, в обмен на новые документы и новую жизнь. Я помню Магдалену, – он улыбнулся, – совсем малышкой. Неудивительно, что парочка промышляла торговлей живым товаром..., – Марта хлопнула дверью ситроена:

– Только нам ничего не доказать, – она повернулась к Механику, – документы давно сгорели в печах концлагерей..., – Марсель засунул руки в карманы обтрепанного пиджака:

– Тата грозилась купить мне новый костюм, – признался он, – я теперь кто-то вроде тебя, кабинетный червь. Надо одеваться прилично..., – Марсель пока обходился без галстука, – а что касается документов, то тайное всегда становится явным, Марта...

Она толкнула тяжелую дверь под вывеской: «Hotel Dieu. Liberte. Egalite. Fraternite»:

– Да.

В проволочной урне рядом со скамейкой громоздились пустые картонные стаканчики. Пьер сгорбился, уронив растрепанную голову в руки. На стене коридора тикали часы. За поворотом, на сестринском посту, негромко разговаривали. Рядом с юношей стоял недопитый стакан. Кофе принес Механик, месье Марсель:

– Ты бы подремал, милый, – он обнял Пьера за плечи, – пока мадам Марта сидит с твоей мамой..., – Пьер посмотрел на него запавшими глазами:

– Магдалена..., – он запнулся, – мадемуазель Брунс..., Можно мне ее увидеть..., – ночью, сидя рядом с кроватью матери, Пьер убеждал себя, что девушка ошиблась:

– Мама не могла такого сделать, – он слышал пронзительный крик, – Магдалена обозналась, мама не убила бы всю ее семью..., – он помнил, как шесть лет назад мать отправилась навестить, как выразилась Лаура, старых товарищей:

– Мы с Джо обрадовались, что она стала выходить из дома, – курить здесь было нельзя, Пьер жевал измятую сигарету, – она вернулась отдохнувшей, повеселевшей..., – инспектор стер слезы с лица. Услышав его, месье Марсель покачал головой:

– Не стоит, милый..., – он запнулся, – не сейчас, по крайней мере. Ни о чем не беспокойся, – добавил Механик, – я позвонил Виллему, он свяжется с твоим братом...

Пьер услышал голос кузена Виллема на рассвете, в ординаторской госпиталя. Барон звонил через телефонистку:

– Я все сообщил по радию, – Виллем помолчал, – два часа назад на восток ушел самолет, скоро Джо будет здесь. Билет в Париж я купил, он доберется до госпиталя. Мне очень жаль, Пьер..., – вздохнул кузен, – я помолюсь за душу тети Лауры..., – по расчетам Пьера, брат сейчас подлетал к Европе:

– Пусть он успеет, пожалуйста, – высохшие губы зашевелились, – пусть попросится с мамой..., – мать не могла говорить, но врачи объяснили Пьеру, что она в сознании:

– Мы держим ее на обезболивающих, – устало сказал заведующий отделением, – прогноз летальный, – он взглянул на Пьера, – я не сторонник ходить вокруг да около. Это вопрос времени, но не беспокойтесь, ваша мать не страдает..., – мать не отводила глаз от лица Пьера:

– Джо скоро приедет, – он не выпускал ее руку, – мамочка, милая, – Пьер всхлипнул, – не волнуйся, ты его увидишь..., – ресницы дрогнули, он прочел по губам:

– Хорошо. Поспи, сыночек..., – Пьер целовал жесткие от пищущей машинки кончики пальцев:

– Я никуда не уйду, мамочка..., – инспектор выплюнул изжеванную сигарету в корзину для мусора:

– Но пришлось уйти, сейчас с ней тетя Марта..., – тетя была и рядом с отцом Пьера, когда он умирал.

Юноша не знал русского языка и читал эти стихи в английском переводе, но сейчас пробормотал:

– Il est des femmes proches de la terre humide..., Она именно такая, каждый ее шаг – гулкое рыдание...

Стук ее каблучков отзывался эхом среди высоких стен коридора. На Пьера пахло сладким жасмином, тетя присела рядом:

– Я позвонила дяде Эмилио, – Марта погладила руку племянника, – он поможет с похоронами. Президент пришлет официальные соболезнования, погребение пройдет с государственными почестями..., – Пьер, наконец, поднял голову:

– Тетя..., – Марта увидела в нем Мишеля:

– Он повзрослел, бедный мальчик, – поняла женщина, – словно ему идет четвертый десяток. Наверное, Мишель так выглядел на войне..., – его голос сломался:

– Тетя..., – юноша попытался справиться с собой, – скажите, Магдалена, то есть мадемуазель Брунс, она ошиблась..., – за окном коридора горел ясный летний закат. Голубые глаза Пьера отливали золотом:

– Он справится, – Марта не выпускала его руки, – он весь пошел в отца, в своих предков. Он справится, нельзя ему лгать..., – Лаура ничего не могла подтвердить официально, но Марте было достаточно и ее опущенных век:

– Я ей все рассказала, – женщина вытащила сигарету, – от начала до конца. Ее посетил кто-то из пособников Макса, скорее всего Краузе. Она получила адрес фермы и поехала туда. Но вчера к ней приходил Максимилиан, пусть она и не может его описать..., – Марта отозвалась:

– Нет, милый, не ошиблась..., – она помолчала, – мадемуазель Брунс действительно видела ее на семейной ферме..., – Пьер больше ничего не хотел слушать:

– Забудь о ней, – приказал себе инспектор, – она на тебя и не взглянет. Моя мать убила ее родителей, лишила ее брата. Забудь, вы больше никогда не встретитесь..., – за его спиной тетя Марта тихо сказала:

– Милый, твою маму нельзя судить строго. Она страдала, пожалуй, больше, чем все мы. Мать мадемуазель Брунс работала в концлагере Нойенгамме, где содержали вашу маму..., – об остальном Марта решила умолчать:

– Лаура умирает, не надо ее мальчикам знать о таком..., – Пьер бросил через плечо:

– Я не собираюсь никого судить. Я должен быть с мамой до конца...

В палате подняли жалюзи. Мать лежала с закрытыми глазами, перемигивались огоньки приборов. На каменной галерее госпиталя перекликались птицы. Заходящее солнце освещало бесстрастное, испещренное шрамами лицо. Пьер не хотел смотреть на почерневшие кровоподтеки на впалых щеках матери. Ее рука была неожиданно теплой:

– Я здесь, – он прижался лицом к ладони, – я больше никуда не уйду, мамочка и Джо скоро приедет..., – Лаура велела себе:

– Надо дожить и попрощаться с мальчиками. Они останутся одни, но семья о них позаботится. Бедный папа, сначала ушла младшая Лаура, потом я..., – она услышала щебет воробьев, плеск воды в фонтане:

– Здесь нет фонтана, – удивилась Лаура, – откуда этот звук...

Девичий голос сказал на латыни: «*In Salerno et conversi estis vos?*». Юноша отозвался:

– *Tres menses autem novi te. Tu domine Constantiam ex Anglia. Professor Philippus de vobis...*, – он перешел на деревенский говор:

– Я Бруно, – весело сказал парень, – Бруно Амальфи, уважаемая дама.

Медная сковорода, стоявшая на треноге в небольшом очаге, раскалилась докрасна. В каменной арке окна виднелся лазурный залив. Воробьи прыгали вокруг мраморного фонтана.

Порывшись в кармане затрепанной рясы, Бруно бросил птицам крошки:

– В школе кормят пусть и не вкусно, но сытно, – сказал парень, – и хлеба дают, сколько унесешь..., – он взял плетеную корзинку с яйцами:

– Поедим на наш манер, – юноша улыбался, – у нас ничего изысканного не готовят, все скромно..., – Констанца рассеянно отозвалась:

– У нас тоже. Я выросла в деревне. У нас не замок, а обыкновенный дом, – девушка подняла голову от рукописи, – хотя мой отец герцог, то есть был герцогом..., – яйца зашипели.

Бруно взглянул на нее:

– Он умер?

Перекинув рыжие косы на грудь, девушка вздохнула:

– Прошлым Рождеством. Он был замечательный человек, таких теперь и не встретишь. Титул унаследовал мой брат. Поэтому он не смог отправиться в университет..., – Констанца скорчила гримасу, – что, конечно же, косность...

Перевернув железной лопаточкой яйца, Бруно добавил к ним вареной фасоли из горшка:

– В Англии есть университет, – недоверчиво спросил парень, – я никогда о нем не слышал..., – Констанца покусала перо:

– Оксфорд. Он в маленьком городке, неподалеку от Лондона. Пока факультетов нет, профессора только читают лекции. Мой брат очень хотел учиться, но после смерти папы надо было заниматься землями и состоять при королевском дворе. Матушке такое не пристало, это не женское дело, – она состроила еще одну гримасу, – а я..., – Бруно прервал ее:

– Вы выйдете замуж...

Она носила летнее платье синего шелка, но голову не покрывала:

– Наверное, когда она занимается с профессором Филиппо, она накидывает платок, – Бруно почувствовал, что краснеет, – у нее красивые волосы, как палая листва..., – он с удивлением заметил на веснушчатых щеках девушки легкий румянец:

– Я приехала в медицинскую школу не затем, чтобы выходить замуж, – отчеканила Констанца, – это я могла сделать и в Англии. Кажется, ваша фасоль подгорела, – мстительно добавила она, – брат Бруно..., – парень развел руками:

– Потому, что я думал о другом, – он не хотел признаваться благородной девице в таких мыслях, – о наших будущих занятиях..., – профессор объяснил ему, что в Салерно почти не осталось евреев:

– Герцог Рожер Борса выселил их из города, – недовольно сказал глава медицинской школы, – хотя они, как и мавры, лучшие врачи..., – ходили слухи, что у Филиппо тоже есть мавританская кровь, – у меня нет времени преподавать тебе древнееврейский, но я знаю человека, который тебе поможет...

У человека была хрупкая, не тронутая южным загаром, нежная шея. Маленькие, почти детские пальцы, покрывали выцветшие пятна чернил:

– Она грызет перья, – понял Бруно, – у нее на губах похожие пятна..., – от девушки пахло горьким цитроном:

– Не называйте меня братом, – он разложил яичницу по глиняным тарелкам, – я монах, бенедиктинец, – юноша опять смутился, – но это только для учебы..., – Бруно помолчал:

– Вы благородная дама, человек чести..., – девушка взглянула на него голубыми, прозрачными глазами, – вы никому о таком не расскажете..., – парень опустил на грубый табурет, – если бы я не принял обеты, я бы не мог учиться, а я хочу стать врачом...

Констанца еще никогда не видела таких мужчин:

– Он головой подпирает потолок, а здесь высокие потолки, – девушка жила в дальней келье медицинской школы, – папа был лишь немногим выше меня и Маленький Джон тоже такой...

Его каштановые волосы выгорели на солнце и отливали золотом. Глаза у юноши были темные, большие, в длинных ресницах. Он засучил рукава ряссы. Констанца отвела взгляд от сильных, загорелых рук:

– Я рыбак, – парень отправил в рот деревянную ложку с фасолью, – я еще ребенком начал выходить в море. Я вырос на побережье, поэтому и фамилия у меня такая. Я пришел

к монахам, когда умерла моя матушка, – юноша перекрестился, – десять лет назад. Мне сейчас двадцать... – фасоль оказалась на удивление вкусной:

– Беру свои слова назад, – хмыкнула Констанца, – ничего не подгорело. У меня всегда все убегает в очаг или превращается в угольки, – девушка прыснула:

– Меня больше интересует, как горит огонь, чем для чего он горит. Мы с вами ровесники... – она упорно смотрела в беленую стену кельи, – мне девятнадцать... – Бруно подмигнул ей:

– Все равно, я старше. Договорились, – он вытер миску краюхой хлеба, – вы меня учите древнееврейскому языку в обмен на уроки морского дела... – Констанца кивнула:

– Мы сюда плыли. На континенте война... – английский король с армией не вылезал из Нормандии, – путешествие по суше опасно, хотя на море тоже беспокойно... – Бруно признался:

– Я дальше Рима не бывал. Мой отец с севера, издалека, – парень помолчал, – матушка познакомилась с ним в Риме, когда она готовилась принять обеты. Но не приняла, – Бруно собрал грязную посуду, – вместо обетов получился я, но папа умер до моего рождения. Матушка говорила, что он был рыцарь, – парень остановился, – он мне и дал такое имя, вернее, просил меня так назвать... – Констанца задумалась:

– Может быть, он был немец, имя похоже на тамошнее... – она, наконец, взглянула на парня.

Бруно немедленно зарделся. Посуда с грохотом полетела в деревянный чан, стоящий при входе в келью:

– Я все вымою, не беспокойтесь, – пробормотал парень, – и я вас могу научить готовить. Моя матушка отлично готовила...

Констанца разложила на столе рукописный учебник, переплетенную в телячью кожу Библию, крепко сшитые тетрадки:

– Принесите несколько перьев из курятника, – велела девушка, – чернила я варю свои... Как звали вашу матушку... – Бруно ласково улыбнулся: «Дама Лаура».

Констанца мечтательно повторила: «Лаура. Красивое имя».

Растрепанная черноволосая голова вынырнула из-за плеча Марты. Нина Ламбер прочла по слогам:

– Ге-ро-и-ня Споро... – девочка ойкнула, – то есть Сороп... – Марсель помог дочери:

– Соппротивления. Как у вас дела, вы багаж пакуете... – Нина уперла пальчик в машинописный черновик некролога в руках Марты:

– Лаура – красивое имя, – одобрительно сказала девочка, – мы с мамой Татой занимаемся поклажей, а Магдалена развлекает младших... – Нина помялась:

– Это ее мамочка, поэтому Магдалена такая грустная... – Марта свернула листы:

– Нет, это мама месье Пьера, инспектора полиции, вы его знаете. Но мама мадемуазель Магдалены тоже умерла... – Нина цапнула со стола выпеченное Татой безе:

– И моя мама тоже, – девочка вздохнула, – папа, я возьму пару пирожных для Магдалены... – девочка сунула безе в карман платья:

– Она просила назвать ее именно так. Папочка, – лукаво добавила Нина, – можно, Магдалена поедет с нами в деревню? Пожалуйста, папа... – старинные часы на белой шестигранной плитке стены пробили два пополудни. Марсель добродушно отозвался:

– Поедет, если захочет. Беги, – он подтолкнул дочь, – у вас сложен всего один чемодан и то не до конца, а у нас их то ли пять, то ли шесть и корзинка с котом...

Нина застучала босыми ногами по гулкому коридору буржуазной квартиры. Марта вернула некролог в сумочку:

– Это из президентского дворца, – Механик зажег ей сигарету, – но мальчики решили отложить похороны до конца августа..., – Марсель кивнул:

– Приедет их дед, и весь Париж вернется в город..., – Лаура опускали в землю рядом с мужем, на кладбище Пер-Лашез. Марта не хотела нарушать покой Джо и Пьера:

– Мне надо поговорить с Джо, – решила она, – но это подождет до конца лета. Мы с Волком приедем на похороны, и я с ним посижу..., – получивший отпуск Джо оставался в Париже до осени:

– Он поможет Пьеру, – Марта отпила кофе, – а Эмиль приедет сюда немного позже..., – доктор Гольдберг вез Розу в Вену, на занятия летней университетской школы. Выслушав Марту по телефону, он заметил:

– Разумеется, я ничего не скажу месье Джованни. Я, кстати, не уверен, что мы увидимся. Они сняли шале в Альпах на ближайший месяц, но к родам Тиква вернется домой, в Мон-Сен-Мартен..., – Монах помолчал:

– Насчет фон Рабе ты права, именно он навещал Лауру..., – Марта отозвалась:

– Он скрылся в неизвестном направлении, прихватив Адольфа. И немецкий парень, Штрайбль, тоже пропал с радаров..., – Марта надеялась на весточку от Фриды или от израильтян:

– Макс не просто зачищает хвосты, – подумала она, – готовится что-то крупное, знать бы еще где..., – судя по полицейской папке, Магдалена не помнила лиц других преступников:

– Она слышала выстрелы, ее бросили в фургон, но, кроме Штрайбля и южноафриканца де Витта, она больше никого не знает...

Марте хотелось забрать девушку в Лондон для более тщательной работы:

– Но это подождет, – решила она, – ей надо отдохнуть, прийти в себя..., – Механик поставил чашки в раковину:

– Я и не заметила, как все выпила, – изумленно сказала Марта, – мне надо отоспаться..., – засучив рукава рубашки, Марсель взял губку:

– Нам всем надо, – усмехнулся он, – но ты права, тебе первой. Насчет лета не беспокойся, – добавил он, – моя сестра считает, что чем больше народа вокруг, тем веселей. Особняк стоит на реке, девочкам и Магдалене понравится в деревне. Мы с Татой возьмем малышку и поедем к морю..., – Марсель прислушался:

– Что они делают..., – Марта сунула ноги в туфли:

– Кажется, кто-то звенит бубном. У вас есть бубен?

Механик споткнулся о стоящие в коридоре пустые коробки. Кот испуганно выскочил на паркет.

Марта вовремя поддержала Марселя под локоть:

– Заклею в коробке и никуда не выпущу, – пообещал Механик коту, – ты совсем ошалел с нашими переездами..., – независимо дернув хвостом, кот устроился у двери комнаты, ставшей детской:

– У нас чего только нет, – заметил Марсель, – видишь, и бубен нашелся..., – Валентина, сидя на кровати, увлеченно трясла игрушкой:

– Магдалена, она не в такт трясет, – обиженно сказала из-за двери Виктория, – она тебя собьет..., – в голосе девушки слышалась улыбка:

– Не собьет. Пирожные мы съели, пора за работу. Подпевай, у тебя хорошо получается... – зазвенел серебристый, робкий голос Магдалены:

Au clair de la lune,
Mon ami Pierrot,
Prête-moi ta plume
Pour écrire un mot.

Механик шепнул Марте:

– Ты хочешь с ней поговорить..., – женщина покачала головой:

– Нет, Марсель. По крайней мере, не сейчас.

Запечатав в пакет найденные в сейфе пистолеты матери, Джо отдал их месье Ламберу. Он отложил уборку ее комнат на потом:

– Я достану документы, – он сидел за кухонным столом, – съезжу в банк со свидетельством о смерти, займусь остальными делами..., – горлышко бутылки виски звякнуло о край стакана, – но все это случится потом..., – он раздвинул на кухне шторы.

Утреннее солнце играло в начищенных медных сковородах, висевших над плитой. Теплые лучи скользили по бело-голубой плитке из Делфта, по закопченному фермерскому брусу под потолком, привезенному из заброшенной гасконской деревни. Связки сушеного красного перца и чеснока пахли уютом. Джо почти слышался голос матери:

– Ты похудел, милый, – Лаура всегда откармливала его в отпуске, – садись, сегодня потофе, а на десерт клубничный мусс..., – слезы капали в янтарный виски. Джо вытер смуглое лицо рукавом футболки. Он не смог поговорить с матерью:

– Но и Пьер не смог, – он чувствовал на языке соль, – мы держали ее за руки, когда она уходила, а она смотрела на нас, шевелила губами..., – он плакал, не сдерживаясь:

– Дедушка не переживет ее смерти, – подумал Джо, – сначала младшая Лаура, потом мама..., – он заставил себя собраться:

– У него остались мы с Пьером и Хана, он всегда считал ее внучкой..., – Джо хотел позвонить сестре днем, – и тетя Клара о нем позаботится. Тем более, у Аарона и Тиквы скоро родится сын или дочка. Аарон меня младше, а у него будет ребенок...

Джо в который раз пообещал себе отыскать Маргариту. Виллем, впрочем, не торопился в СССР:

– Без должной подготовки вояж превратится в коллективное самоубийство, – хмуро сказал барон, – или ты забыл, на что способны твои бывшие хозяева, я сейчас имею в виду русских...

Джо только что-то пробурчал. Кузен обычно не позволял себе шпилек в его адрес, но иногда не удерживался:

– Если бы русские шантажировали его судьбой Клэр, когда она еще была жива, – подумал Джо, – он бы тоже пошел на предательство..., – он вспоминал угрюмые серые глаза Виллема, наголо бритую голову, татуировки на груди и выцветшую наколку с русской буквой на руке:

– Нет, он бы такого не сделал, – вздохнул Джо, – он еле выжил в СССР и там пропала его младшая сестра..., – Виллем заодно намеревался найти Марию и своего племянника:

– Посмотрим, как все сложится, – заметил он, встретив Джо в аэропорту Киншасы, – тетя Марта говорит, что осенью в СССР летит еще одна миссия, – Джо понимал, что, не доверяя ему до конца, кузен не будет распространяться о деталях плана, – если у них все пройдет удачно, то, может быть, наше участие и не понадобится..., – Джо залпом допил виски:

– Я хочу, чтобы Маргарита опять была рядом со мной, – подумал он, – мне все равно, что с ней случилось в России..., – Джо, впрочем, подозревал, что русские слушают с девушки пылинки, – я хочу, чтобы она вернулась. С ней рядом я становлюсь лучше, только с ней одной..., – он считал, что Маргарита не пойдет на предательство:

– Однако ее отец работает на СССР, – Джо потер лицо руками, – а Маргарита всегда считала его героем. Зря, конечно, однако кто знал, что все так сложится..., – Иосиф тоже собирался лететь с ними:

– Я пробыл достаточно в стране и разбираюсь, что к чему, – заметил майор Кардозо, – и не закатывай глаза, Виллем. Я профессионал, и знаю, о чем говорю. Но Шмуэль никуда

не поедет, разумеется. Пусть он дает мне уроки русского языка по переписке и сидит в своей епархии... – Джо поболтал бутылку:

– Почти на дне. Хорошо, что Пьер не пьет, – пришло ему в голову, – он выпил со мной бокал, когда мы вернулись из госпиталя и пошел спать... – голубые глаза брата были заплаканы. Джо понимал, что юноша еще не верит в случившееся:

– Не в смерть мамы, – он вылил в стакан остатки виски, – а в то, что она убила семью мадемуазель Магдалены... – Джо не виделся с девушкой, но не сомневался, что она и не захочет встречаться ни с ним, ни с Пьером:

– Но, кажется, она нравилась Пьеру, – Джо прислушался, – я видел по его глазам, что он тоскует... – в коридоре раздавался какой-то шум:

– Там все прибрали, – Джо поднялся, пошатываясь, – сюда приходил мерзавец фон Рабе, но где теперь его искать... – тетя Марта коротко сказала:

– С смертью вашей матери ушел последний свидетель, могущий его опознать, – Джо не собирался расспрашивать о подробностях случившегося на войне, – теперь его пластические операции окончательно достигли результата... – кровь и осколки разбитого бюста исчезли из вестибюля:

– Тетя Марта и месье Ламбер обо всем позаботились, – Джо распахнул окно кухни, – надо проветрить, я здесь накурил... – в темном коридоре он увидел знакомую фигуру брата.

Пьер стоял у телефона, водруженного на мозаичный столик прошлого века. Прошагав вперед, Джо бесцеремонно отобрал у него трубку:

– ...время работы с девяти утра до часу дня, – сказал механический женский голос, – по вопросам возвращения в гражданство СССР обращайтесь к консулу, время приема... – Джо швырнул трубку на рычаг:

– Совсем с ума сошел, – он развернул брата за плечи в сторону его комнаты, – отправляйся спать и не предпринимай никаких демаршей... – Пьер попытался высвободиться:

– Русские мне поверят, пусть я и формально не коммунист... – он встряхнул всклокоченной головой, – ты не понимаешь, Джо... – старший брат грубо сказал:

– Все я отлично понимаю. Ты хочешь сбежать, но сбежать легче всего, – он упер палец себе в грудь, – посмотри хотя бы на меня... – Джо подвигал челюстями:

– Русские тебя съедят и не подавятся, мой милый... – Джо помолчал, – оставайся на месте и делай свою работу, инспектор де Лу... – дверь хлопнула.

Пьер с размаха кинулся на разоренный диван:

– Здесь я ей обещал сварить глинтвейн зимой и показать кино о Бонде. Здесь я хотел ее поцеловать, – он застонал, – здесь сказал, что нашего поколения война не коснулась...

Пьера пока ни разу ни ранили, однако он чувствовал себя так, словно пуля засела у него в груди:

– Словно в меня стрелял фон Рабе, а не в папу, в Мадриде, тридцать лет назад, – он пошарил под диваном, – словно у меня шрам на сердце...

Водка обожгла губы. Он жадно пил спиртное, словно воду. Транзистор, брошенный на пол, зашуршал:

– В последнее воскресенье июля, – сказал диктор, – для вас поют битлы. Послушайте историю одной любви... – голос Пола был грустным:

Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl
You want so much it make you sorry
Still you don't regret a single day...

Пустая бутылка покатила в угол комнаты. Уткнув лицо в подушку, юноша зарыдал.

Пролог Вена, август 1968

Зрители теснились на облупившихся золоченых балконах Театра в Йозефштадте. Большую люстру под потолком погасили. Работали только тусклые светильники на обтянутых красным бархатом стенах. Зал и сцену Аарону показывал директор, герр Штосс:

– Ремонт делали во времена Макса Рейнхардта, – заметил он, – еще в двадцатых годах, по тогдашней моде. С тех пор обстановка немного, – он искал слово, – поизносилась..., – Рейнхардт, еврей, покинул Австрию после аншлюса и умер в Голливуде:

– Покойная тетя Ривка дружила с ним, – вспомнил Аарон, – но здесь все делают вид, что он отправился в Америку по собственной воле..., – отъезд евреев из страны в Австрии объясняли именно так. Отчим кисло сказал Аарону:

– Разумеется, все евреи одним махом купили билеты на запад, потому что они так захотели. Более того, они сами решили оставить в стране свои художественные коллекции...

Венские газеты сравнивали Адель со знаменитой натурщицей Климта и ее тезкой, женой банкира Блох-Бауэра. Сам банкир, успев вовремя покинуть страну, скончался в Цюрихе, однако его коллекция картин попала в руки нацистов:

– Как у дедушки Теодора, – хмыкнул Аарон, – и здешние музеи, словно мистер Рубин, тоже не стесняются выставлять полотна, попавшие к ним сомнительным путем..., – пока в стране не существовало никакого закона о реституции, но Джованни считал, что все еще впереди:

– Когда наследники Блох-Бауэра подадут в суд на здешние музеи, – отчим помахал ножом, – то австрийцам придется расстаться с «Золотой Аделью», – сестра добавила:

– Надеюсь, куда бы ни отправился холст, публика получит к нему доступ. Нельзя лишать людей такой красоты..., – Адель вытащила из сумочки накрахмаленный носовой платок:

– Я возьму претцель для Генрика, – сестра потянулась за выпечкой, – он давно уселся за рояль в Филармонии, – Адель посмотрела на часы:

– Он не откажется от чашки кофе, сейчас почти одиннадцать утра..., – сестра, как она весело говорила, съела два завтрака:

– У вас гораздо лучше кормят, – объяснила Адель, – хотя наш отель дороже..., – Адель и Генрик жили в гостинице «Захер»:

– В двух шагах от Оперы, – вспомнил Аарон, – музыкальный фестиваль закончился, но у нее и Генрика все равно почти каждый день идут концерты..., – в августе Вену наполняли туристы:

– Было бы глупо отказываться от ангажемента, – Аарон подтащил стул ближе к светильнику, – как нам было глупо отказываться от предложения театра..., – «Превращение», взявшее главный приз для камерных спектаклей, ждало еще несколько представлений. На следующей неделе они собирались поехать в Альпы:

– Пусть едут остальные, – карман Аарона жгло письмо с чешскими марками, полученное днем, – я возьму машину напрокат и через несколько дней вернусь в шале..., – стараясь не шуметь, он вытащил измятый конверт:

– Виза тебе не нужна, – читал Аарон, – правительство Дубчека приветствует западных туристов. «Че» у нас в прокате не показывали, но если у тебя есть под рукой копия фильма, я бы мог устроить несколько встреч с нашими кинематографистами и вообще, творческой молодежью, – он отстучал письмо на машинке, – мы слышали о твоём триумфе в Вене, но на спектакль я не рассчитываю, для него нужны декорации и актеры...

Аарон поскреб темную бородку. Со времен Южной Америки он часто пренебрегал бритьем:

– Тиква смеется надо мной, – улыбнулся он, – говорит, что я разыгрываю Хемингуэя, – Аарон задумался, – но ведь декорации у нас самые простые, а актер, кроме Тиквы, нужен только один...

Аарон познакомился с чешским режиссером Иржи Менцелем на церемонии вручения Оскаров. Его фильм, «Поезда под особым наблюдением», получил статуэтку за лучшую ленту на иностранном языке:

– Во время просмотра, я, как публика сейчас, сидел не двигаясь, – вспомнил Аарон, – он великий мастер, – по словам Менцеля, его фильм разрешили к показу в Чехословакии только потому, что речь в картине шла о войне:

– Со второй лентой мне так не повезло, – хмуро заметил режиссер, – там я не слишком жалую коммунистов, – «Жаворонки на нитке» рассказывали о бригаде перевоспитания на заводе:

– Туда после войны отправляли так называемую буржуазию, – объяснил Менцель, – якобы для перековки..., – приятель, правда, не терял надежды, что правительство Дубчека разрешит фильм к прокату:

– Прага сейчас совсем другая, чем даже пару лет назад, – он дошел до конца письма, – приезжай, ты не пожалеешь..., – в Вене имелась копия «Че»:

– Я смогу показать фильм, – понял Аарон, – и я могу выйти на сцену с Тиквой, как второй актер. Это, разумеется, если она согласится поехать в Прагу..., – он прислушался:

– Я прижмусь к двери комнаты..., – готовясь к роли, Тиква занималась с логопедом, – отец сразу поймет, что я исполнен готовности немедленно вернуться к себе..., – они долго добивались нужной интонации и тембра голоса. Аарон поставил спектакль и много раз видел его на сцене:

– Но у меня все равно мороз по коже идет, – он поежился, – так говорило бы животное, обрети оно дар речи..., – Аарон знал хронометраж постановки наизусть. Зал взорвался аплодисментами, Аарон поднялся:

– Сварю кофе для Тиквы, – он сунул письмо в карман, – о приглашении мы поговорим вечером..., – подхватив стул, Аарон отправился в гримерку.

Генрик предпочитал проводить деловые встречи в гостиничных вестибюлях. Портье роскошных отелей Европы и Америки, зная о его привычке, всегда устраивали маэстро где-нибудь в уединенном углу:

– Но рядом с роялем, – он повертел носком сшитого на заказ в Лондоне ботинка, – они помнят и о том, что я люблю сесть за инструмент, инкогнито, так сказать..., – разумеется, никакого инкогнито давно не существовало.

Краем глаза Генрик заметил расположившихся на диванах парней с хорошими фотокамерами:

– Это не стрингеры, – Тупица слегка усмехнулся, – у тех нет денег на технику от «К и К». Эти ребята из приличных газет...

Генрик и Адель недавно снялись в рекламе стереофонического музыкального центра, как «К и К» назвало новинку:

– Здесь ее тоже напечатали в журналах, – вспомнил Тупица, – продукция расходуется, как горячие пирожки..., – в рекламной студии его усадили на дорожную кушетку испанской кожи, рядом с античным бюстом:

– Вы находитесь в творческом сосредоточении, мистер Авербах, – заявил глава рекламного отдела, – вы думаете о будущем концерте..., – Адель, в платье, напоминающем хитон, смотрела прямо на предполагаемого зрителя:

– Вы тоже, миссис Майер-Авербах..., – парень повертел рукой. Адель ехидно поинтересовалась: – Что, тоже думаю? Теперь женщинам в рекламе можно думать, а не просто подавать пластинки хозяину, словно дрессированная собачка..., – парень даже обиделся:

– Мы никогда такого не снимали, – буркнул он, – совет директоров не одобрил бы подобной рекламы. . . , – Адель подытожила:

– И очень хорошо. Но кто придумал этот лозунг:

– Для него. Для нее. Первое стерео для всех ваших нужд. . . , – жена скривилась. Рекламщик отозвался:

– Согласно данным опросов, мужчины и женщины все-таки слушают разную музыку, миссис Майер-Авербах. . . , – Адель только закатила глаза. Тупица не очень любил домашние магнитофоны, настаивая на том, что качество записи в них страдает:

– Но «К и К» мы не могли отказать, – он рассеянно листал свой календарь, – в конце концов, это семья. . . , – он вспомнил главу рекламного отдела:

– Парень мой ровесник, ему тридцать, а он все еще носит джинсы, кеды и майку с битлами. Но на руке у него золотой ролекс и ездит он на отличной машине. Хотя в их бизнесе принято одеваться на молодежный манер. . . , – Генрик, как он сам говорил, проводил черту между свободным временем и работой:

– Если я преподаю на мастер-классе, – говорил он, – это все равно работа. Я не появлюсь перед студентами в шортах и кедах и не выйду в таком виде на сцену. . . , – ботинки были легкими, парусиновыми. Он носил изысканно потертые джинсы и помятую льняную рубашу. Отложив календарь, Генрик допил свой эспрессо:

– При всем уважении к вам, месье Вале. . . , – швейцарский делец почти не изменился, только приобрел аккуратное брюшко и седину, – сейчас у меня концерты расписаны до семидесятого года включительно. . . , – Вале подался вперед:

– Всего пара недель, месье Авербах, – он взялся за свой календарь, – даже неделя, если вы так заняты. . . , – Генрик вскинул бровь:

– Занят и не вижу смысла обсуждать это дальше, месье Вале. . . , – Тупица на своем веку провел много переговоров с импресарио:

– Никакой разницы с арабским шуком, – смешливо подумал Генрик, – или с барахолкой в послевоенном Бреслау, где я стрелял окурки. Он наседает, я ломаюсь, набиваю цену и, в конце концов, мы сходимся на дате концерта и сумме гонорара. . . , – речь шла о частных выступлениях в альпийском шале дельца:

– Три дня, – проникновенно сказал Вале, – всего три дня, если вы так настаиваете. Я опять устраиваю закрытый аукцион для друзей, ожидаются интересные картины. . . , – он чиркнул что-то на листке бумаги, – перелет в Женеву, разумеется, за мой счет. . . , – Генрик, в общем, мог выкроить несколько выходных в октябре:

– Там есть окно, – вспомнил Тупица, – в горах будет лежать снег. Мне надо отдохнуть, покататься на лыжах. . . , – он не собирался заводить разговор об Адели:

– Она носится с Тиквой, как с писаной торбой, – хмыкнул Тупица, – и тетя Клара от нее не отстает. Адель не уедет из Лондона по меньшей мере до Рождества. Она и Сабина будут хлопотать над ребенком на пару. Ладно, следующим летом у нас появятся свои малыши. . . , – Тиква относилась к опеке старших женщин с добродушным юмором:

– Тетя Клара, – однажды заметила девушка, – на сцене я вишу вниз головой на невидимых канатах и ползаю по стенам, тоже с помощью веревок. Думаю, что после такого роды пройдут успешно. . .

Они не успели даже ахнуть. Разговор шел за послеобеденным кофе в пансионе. Легко поднявшись, Тиква встала на пуанты. Стройная нога в черном чулке взлетела над головой девушки, она закружилась в фуэте:

– Беременность – не болезнь, – Тиква даже не запыхалась, – еще меня в Лос-Анджелесе научили индийским упражнениям, йоге. . . , – Клара замахала руками:

– Я верю, верю, милая. Но ты все-таки будь осторожней. . . , – теща считала, что Тиква ожидает двойню:

– Они с Аароном только отшучиваются, – вспомнил Генрик, – интересно, они сами знают, кто у них родится? Наверное, да...

Он не мог не признать, что для «Превращения» беременность Тиквы оказалось очень удачной:

– И она не боится уродовать себя на сцене, – уважительно подумал Тупица, – у нее отличный костюм и грим, она действительно напоминает насекомое..., – щелкнув золотой зажигалкой, он приписал к цифре на листке месье Вале еще один ноль:

– Два концерта по часу каждый, – подытожил Генрик, – программу выбираю я..., – шейхи любили, как называл это Тупица, популярную классику, – и перелет в бизнес-классе..., – Вале закивал:

– Договорились. Я переведу аванс не позднее следующей недели, месье Авербах. Большое вам спасибо..., – Генрик решил поговорить с тетей Мартой в Лондоне:

– Пусть сначала женится Маленький Джон, – они еще не видели невесту кузена, – тетя Марта сейчас занята, но она обрадуется новостям. На вилле Вале может появиться Максимилиан...

Не желая вызывать подозрений у швейцарца, Генрик не хотел спрашивать о Ритберге фон Теттау открыто:

– Отлично, – Генрик заметил направляющегося к ним портье, – сейчас я побалую вас и патронов своей игрой, месье Вале..., – портье прошуршал ему на ухо:

– Вас к телефону, месье Авербах, – Генрик не любил, когда к нему обращались на немецкий манер. Теща и тесть сегодня уехали с Аделью в Баден:

– Либо она увидела что-то интересное у антикваров, – портье препроводил его в закрытую бархатными шторами кабинку, – либо звонят насчет аренды нашего шале..., – Генрик узнал вальяжный, уверенный голос:

– Здравствуйте, маэстро, – сказал он, – мы с вами встречались в Новосибирске. Моя фамилия Матвеев.

Официант поставил на деревянный стол поднос с кофе. В саду пансиона росла даже виноградная лоза. Журчал маленький фонтан, птицы щебетали на черепичных крышах соседних домов. Воробьи перепархивали по глицинии, вившейся вдоль крашеной охрой стены. Джованни прищурился:

– Еще видны следы от шрапнели, – понял он, – но Вена пострадала во время войны меньше, чем немецкие города..., – закатное солнце грело его седой затылок. Он не успел понять, как Кларе удалось водрузить ему на голову соломенную шляпу:

– Остается купить еще тапочки и палку, – сварливо сказал Джованни, – и я окончательно превращусь в отпускника, вроде тех, что сегодня разгуливали по Бадену..., – Клара пощелкала спицами:

– Ты и есть отпускник, милый мой, – ласково сказала женщина, – то есть у тебя начался давно заслуженный отдых..., – уйдя в отставку из Британского Музея, Джованни продолжал консультировать на кафедре в Кембридже, но не брал себе докторантов:

– Я надеялся, что помогу девочке с ее работой, – как-то раз сказал он жене, – не официально, конечно, но..., – он прервался, Клара погладила его руку:

– Надо верить, милый, – тихо сказала жена, – Адель вернулась и Лаура тоже вернется... О вере и молитвах написал и Его Святейшество, приславший Джованни личное послание:

– И здесь я тоже ходил в собор Святого Стефана, – он просматривал Wiener Zeitung под умиротворенное курлыкание голубей, – Клара верно говорит, нельзя терять надежду...

Он никогда не заказывал по Лауре погребальные мессы, отказываясь считать младшую дочь мертвой:

– И Пауль тоже самое сказал, – пришло в голову Джованни, – а еще он говорил, что мы привезем домой малышей и оказался прав..., – словно услышав его, Клара подняла голову:

– Пауль считает, что у них будет двойня, – рядом с женой лежала готовая крохотная кофточка, – только почему они отказываются узнавать пол младенцев..., – Джованни рассмеялся:

– Пауль большой специалист в деторождении, только его и надо слушать..., – Клара недовольно пробормотала:

– Эмиль, наверное, знает, – по дороге в Вену Аарон с Тиквой погостили в Мон-Сен-Мартене, – но ведь он только блеснет очками, и все, как он обычно делает..., – Джованни внезапно сказал:

– Как время летит. Я вспомнил старого герцога, деда Маленького Джона и тридцать шестой год. Господи, только началась испанская война, еще была жива Юджиния, а вы жили в Праге..., – Клара помолчала:

– Да. Что пишут, – она кивнула на газету, – насчет концертов Генрика и Адели..., – Джованни потянулся за серебряным портсигаром: – Восхищаются их трудолюбием, как обычно. Маэстро Авербах своим примером доказывает, что для человека не существует никаких препятствий на пути к цели..., – громко прочитал Джованни. Клара отправила в рот кусочек торта:

– В тридцать третьем году мы с покойным Людвигом жили в этом пансионе по дороге в Венецию, – призналась жена, – у них, наверное, работает тот же самый повар. Здесь готовят лучше, чем в дорогих отелях..., – пансион стоял рядом с особняком, где до аншлюса помещалась квартира Фрейда. Жена повертела кофточку:

– И ведь не скажут, мальчики у них или девочки, упрямыцы. Приходится брать зеленую и желтую шерсть..., – Джованни потрогал мягкий кашемир:

– Очень хорошо получилось..., – он взял жену за руку, – а что касается их поездки, то Пауль волновался насчет самолета, а не автомобиля..., – услышав за ужином о приглашении Аарона в Прагу, Генрик оживился:

– Мне звонил тамошний импресарио, – он налил себе вина, – со мной хотят поговорить насчет возможных гастролей, – Аарон хмыкнул:

– У коммунистов есть импресарио..., – Тупица пожал плечами:

– Они утверждают, что у них не коммунизм, а социализм с человеческим лицом. Мне понадобится пара дней, не больше. Мы разделим расходы на аренду машины. Твой приятель, режиссер, организует мой мастер-класс и камерный концерт для деятелей культуры..., – так, пышно, Генрика именовали в грамоте советского знака, присланного из посольства в Лондоне:

– Он теперь заслуженный деятель искусств, – усмехнулся Джованни, – а Адель получила орден Британской Империи..., – Клара аккуратно сложила вязание:

– Адель увидит наши Винограды, – Джованни показалось, что голос жены изменился, – дом, где она родилась, где мы жили в тридцать восьмом году. Туда я привезла Сабину, туда потом приехал Пауль, – жена поискала на столе сигареты, – тридцать лет прошло..., – Клара чиркнула спичкой, ее рука немного дрожала:

– Тридцать лет, – она помолчала, – покойный рав Горовиц еще не был женат, а теперь у него скоро появится внуки..., – Джованни коснулся губами седых волос в ее темных кудрях:

– Если хочешь, давай поедem с детьми, – шепнул он, – я бывал в Праге в двадцатых годах, но с тех пор много воды утекло. Может быть, я тогда видел и тебя. Скажем, в году двадцать восьмом, перед тем как ты отправилась в Париж..., – Клара улыбнулась:

– Кафку ты точно видел, только немного раньше..., – Джованни рассказывал пасынку о встречах с писателем. Джованни потерял носом о ее ухо:

– Я еще и Фрейда видел, – смешливо сказал он, – и помню похороны королевы Виктории. Ты тоже хочешь пройти по Виногодам..., – Клара кивнула:

– И постоять на Карловом мосту. Мне в этом году шестьдесят, – смуглые щеки жены залил румянец, – пусть поездка станет моим подарком к юбилею..., – Джованни помахал сигаретой:

– Подарок тебя ждет в Лондоне. У нас так и не было свадебного путешествия, – он обнял жену, – но теперь оно случится. Я люблю тебя, милая... – Клара положила голову ему на плечо: – Я тебя тоже. Все будет хорошо, Джованни, мы с тобой еще увидим внуков...
В чистом летнем небе носились черные точки птиц. Джованни закрыл глаза: «Она права. Все будет хорошо».

В Лондоне Генрик никогда бы не позволил Адели жевать в его серебристом Бентли луковый пирог.

Они въехали в приграничный городок Лаа ан дер Тайя в самый разгар местного праздника сбора урожая. На площади, перед белокаменной ратушей, выстроенной во времена кайзера Франца-Иосифа, шумели лотки.

Дети сгрудились перед фанерным подиумом. Святой Георгий, восседающий на переминающемся с ноги на ногу коне, пронзил деревянным копьём дракона, в костюме из зеленого гофрированного картона. Малышня запрыгала, вокруг разнесся пронзительный свист дудок. В яркое небо летели воздушные шары, серые булжники украсило разноцветное конфетти.

Генрик не сомневался, что Адель захочет пройтись по ярмарке. Он шутливо сравнивал жену с сорокой:

– Но не только шутливо, – понял Тупица, – она до сих пор не может расстаться с желанием схватить все, что блестит... – он списывал страсть жены к дешевым развлечениям на проведенное в бедности детство:

– Они с Сабиной спали на одной кровати, штопали чулки и стирали в тазу, – хмыкнул Генрик, – а Инге возился в курятнике... – свояк, по его мнению, так и остался деревенским парнем, несмотря на звание профессора и два доктората:

– Они с Сабиной сейчас присматривают за Паулем, – Генрик выпустил дым сигареты в окно, – только поэтому тетя Клара и дядя Джованни смогли сюда приехать... – он не удивился желанию тещи посетить Прагу:

– Во-первых, она насадка и не отпустила бы Адель и Тикву одних, пусть и с мужьями, то есть нами, а во-вторых, она сентиментальна... – он хорошо видел из машины тещу и тестя, засевших с кофе и пивом на террасе летнего кафе:

– Аарон пошел развлекать девушек, – усмехнулся Генрик, – он тоже любит балаганы. Тетя Клара возила их в Саутенд, кататься на карусели и стрелять в тире... – до него донеслись сухие щелчки пневматической винтовки.

Пресловутый пирог лежал на пассажирском сиденье, в заляпанном жирными пятнами пакете. Оказалось, что в Лаа выращивают известный на всю Австрию лук:

– Очень вкусная выпечка, – облизнулась Адель, – попробуй, милый... – крошки рассыпались по коврику машины, в нос Генрику шибануло стойким запахом уксуса. Тиква притащила в мерседес банку с маринованными овощами:

– Я только ими и спасалась в первые месяцы, – свояченица безмятежно грызла огурец, – держи, Адель, ты любишь чеснок, а помидоры мы оставим Аарону... – в машине пахло придорожной закуской:

– Они еще и сосиски с горчицей ели, – Генрик отхлебнул принесенный женой черный кофе, – а мне ничего не лезет в рот... – живот крутило от волнения.

Последнюю таблетку из упаковки, полученной от русских в начале года, Тупица проглотил позавчера. Он ожидал обычного звонка в отель «Захер»:

– Я сообщил, где я останусь в Вене, поэтому Матвеев меня и нашел... – он отлично понимал, кто такой Матвеев на самом деле. Генрика даже немного затошнило:

– Никому ничего нельзя говорить, – напомнил он себе, – пусть Аарон и Тиква показывают спектакль, пусть Адель устраивает концерт, пусть дядя Джованни и тетя Клара гуляют

по Праге, а я займусь своими делами... – Матвеев велел ему приехать в столицу социалистической Чехословакии:

– Это всего три часа на машине от Вены, маэстро, – он услышал явственный смешок в голосе русского, – вы получите лекарство в обмен на выполнение небольшого поручения...

Саша понятия не имел, в чем состоит поручение. Позвонить Моцарту его попросил наставник, товарищ Котов. Саша прилетел в Прагу из Лондона, пользуясь своим американским паспортом. Здесь он забирал материалы, как их изящно называли в Москве, необходимые для успеха операции «Свадьба»:

– Последние выходные августа, – Саша сверился с календарем, – в субботу состоится венчание, то есть не состоится, – он коротко улыбнулся, – и в субботу вечером Пиявку переводят из ее северной тюрьмы в южную... – он теперь знал и место расположения тюрьмы, как знал и то, что в охраняемом фургоне Пиявка будет не одна. Невеста, как он весело называл Орлу, работала отлично:

– У Пиявки мальчик, – Саша справился с дрожью в руках, – в ноябре ему исполнится два года. Это мой сын, сомнений быть не может... – операция в Банбери проходила с участием ирландских ребят. Сам Саша и несколько надежных парней, проводили субботу на севере Англии:

– Миллион нам очень помог, – усмехнулся Скорпион, – а еще больше помогло то, что охранники тюрьмы тоже люди, то есть женщины... – вернувшийся с континента с миллионом Боров перебрался в Англию. Парень закрутил быстрый роман с одной из надзирательниц тюрьмы, где содержалась Пиявка:

– Они все заглядывают в ближайший городок на выходных, – хмыкнул Саша, – в тамошних унылых местах больше никаких развлечений нет. Пара партий в бильярд, пара коктейлей и дело на мази... – замужня надзирательница, старше Борова лет на двадцать, даже собиралась бросить ради него семью:

– Она и будет сопровождать фургон, в числе других, – Саша тщательно продумал схему нападения, – и тоже получит пулю в лоб. Мы не оставляем свидетелей... – Пиявку он собирался убить лично. Боров и остальные считали, что они наказывают предательницу:

– Однако ребенок ни в чем не виноват, – сказал ребятам Саша, – мы заберем его в Ирландию и воспитаем настоящим борцом за свободу нашей страны... – в Праге он брал напрокат машину и возвращался в Британию морским путем:

– Не стоит тащить взрывчатку самолетом, – он повертел полученную в посольстве записку от товарища Котова, – заряды такой мощности, что легко снесут с земли все Банбери, не говоря о вшивой барже... – товарищ Котов просил его вызвать в Прагу Моцарта:

– Что я и сделал, – наставник велел уничтожить послание, – а остальное не моя забота... – Моцарт немедленно согласился приехать в город:

– Еще бы он не согласился, – Саша вышел из высоких дверей почтамта, – мы его подсадили на препарат, он стал наркоманом... – в Праге ему понравилось:

– Почти запад, – взяв пива, он устроился в кафе неподалеку от Карлова моста, – но, кажется, их вольностям скоро придет конец... – в посольстве недвусмысленно намекали, что чешским коммунистам выставят ультиматум:

– Дубчек и не коммунист вовсе, – недовольно заметил местный коллега Саши, передавший ему багаж с техническими средствами, – он пускает в страну кого ни попадя, отменил въездные визы для западных туристов и развел порнографию в прессе... – коллега потряс ярким журнальчиком. Саша добродушно заметил:

– Это всего лишь бикини, товарищ. Устой коммунизма не пошатнуть круглой задницей и тонкой талией, – он полюбовался девушкой, – тем более, это Тиква Майер, голливудская актриса, а не местная барышня... – коллега напыщенно сказал:

– Ни одна комсомолка не снимется в таком виде... – Саша чуть не ответил: «И не надо». Он еще не видел ни одной хорошенькой комсомолки:

– Кроме Куколок, но те только номинально состояли в Союзе. И Маши, разумеется, – Саша почувствовал обычную тоску, – ничего, сейчас я привезу мальчика домой, и она смягчится... – с надеждой сказал себе Саша, – Маша не устоит перед моим предложением. Пусть парни растут вместе, у нас появится настоящая семья...

Генрик тоже понятия не имел, что от него надо русским:

– Наверняка, какая-то ерунда, – он завел мерседес, – главное, что я получу мои таблетки... – Адель хлопнула дверью машины. Щеки жены покраснелись, от нее пахло сладостями:

– Тиква выиграла плюшевого медведя, – хихикнула жена, – а я просто плюшки, то есть купон на бесплатную выпечку... – ее губы испачкала сахарная пудра, – я и тебе принесла, милый и вот еще кофе... – второй мерседес погудел. Адель высунулась из окна:

– Езжайте вперед, – крикнула она брату, – мы за вами... – пограничный переход располагался прямо на окраине городка. Вывернув с площади, Генрик повел машину к развешивающемуся у шлагбаума флагу социалистической Чехословакии.

Часть пятнадцатая Прага, август 1968

Тонкий белый луч прожектора осветил прижавшуюся к фанерной стене бесформенную фигуру в коричневом балахоне. По углам сцены валялись ломаные стулья, на полу расстелили старую газету с какими-то отбросами:

– Вокруг даже воняет дерьмом, – услышала Клара тихий шепот, – жаль, что Майер уходит в Голливуд, он отличный режиссер...

За несколько дней, проведенных в Праге, Клара вернулась к чешскому языку:

– Вообще мы всегда говорили по-немецки, – объяснила она Джованни, – как и все еврейские семьи, но мой отец преподавал историю в гимназии. Он отлично владел чешским, меня растили с двумя языками..., – Клара узнавала и не узнавала родной город:

– Прага не очень пострадала, – сказала она детям, – судя по всему, нацисты не успели разрушить город. Однако дело довершили коммунисты..., – женщина вздохнула, – везде наталкиваешься на их флаги..., – алое знамя развевалось в вестибюле оперы, где до войны работала Клара.

Особняк на Виноградах, где помещалась квартира Майеровых, стал районным комитетом партии:

– Ваш отец был коммунистом, – заметила она Адели и Аарону, – он сидел в Дахау за свои убеждения, однако не думаю, что он был бы счастлив увидеть Прагу такой..., – Клара обрадовалась британским газетам и американским журналам в ларьках:

– По крайней мере, здесь правительство Дубчека действительно либерально, – одобрительно сказал Джованни, – мой завтрак не обойдется без The Times...

Они поселились в тихой гостинице неподалеку от еврейского квартала. Клара, было, подумала позвонить Марте. Кузина не знала, что они отправились в Чехословакию:

– Но зачем, – пожал плечами Джованни, – у нас отпуск, мы проводим его в путешествии. Здесь совершенно безопасно, а Марта сейчас занята будущей свадьбой и всем остальным..., – Клара отозвалась:

– Почему только Тиква решила рожать в Мон-Сен-Мартене? Я бы и в Лондоне нашла ей хорошего акушера. Хотя дома и стены помогают, а Эмиль ее вырастил и он отличный врач..., – Джованни усмехнулся:

– Мы с ним увидимся и раньше, в Вене..., – Клара собиралась приехать в поселок к дате родов, – он появится в Австрии к нашему возвращению..., – Гольдберг привозил старшую дочь на летнюю школу в университете:

– Успокойся, – подытожил Джованни, – все сложится отлично. Приятель Аарона прав, город стал совсем другим...

Кроме «Проданной невесты» в опере, они успели сходить в музей, прокатиться на кораблике по Влтаве и посидеть за пивом «У Флека». Клара отвела семью к зданию бывшей еврейской гимназии, где тоже обосновались какие-то партийные функционеры:

– Там спали судетские дети, – она указала на большие окна спортивного зала, – но недолго, их потом разобрали по семьям, а остальных покойный дядя Питер отправил в Лондон. Тогда Гитлер еще только готовил аннексию Чехословакии..., – Клара поняла, как повезло ее семье:

– Мы выбрались отсюда только благодаря документам, подписанным покойным Мише-лем и Теодором, – подумала женщина, – они ходатайствовали за нас перед британским правительством. Людвиг был коммунистом, но спасение жизни человека важнее, чем все партии, вместе взятые. Иначе нас ждала бы страшная смерть, – Клара видела «Превращение», но все равно передернулась, – как Грегора Замзу...

Тиква, казалось, уменьшалась на глазах, сжимаясь в комочек:

– Он тоже считал, что должен исчезнуть, – донесся со сцены ее странный, высокий голос, – считал, пожалуй, еще решительней, чем все остальные..., – девушка распласталась на половицах. Загремели грубые шаги, зрители замерли:

– В Вене финал был другим, – Клара подалась вперед, – это они сейчас придумали..., – кто-то крикнул с места:

– Так же и наша страна! Ее заморили голодом, заткнули ей рот, загнали в угол...

Аарон, в потрепанной форме советского солдата, легко подняв неподвижную девушку, свалил ее в тачку. Он подмел половицы, что-то бормоча, колеса тачки заскрипели. Яркий луч осветил пустое место на сцене:

– Долой русских, – раздался еще один молодой голос, – долой СССР..., – зрители вскакивали на скамейки, скандируя:

– Браво, Майер! Долой русских, долой СССР, долой, долой!

По дороге в неизвестный ему пражский район Бубенеч, сидя в такси, Генрик слушал разговорку британского радиодиктора. BBC передавало программу о будущих выборах в США. Несколько дней назад кандидатом от республиканской партии объявили Ричарда Никсона:

– Демократы, после убийства сенатора Роберта Кеннеди, еще не достигли согласия по кандидатуре, – заметил ведущий, – однако, скорее всего, они выставят на гонку сенатора Хьюберта Хамфри, нынешнего вице-президента страны..., – молоденький парнишка, таксист, покрутил головой:

– Я не все понимаю, – парень свободно объяснялся по-немецки, – очень быстро говорят..., – он взял сигарету из золотого портсигара Генрика, – я занимаюсь английским языком, но пока плохо разбираю такую речь..., – переведя ему слова диктора, Генрик поинтересовался:

– Вы хотите уехать на запад..., – окинув его откровенно недоверчивым взглядом, таксист внезапно улыбнулся:

– На стукача вы не похожи. Министерство Госбезопасности их одевает на один манер и глаза у них оловянные, – машина свернула к парку Стромовка, – вы турист, что ли..., – Генрик кивнул: «Именно так». Парень одобрительно отозвался:

– Парк у нас красивый. Я бы тоже здесь рос, если бы не коммунисты, – он помрачнел, – неподалеку наш семейный особняк, то есть бывший особняк..., – оказалось, что мальчику всего двадцать лет:

– Я потерял отца двухлетним малышом, – мрачно сказал он, – его расстреляли, как буржуазного националиста и вообще, – он повел рукой, – капиталиста и эксплуататора..., – отец нынешнего таксиста владел крупной транспортной компанией:

– Сначала фирму отобрали нацисты, – юноша вздохнул, – потому что папа отказался предоставлять им машины, а потом все заграбастали красные..., – в таксопарке парень оказался, как он выразился, на перевоспитании:

– Вообще я хотел стать автомобильным инженером, – он приглушил радио, – но никакой университет мне не светит из-за буржуазного происхождения. Меня отправили водить машину, но в парке есть шоферы, раньше работавшие в нашей фирме. Они взяли меня под свое крыло..., – юноша не скрывал, что думает перебраться на запад:

– Мой дядя живет в Америке, – признался он, – у него хватило ума покинуть страну после аннексии, в тридцать восьмом году. Папа не уехал и видите, что получилось..., – дядя давно прислал таксисту вызов, но, как он сказал, коммунисты тянули вольнку:

– Некоторые пытаются тайно пересечь австрийскую границу, – сказал парень, – просто так у нас на запад не пускают. Но такое опасно, в нарушителей стреляют на поражение..., – таксист надеялся, что правительство Дубчека разрешит свободную эмиграцию:

– Можно жениться на еврейке, – деловито добавил он, – их выпускают в Израиль. Но где найти такую девушку, в Праге евреев почти не осталось..., – синагоги в еврейском квартале стояли пустыми. Генрик даже поежился:

– Мы были на службе в Иерусалимской синагоге..., – его и Аарона вызвали читать Тору, – миньян собрался, но там сидели почти одни старики..., – в остальных синагогах еврейского квартала помещались музейные выставки:

– В Венгрии евреев выжило больше, – пришло в голову Генрику, – благодаря Валленбергу. Здесь и в Польше почти все погибли, Гитлер оказался в Праге гораздо раньше, чем в Будапеште..., – теща провела их по всему Йозефову, где раньше располагалось еврейское гетто:

– Аарон хочет экранизировать историю о Големе, – пришло в голову Генрику, – наверняка, с Тиквой в главной роли. У нее отлично получился Грегор Замза, она рождена для мистики и хоррора..., – свояк собирался сам написать сценарий будущего фильма:

– Но это потом, – весело заметил Аарон, – сначала надо закончить два других проекта и третий, самый главный..., – он ласково положил ладонь на живот Тиквы, – то есть не закончить, а только начать..., – Генрик ткнул сигаретой в пепельницу на приборной доске:

– И тогда мы выпили за здоровье будущего малыша. Ерунда, – он вспомнил уличные бои в Будапеште, – здесь ничего такого не случится, русские не введут сюда войска. Аарон и Тиква покажут несколько представлений, он устроит закрытый просмотр «Че», мы с Аделью выступим на мастер-классах и двинемся в обратный путь..., – Генрик очнулся от невеселого голоса таксиста:

– В одном из здешних особняков до войны сидело гестапо, а потом здание отдали советскому посольству, – юноша скривился, – никакой разницы между ними нет..., – Генрик попросил остановить машину рядом со входом в парк:

– Хороших выходных, мистер, – пожелал юноша, – погоду обещают отличную..., – на дворе было воскресенье:

– Они и в воскресенье работают, – у Генрика опять свело живот от волнения, – остальные думают, что я поехал прогуляться..., – Адели он объяснил, что хочет проветриться:

– Т знаешь, как важно побыть в тишине, – Генрик ласково поцеловал жену, – особенно перед концертом..., – сегодня он играл в том же самом театре «На балюстраде», где вчера показывали «Превращение»:

– Концерт почти подпольный, – убедившись, что такси уехало, Генрик пошел к воротам парка, – все афиши рукописные, самодельные..., – афиши, как и приглашения на спектакль, передавали из рук в руки, – но это музыка, ничего антикоммунистического в ней нет..., – он понимал, почему свояк изменил финал «Превращения»:

– То есть не изменил, а надел советскую форму..., – гимнастерку Аарон достал в костюмерной театра, – после такого зрители его чуть ли не на руках носили..., – впереди показался советский флаг. Генрик нащупал в кармане свой британский паспорт.

Он понятия не имел, с кем встречается. Конверт оставили на стойке портье в их пансионе:

– Передайте письмо охранникам, – значилось в послании, – и не забудьте паспорт..., – Тупица успокоил себя тем, что его никто не похитит:

– Я не ученый и не владею важной информацией, – он нажал на кнопку звонка, – я получу лекарство и уйду отсюда..., – динамик зашуршал: «Слушаю вас».

– Это мистер Авербах, – Тупица откашлялся – мне назначено..., – стальная калитка в ограде отворилась. Генрик ступил на территорию СССР.

Деревянные ступени крутой лестницы слегка поскрипывали. Жаркий августовский полдень пах пылью и голубиным пометом. На белой шее Тиквы, открытой недавней короткой стрижкой, поблескивали капельки пота: –Что ты сказал сторожу..., – таинственным шепотом поинтересовалась девушка, – тетя Клара упоминала, что на чердак никого не пускают...

Ее темные волосы золотились в косых лучах солнца, пробивающихся через запыленные окошки узкого лаза, ведущего наверх. Серые камни Староновой синагоги, казалось, дышали теплом:

– Или это потому, что Тиква рядом, – подумал Аарон, – с ней мне никогда не бывает холодно, не бывает одиноко..., – он остановился на ступеньку ниже жены:

– Не сказал, а показал и даже отдал, – рассмеялся Аарон. – купюра в двадцать долларов открывает многие двери, – он помолчал:

– Ты сейчас рядом со мной и так будет всегда, – Тиква обняла его, – но в Южной Америке я боялся, что больше никогда тебя не увижу..., – он прижался головой к ее мягкой груди, – я почти сдался, но велел себе выжить и вернуться к тебе..., – ему больше ничего не надо было говорить. Тиква всегда понимала его с полуслова:

– Словно в Париже, – он поцеловал узкую ладонь, – когда я проснулся рядом с ней и сразу начал писать. Потом она забрала у меня тетрадь и танцевала по комнатке, танцевала и пела, словно птица..., – ее нежное горло, приоткрытое вырезом светлого льняного платья, слегка дернулось:

– Но ты вернулся, – Тиква взяла его руки в свои, – и мы больше никогда не расстанемся. Ты получил Оскара, ты поставил замечательный спектакль и так будет и дальше..., – под его руками что-то двигалось, перемещалось. Аарон до сих пор не мог справиться с изумлением:

– Мы это сделали, – он взглянул на жену, – они родятся и мы откроем им целый мир, расскажем и покажем все, что знаем сами, только они пойдут дальше нас..., – Тиква улыбнулась:

– Ты не жалеешь, что мы отказались услышать, кто там..., – и врачи в Лондоне и доктор Гольдберг в Мон-Сен-Мартене предлагали им проверить пол детей. Аарон помотал головой:

– Нет. Что-то должно остаться таинственным, как в старые времена. Но хорошо, что нас предупредили о двойне..., – Тиква отозвалась:

– Папа считает, что я могу родить сама, но он готов и сделать операцию, если что-то пойдет не так..., – в Мон-Сен-Мартене отчим показал ей таблицы:

– Ты в группе риска, – недовольно сказал доктор Гольдберг, – раньше акушеры сразу отправили бы тебя под нож..., – он помолчал, – ссылаясь на узкий таз. Но дети в двойне меньше обычных, вряд ли они будут весить даже три килограмма. Попробуем справиться сами, но в операции тоже ничего страшного нет..., – отчим велел Тикве не ложиться, как он выразился, на диван перед телевизором. Девушка рассмеялась:

– Никаких шансов, папа. Во-первых, до Хэмпстеда я телевизора не увижу..., – в доме Гольдбергов аппарат так и не появился, – а во-вторых, с новой постановкой Аарона у меня есть шансы лечь только на сцену и то ненадолго..., – отчим протер очки:

– Я не сомневался, что он тебя отправит скакать по стенам, – Тиква хихикнула, – впрочем, твои новые упражнения весьма неплохи, продолжай их делать..., – отчим завел при больнице новинку, как он выразился, курс подготовки к родам:

– Мужчины на занятиях, разумеется, не появляются, – вздохнул доктор Гольдберг, – твой муж, кажется, станет первым, кто не бросит жену в приемном покое..., – Аарон только удивленно сказал:

– Я и не рассчитывал на другое, дядя Эмиль. Я отец, это мои малыши, мое место рядом с Тиквой и ними..., – по просьбе отчима, Тиква провела несколько занятий йогой с беременными: – Потом меня заменила Лада, – она не двигалась, тоже ловя шевеления малышкой, – у нее хорошо получается, – Тиква не хотела признаваться, что немного боится родов:

– Все потому, что я была в Вене, – сказала себе девушка, – где умерла мама. Но ничего не случится, с малышами все хорошо..., – Аарон шепнул:

– Успокоились. Уснули, наверное. Или они тоже хотят послушать тишину вокруг..., – за окошками простирался залитый солнцем пустынный дворик. Тиква коснулась рукой шершавой стены. Тетя Клара рассказывала им легенду об ангелах, принесших в Прагу камни для строительства Староновой синагоги:

– Это остатки разрушенного Храма..., – вспомнила девушка, – когда придет Мессия и Храм отстроят заново, то камни вернут на место..., – об останках Голема, по преданию, покоящихся на чердаке синагоги, им тоже рассказала тетя Клара.

Зазвенели ключи, Аарон потерся носом о ее щеку:

– Никакого Голема там нет, но для будущей пьесы мне надо все увидеть своими глазами..., – Тиква остановилась перед низкой, запертой на амбарный замок дверью:

– Его просто не нашли, – задумчиво сказала девушка, – не зря сторож говорил, что во время войны нацист, пытавшийся сюда зайти, потом умер. И вообще, – Тиква улыбнулась, – может быть, это была девушка и она потом влюбилась в своего создателя, – Аарон с натугой повернул ключ в замке:

– Сейчас и проверим. Но твоя история с девушкой мне нравится..., – они нырнули на низкий, полутемный чердак.

На беленом чердаке приятно пахло сушеными травами. У полукруглого окна устроили конторку темного дуба, с аккуратно разложенными бумагами и серебряной чернильницей. С пера стряхнули каплю, изящная рука разгладила пергамент. Хана смешливо подумала:

– Папа об этом молчит, иначе никто не стал бы покупать мезузы или заказывать свитки Торы. Но я не делаю ничего, запрещенного мудрецами, такое просто не принято...

Она перехватила у отца перо несколько лет назад, когда рав Горовиц стал страдать от воспалений кости, как называли его болезнь лекари. Ловкие пальцы отца распухали и отказывались слушаться:

– Жаль, что я не могу снять боль, – вздохнула девушка, – папе приходится принимать опиум, а от него туманится голова..., – рав Горовиц отказывался от снадобий, объясняя, что для заседаний раввинского суда голова нужна как раз светлая:

– Элияху тоже считает, что опиумом нельзя злоупотреблять, – вспомнила Хана, – но и он никак не может помочь папе..., – старший брат держал процветающую врачебную практику в Амстердаме:

– У них с Сарой-Мирьям двое детей, – Хана полюбовалась ровными буквами мезузы, – и у меня тоже появятся малыши..., – о будущем она думала спокойно.

С мезузами и свитками ее должен был заменить кто-то из братьев, хотя отец всегда хвалил именно ее работу:

– Я все делаю быстрее других, – она посыпала пергамент песком, – и очень тщательно. У меня не случается ошибок даже в тексте Торы..., – писцам полагалось окунаться в микву перед началом дневной работы. Хана, незамужняя девушка, не могла появляться в микве открыто:

– Но мама обо всем заботится, – крутая лестница слегка заскрипела, – не зря она надзирает за главной миквой Казимежа..., – в окне, над крышами еврейского квартала распахивалось весеннее, яркое небо. По охряной черепице расхаживали серые голуби.

На Хану повеяло уютным запахом ванили и пряностей. Щеки матери покраснелись от жара очага. Мирьям покрыла голову домашним, шелковым тюрбаном:

– У нее до сих пор ни одного седого волоса, – благоговейно подумала девушка, – и ни одной морщины, а ведь ей почти шестьдесят лет..., – мать ласково обняла ее за плечи:

– Очень хорошо получилось, милая..., – на конторку легло потрепанное послание в запечатанном сургучом самодельном конверте, – складывайся и пойдем на кухню, – Мирьям улыбнулась, – я приготовила три перемены блюд, но для встречи со сватами надо подать пять, чтобы не ударить в грязь лицом..., – сегодня они ждали родителей будущей невесты Арье, самого младшего Горовица:

– Он женится и останусь одна я, – поняла Хана, – мне двадцать один год. В моих летах у всех женщин по трое-четверо детей..., – она всегда чувствовала себя неловко с непокрытой головой:

– словно я какая-нибудь уродина, – горько подумала девушка, – но ведь и они выходят замуж, а ко мне никто не сватается... – словно услышав ее, мать подмигнула:

– Потому что боятся. Ничего, – она поцеловала вороньи локоны на затылке дочери, – найдется и тот, что не испугается... – Хана повертела неподписанное послание:

– Это оттуда, – она указала глазами на восток, – что, наконец, заключают мир... – на границе Речи Посполитой и Московского царства второй год подряд продолжались стычки. Мать кивнула:

– Через две недели, неподалеку от Смоленска, – она сломала печать, – село называется... – Мирьям пошевелила губами, – Семлево... – Хана хотела спросить, как мать узнала о Смоленске, но прикусила язык:

– Она все всегда знает. Впрочем, и я тоже, кажется... – мезузы и свитки Торы ее научил писать отец. Мать с детства наставляла ее в изготовлении амулетов. Беременные женщины и родильницы платили золотом за пергаменты, защищающие от похитительницы младенцев, жестокой Лилит, и других демонов.

Хана подергала красную шерстяную ниточку у себя на запястье. Такие привозили из Святой Земли и продавали втридорога:

– Мама смеется, что их стригут ножницами в подвале, – девушка улыбнулась, – однако папа не против обыкновенных амулетов... – рав Горовиц разводил руками:

– Образованные люди, талмидей хахамим, в это не верят. Но ам ха-арец, простой народ, привык к подобным сказкам... – Хана знала, что существуют и другие амулеты, но мать пока не подпускала ее к таким заказам:

– Только когда я вернусь с востока, – она читала ровные строчки, написанные на польском языке, – где все должно пройти удачно... – мать присела рядом:

– Видишь, все складывается хорошо. Он привезет в Семлево сына, Федора... – Мирьям незаметно дрогнула веками, – вы еще с ним не виделись, он почти твой ровесник, немногим старше... – она коснулась серебряного медальона на шее девушки, – увидев тебя, он не устоит... – Хана прижалась головой к ее плечу:

– И потом я поеду на Святую Землю... – мать пощекотала ее:

– Непременно. Только не забудь отдать пану Петру амулет, – она опять повертела медальон, – это на удачу, я написала свиток особо для него... – Мирьям не хотела говорить дочери об истинном предназначении амулета:

– Она хорошая девочка, послушная, но вдруг она влюбится в Федора и решит взять амулет себе, – Мирьям передернулась, – вдруг он тоже ее полюбит, а время для свитка еще не пришло... – вслух она сказала:

– Когда вернешься оттуда, – Мирьям повела рукой, – я все устрою, не волнуйся. Отец будет считать, что малышка сирота. На Святой Земле ты спокойно выйдешь замуж и проживешь жизнь в счастье и довольстве... – Хана невозмутимо согласилась:

– Да. Значит, мне надо подождать Меира и отправиться в обозе Христофора Радзивилла... – второй по старшинству брат Горовицей удачно занимался делами и ссужал деньги литовскому гетману. Мать кивнула:

– Именно. Он за тобой присмотрит в дороге, а дальше ты сама разберешься... – Хана прижалась головой к плечу матери:

– Почему ты так уверена, что получится девочка... – Мирьям удивилась:

– А кто еще? Малышка будет такая же красивая, как ты и мы тоже назовем ее Ханой... Она добавила:

– Папа все поймет. Сейчас женится Арье, ты уедешь на Святую Землю, и мы с ним останемся совсем одни. Нам надо о ком-то заботиться, например, о бедном младенце, потерявшем всю семью... – она сунула записку в карман просторного домашнего платья:

– На кухне сожжем... – Мирьям потормошила дочь:

– Пошли, сладости сами собой не испекутся... – Хана остановилась на пороге чердака:
– Мама, – девушка склонила набок голову, – насчет Ковчега Завета ты мне ничего не скажешь... – Мирьям отозвалась:

– Не скажу. Но ты хочешь спросить и насчет Голема..., – Хана помялась: «Да». Мать хмыкнула:

– Не приведи Господь, чтобы оно опять понадобилось. Пусть спит до прихода Машиаха, а далее Бог сам разберется, что с этим делать...

Взявшись за руки, они спустились в подвал, на просторную, чистую кухню.

– Сегодня восемнадцатое августа, воскресенье, – радиола мигала зеленым огоньком, – в столице нашей родины, городе-герое Москва, десять часов вечера. Прослушайте последние известия. Сегодня столица социалистического Туркменистана украсилась яркими афишами. На экраны республики вышел цветной художественный фильм «Махтумкули»...

Большие, казенные, как о них думал Наум Исаакович, часы на стене кабинета показывали девять. Окна тяжеловесно обставленной комнаты выходили в сумеречный посольский сад, обнесенный бетонной стеной:

– Ограды отсюда не видно, – понял Эйтингон, – но это не значит, что ее не существует...

Несмотря на обещание бывшего начальника, Семичастного, он пока так и не навестил якобы выданную ему однокомнатную квартиру в новых домах рядом с Киевским вокзалом. Эйтингон почти не бывал в Москве, окончательно перебравшись на комитетскую дачу под Можайском. Бывшая семья им не интересовалась:

– Они привыкли к тому, что я всегда жил отдельно, – он прислонился лбом к прохладному стеклу, – но и они мне не нужны. Мне нужны девочки и Павел, но как их искать...

Павла, впрочем, искать не требовалось. «Юность» и «Комсомолка» исправно печатали рассказы и очерки молодого, как говорилось в аннотациях, талантливого автора, освещающего самоотверженную борьбу прогрессивных сил за дело мира во всем мире. Наум Исаакович не сомневался, что мальчик отлично разыгрывает свою роль:

– У него все понятно по лицу, – он помнил презрительный огонек в серых глазах парня, – он следует правилам, однако ненавидит советскую власть..., – услышав о гибели куратора Павла в Южной Америке, Эйтингон хмыкнул:

– Наверняка, Павел его и пристрелил. Но почему он тогда не сбежал, у него были все возможности..., – Наум Исаакович побарабанил пальцами по стеклу, – понятно, почему. Он знает, где Аня и Наденька, он человек чести и посчитал себя обязанным вернуться в СССР...

Павлин, как он про себя называл маэстро Авербаха, разумеется, понятия не имел, где находятся сестры Левины. Наум Исаакович и не стал ни о чем расспрашивать музыканта. В обмен на очередную упаковку таблеток маэстро получил письмо в запечатанном конверте с адресом некоего почтового ящика в Цюрихе:

– Только не отправляйте весточку из Праги, – заметил Наум Исаакович, – вернитесь в Вену и сходите на почтамт. На вашем месте я бы двинулся в обратный путь завтра..., – Моцарт проблеял что-то о показе спектакля и о концертах. Наум Исаакович больше не мог ничего сказать открыто:

– Здание, наверняка, утыкали жучками, – он поднял глаза к вентиляционной отдушине, – а в сад его было никак не вывести. Но завтра последний день, когда отсюда кого-то выпустят...

Он не мог сказать Моцарту что завтра вечером в Чехословакии появится четверть миллиона солдат. Две тысячи советских танков стояли на границе страны:

– Польша, – он загибал пальцы, – Болгария, Венгрия и наши ребята. Насчет ГДР еще идут переговоры..., – Брежнев хотел послать в Прагу и немецких солдат, однако местные оппоненты Дубчека боялись в таком случае натолкнуться на более яростное сопротивление чехов:

– Со времен оккупации прошло едва двадцать лет, – Наум Исаакович зажег сигарету, – они правы, не стоит провоцировать местное население..., – Брежнев и Андропов считали, что вторжение пройдет гладко. Наум Исаакович не был так в этом уверен:

– Ладно, посмотрим, что случится дальше, – решил он, – сначала надо арестовать Дубчека и его припевал..., – Эйтингона послали в Прагу именно за этим. Арест производился тщательно отобранной группой войск специального назначения:

– Но Сашу не стоило к этому привлекать, – он присел на подоконник, – пусть он занимается операцией «Свадьба». Он выполнил мою просьбу, а остальное не его дело...

Эйтингон вычеркнул из состава спецназовцев и рекомендованного немецкими товарищами Альбатроса, Иоганна Брунса: -Парнишка еще молод, – сказал Эйтингон Маркусу Вольфу, – пусть сначала он обретет опыт работы дома. Потом мы найдем ему достойное дело..., – Наум Исаакович и шага не мог ступить с территории посольства:

– Однако жучки не зафиксируют то, что я передал Моцарту письмо, – он ткнул окурком в чеканную, среднеазиатскую пепельницу, – я вел себя очень осторожно..., – он заранее нашел наиболее безопасную позицию в кабинете и понизил голос в разговоре с Моцартом:

– У него, кажется, падает слух, – маэстро несколько раз переспрашивал Эйтингона, – как бы это не оказалось побочным эффектом таблеток, – Науму Исааковичу было наплевать на слух музыканта:

– Главное для меня – письмо, – вокруг деревьев в саду метались летучие мыши, – фон Рабе узнает, что у него в СССР растет сын и тогда он не преминет появиться в стране..., – конверт Наум Исаакович адресовал на номер абонентского ящика, полученный им от Саломеи:

– Оказавшись в Москве, отправьте открытку на этот адрес, – написал он в конце, – укажите отель, в котором вы остановились и вас найдут..., – Эйтингон не мог дать никакого другого адреса, кроме своей так называемой квартиры на Киевской:

– Придется еще раз идти на поклон к Павлу, – он оторвался от окна, – но я объясню, что это ради него самого и девочек. Мы найдем фон Рабе его сына, а он поможет Павлу и близняшкам оказаться на западе...

Мебель в посольстве оказалась добротной довоенной работы. Эйтингон не сомневался, что со столов и шкафов двадцать лет назад сбили инвентарные номера со свастиками:

– В особняке помещалось пражское гестапо..., – он полистал вчерашний отчет местной службы госбезопасности, – если бы во времена Гейдриха здесь оказался господин Майер, ему бы не поздоровилось...

Пятеро осведомителей, находившихся в зрительном зале театра «На балюстраде», одновременно сообщали о наглом глумлении зарубежного режиссера над Советским Союзом:

– Советская власть превращает людей в насекомых..., – усмехнулся Наум Исаакович, – у мальчишки отличные задатки, недаром он получил Оскара..., – к отчету прилагались и рукописные афишки следующего представления. Эйтингон хлопнул себя по лбу:

– Майер торчал в лагере Че ..., – он видел копию документальной ленты, – где был и Павел с покойным Антоном Петровичем. Павел мог что-то ему рассказать..., – рядом с отчетами лежали черновики будущих статей в прессе:

– Как создавалось антисоветское подполье в Чехословакии..., – он повертел крепкими пальцами ручку, – нити заговора ведут на запад..., – Эйтингон снял трубку телефона:

– Именно туда, например, в Британию. Завтра Моцарт уберется отсюда, он не такой дурак, чтобы сидеть в Праге после пропажи родственника, поставившего антисоветский спектакль..., – отряд специального назначения пока ждал распоряжений:

– Это товарищ Котов, – сказал Эйтингон, – пора заняться делом, ребята.

С балкона номера Клары и Джованни была хорошо видна крыша Староновои синагоги. После концерта Генрика они решили поужинать в отеле:

– Не хочется больше никуда ходить, – зевнул Джованни, – да и вечер на дворе..., – они вернулись в гостиницу, когда над Прагой поднялась яркая, полная луна. Теплый ветер с реки шевелил занавеси, вспыхивали огоньки сигарет:

– Завтра еще один концерт, – Аарон налил жене кофе, – потом последнее представление и можно возвращаться в Вену...

Генрик не собирался говорить семье о своей встрече с неизвестным русским:

– Вернее, очень даже известным, – письмо он надежно спрятал среди своих вещей, – это так называемый товарищ Котов, то есть Эйтингон. Интересно, зачем он пишет в Цюрих..., – Тупице почти захотелось распечатать конверт или даже привезти весточку тете Марте, однако он одернул себя:

– Нельзя, – Генрик спокойно болтал с семьей о пустяках, – иначе я могу в один прекрасный день выйти из дома и больше туда не вернуться. С такими людьми, как Эйтингон, шутки опасны..., – он утешил себя тем, что не делает ничего дурного:

– Это всего лишь письмо, – Генрик повертел конверт, – что опасного может быть в письме? Главное, что теперь у меня есть мои таблетки..., – он принял сразу две и чувствовал себя отлично.

Концерт, где он играл Дворжака, прошел с овациями. На две сотни мест в театре набилась чуть ли не полтысячи человек:

– И завтра будет то же самое, – хмыкнул Тупица, – завтра поет Адель, с моим аккомпанементом..., – он незаметно погладил руку жены:

– Давай сегодня ляжем спать пораньше, – шепнул Генрик, – а завтра перед концертом прогуляемся к реке. Погода стоит отличная, к вечеру жара спадет..., – внизу перемигивались огоньки машин, раскачивались городские фонари. Клара блаженно вытянула ноги:

– Мы с отцом завтра тоже встанем только к обеду, – она улыбнулась мужу, – а вы вроде собирались в музей..., – Тиква кивнула:

– В галерею, то есть на квартиру. Неофициальные художники здесь в музеях не выставляются..., – в театре Аарон познакомился с молодым драматургом, господином Гавелом:

– Он и Иржи, то есть господин Менцель, пригласили нас на подпольный вернисаж, – Аарон зажег матери сигарету, – местный художник сделал комикс о Големе. Посмотрим на рисунки, если на чердаке синагоги его не оказалось..., – Джованни поднял бровь:

– Дай догадаюсь. Голем сражается с советской властью..., – Аарон развел руками:

– Несмотря на либеральные настроения Дубчека, здесь до сих пор полно осведомителей и служба госбезопасности не дремлет. Я уверен, что на спектаклях и концертах найдутся стукачи. Ребята противостоят тоталитаризму своим искусством. Надо их поддержать, пусть и посещением выставки. Для них это важно, мы иностранцы и уедем отсюда, а они останутся жить в Праге, – Адель заметила:

– Все равно, рано или поздно, но здесь все обрушится. Советский Союз падет, как пал Египет. Евреи перейдут свое Красное море и окажутся в Израиле..., – Джованни невесело отозвался:

– Еще ни одна империя в мире не пала без жертв. Когда британцы ушли из Индии, в стране началась резня. Надеюсь, Европа такое минует, но я не уверен, что мы увидим, как распадается советская система. Хотя вы, может быть, и доживете до этих дней...

Разговор перешел на Мон-Сен-Мартен. Тиква собиралась пробыть в поселке месяца три:

– Потом я приеду, – пообещала Клара, – и помогу тебе перебраться в Лондон. Хотя к тому времени и Аарон вернется из Америки..., – сын согласился:

– Документальный проект много времени не займет, – Аарон не хотел пока говорить семье о будущем фильме, – потом мы с Тиквой займемся монтажом, а весной меня ждут в Голливуде на актерские пробы для «Земли крови», – Рубин хотел начать съемки фильма в мае, в Испании. Тиква посчитала на пальцах:

– Малышам будет девять месяцев. Я смогу приехать к тебе, но, ты, наверное, не захочешь отвлекаться на отцовские обязанности... – Аарон весело ответил:

– Придется. В конце концов, надо подавать пример мужчинам. Я феминист, хотя такого слова, кажется, пока не придумали... – Генрик тоже собирался уйти, как он говорил, в небольшой отпуск:

– Но это только следующим летом, когда мы привезем из Израиля малышей, – понял он, – тоже двоих, как у Аарона и Тиквы. Тетя Клара обрадуется, сразу четверо внуков... – об именах они пока не говорили:

– Но и Аарон с Тиквой не говорят, – подумал Генрик, – а тетя Клара не делала ремонт в будущей детской... – теща, по его мнению, отличалась суеверием. Он помнил, что шурин хотел назвать мальчика в честь своего отца, а девочку – в честь матери Тиквы:

– Людвиг и Цила, – Генрик поискал на столе сигареты, – наверное, не Людвиг, а что-то более современное... – свояк поднялся:

– Мы, кажется, все выкурили. Я прогуляюсь до магазина, – он положил руки на плечи жены, – ты не вставай, не надо... – он поцеловал черные, коротко стриженные волосы, – завтра, кстати, купим для Мишель книжки про крота, ей понравится... – Тиква отозвалась:

– Жаль, что они только на чешском, но истории простые, я ей сама буду рассказывать... – Мишель еще любила, когда ее укладывали спать. Аарон проверил кошелек:

– Я сейчас вернусь. Заодно принесу Кофолу и еще пива... – Тикве и Адели нравился здешний напиток, напоминающий кока-колу. Послушав шаги сына по лестнице, Клара смешливо заметила:

– До войны никакой Кофолы не было. Мы пили кока-колу, но коммунисты боятся даже содовой воды, если она американская...

На улице хлопнула дверь какой-то машины. Красные огоньки фар скрылись за углом.

Серые булыжники Рыбной улицы заливало утреннее солнце. В тесном полицейском участке крутился старый вентилятор. На стене красовался яркий плакат с двумя рабочими в касках, изучающими газету:

– Руде Право, – прочла Клара, – помощник в деле строительства социализма... – она не поняла, кто из девочек вложил ей в руку носовой платок. Стерев пот со лба, Клара заставила себя собраться:

– Он родился после войны, – полицейский за стойкой был совсем молоденьким, – он не знает, что такое оккупация...

Клара тоже не знала, однако она хорошо помнила, что случилось с покойным Людвигом:

– В их пансион в Лейпциге приехало гестапо, – она утихомирила трясущиеся пальцы, – Людвиг арестовали прямо за завтраком... – муж невесело замечал:

– Хозяин экономил на отоплении, гости сидели за столами в пальто и шарфах. Но шляпу я из номера не взял, а ведь арестовали меня осенью. Хорошо, что в Дахау товарищи отыскивали мне шапку... – за вязаную шапку для Людвиг заплатили провизией, отложенной из передач с воли:

– Немцы получали передачи, – Клара сглотнула, – а я не знала, жив Людвиг или нет... – сейчас она не знала, что произошло с ее сыном:

– Двенадцать часов, – билось в голове Клары, – прошло двенадцать часов, с тех пор, как Аарон покинул номер. Он собирался только в магазин неподалеку, он не захватил с собой паспорт и водительские права... – документы сына лежали на конторке перед полицейским. Он лениво полистал бумаги:

– Вы граждане Великобритании... – парень пристально взглянул на Клару, – но почему вы говорите по-чешски... – палец женщины уткнулся в ее паспорт:

– Потому что я родилась на Виноградах, – устало ответила Клара, – что и указано в моем удостоверении личности... – она повертела британским львом перед лицом полицейского... –

мы уехали из Праги в тридцать восьмом году... – Клара побарабанила по конторке, – вам надо не задавать мне вопросы, а заниматься делом... – она не могла подумать о пропаже сына:

– Товарищей Людвиг по партии арестовывали именно так, – Адель вовремя поддержала ее под руку, – они выходили за папиросами и не возвращались домой... – вчера вечером Генрик обошел все магазины рядом с гостиницей:

– Однако там Аарона никто не видел, – Клара опять вытерла лоб, – и портье тоже ничего не знает...

От отеля до ближайшей лавки было не больше пяти минут медленным шагом. Она украдкой посмотрела на часы:

– Девять утра. Генрик и Джованни должны сейчас разговаривать с кем-то из посольства... – муж и зять отправились в британское представительство на Малой Стране. Клара все время возвращалась мыслями к тридцать восьмому году:

– Тогда Питер ходил к британцам. И доктор Судаков тоже ходил, за сертификатами на выезд в Палестину... – тридцать лет назад посольство располагалось в Старом Городе, – тогда нам удалось спасти детей, удастся и сейчас... – ночью Клара решительно сказала:

– Я никуда отсюда не двинусь, пока Аарон не вернется... – Тиква кивнула:

– Разумеется. Но тете Марте звонить не стоит... – Адель мрачно подтвердила:

– Нет. Либерализм либерализмом, но здесь ей появляться опасно, это социалистическая страна... – в Прагу не могли прилететь и Волк с доктором Гольдбергом:

– В СССР они оба приговорены к расстрелу, – вздохнул Джованни, – им нельзя рисковать своими жизнями. Не плачь, милая, – он привлек Клару к себе, – может быть, его просто ограбили на улице, здесь туристический район... – Тиква раздула изящные ноздри:

– Нет, – девушка поднялась, – мне кажется, Аарона надо искать вовсе не в госпиталях, – все госпитали они обзвонили, – а в местном КГБ, то есть в госбезопасности, – она потеряла руками лицо, – все из-за нашего спектакля...

Клара терпеливо ждала, пока полицейский перепишет данные паспорта Аарона:

– Моего сына не пожрет Молох, – она выпрямила спину, – я вырву его даже с Лубянки, если такое понадобится... – полицейский вернул ей документы:

– Вообще мы открываем дело о пропаже только после трех суток безвестного отсутствия, – заметил он, – вашему сыну почти тридцать лет, он не ребенок, госпожа Майерова... – по мнению юноши, дамочка делала из мухи слона:

– Парень решил проветриться и немного загулял... – он исподтишка взглянул на беременную девушку, – жена у него красивая, но и красивым изменяют... – вторая женщина, постарше, представилась сестрой пропавшего Майера:

– Она тоже красавица, – хмыкнул юноша, – только у них у всех усталые лица. Парень где-то отсыпается, а они переживают... – полицейский добродушно посоветовал:

– Идите домой и отдохните, – он захлопнул папку, – обещаю, что ваш сын скоро вернется в отель... – на тротуаре им в лицо ударил жаркий ветер.

На Малой Стране гомонили туристы, издали раздавался бой ратушных часов. Клара пыталась зажечь сигарету:

– Он не открыл дело, он попросту выгнал нас из участка, – женщина всхлипнула, – девочки, я не знаю, что теперь... – уверенная рука выкинула ее влажную от слез сигарету в урну:

– Мы все время при тебе курим, Адель, – отчего-то сказала Тиква, – а ты молчишь, – Адель обняла мать:

– Ничего страшного, я потерплю. Держи, мамочка, – она сунула Кларе новую сигарету, – не волнуйся, пожалуйста, все будет хорошо... – Тиква остановилась:

– Погоди, – она порылась в своей замшевой торбе работы Сабины, – он мне давал карточку... – девушка вытянула на свет кусочек картона, – точно, все на месте..., – она прищурилась:

– Вроде свободное такси. Адель, присмотри за тетей Кларой, я скоро приеду, – ступив на мостовую, Тиква замахала машине.

Джованни быстро узнал в нынешнем после Ее Величества в Чехословакии своего бывшего ученика. В сороковом году юный студент Кембриджа, мистер Говард Смит, занимался в группе Джованни в Блетчли-парке:

– Вы шутили, что математикам хорошо даются языки, мистер ди Амальфи, – над чашкой цейлонского чая поднимался ароматный дымок, – но я был исключением..., – посол поправил университетский галстук, – мой французский остался неловким..., – Джованни вспомнил:

– Он работал в шестом бараке, как мы тогда говорили, в команде покойного Тьюринга. Он из простой семьи, ходил в обычную школу, но выиграл стипендию в Кембридж из-за своего таланта..., – Джованни заметил:

– Я не знал, что вы после войны пошли по дипломатической стезе, господин посол..., – глава миссии поднял руку:

– Просто Говард, пожалуйста. Я все-таки ваш студент, – он подвинул Генрику шкатулку с сигаретами:

– Мистер Авербах, позвольте выразить восхищение вашим необыкновенным талантом. Я бывал на ваших концертах..., – Тупица не мог отделаться от мыслей о товарище Котове: – Но даже если я все расскажу дяде Джованни и тете Кларе, мы все равно ничего не сможем сделать, – понял он, – если Аарона арестовала здешняя госбезопасность, он все равно, что мертв..., – у Генрика похолодели руки, – и никто его не спасет..., – оказалось, что посол Смит провел какое-то время в Москве:

– Я хорошо подготовлен к работе в социалистическом государстве, – он вздохнул, – то есть вы здесь с частным визитом..., – услышав всю историю, Смит покрутил пальцами:

– Не могу не признать, что поведение вашего пасынка и его жены..., – он поискал слово, – было весьма неосторожным..., – Смит взглянул на Генрика:

– И вы тоже давали, – он покашлял, – запрещенный концерт, мистер Авербах..., – Тупица сердито отозвался:

– Не запрещенный, а частный..., – Генрику приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова, однако он списал это на усталость, – я постоянно играю по личным приглашениям меценатов, мистер Смит..., – посол поджал губы:

– Насколько я понимаю, ваш вчерашний концерт был бесплатным, – Генрик пыхнул сигаретой:

– И сегодняшний тоже будет. Не бесплатным, а благотворительным. Мы с женой нередко так выступаем, например, в университетах. Мистер Смит, в музыке нет ничего политического..., – посол поиграл бровями:

– Смотря в какой музыке. Дворжак и Сметана в нынешней обстановке очень политизированные композиторы, не говоря о творчестве Кафки..., – Джованни надоело ходить вокруг до около:

– Питер в тридцать восьмом году тоже боролся со здешними бюрократами..., – он подтянул к себе костыль, – министерство иностранных дел долго запрягает, а ездит еще дольше..., – он довольно резко прервал посла:

– Моя жена, падчерица, то есть миссис Майер-Авербах и жена мистера Майера пошли в полицию..., – в груди закололо, но Джованни велел себе терпеть, – однако британское посольство должно послать ноту здешнему правительству..., – Смит покачал головой:

– Мистер ди Амальфи, откровенно говоря, пока я не вижу никакого повода для подобных действий. Существует дипломатический протокол, – костью с грохотом опустился на блестящий паркет:

– Плевать я хотел на протокол, – громко сказал Джованни, – мистер Майер не мог пропустить просто так, его арестовала здешняя госбезопасность, то есть руки к его исчезновению приложили русские..., – Смит явственно вздрогнул:

– Мистер ди Амальфи, успокойтесь, пожалуйста, – примирительно сказал дипломат, – я здесь человек новый, я приехал две недели назад, но даже я могу сказать, что правительство Дубчека находится на грани падения. Русские могут ввести сюда войска и арестовать главу страны, чтобы прекратить либерализацию. В такой ситуации судьба мистера Майера..., – Джованни холодно сказал:

– Ничего не значит. Вы работали в России, вы знаете их поговорку. Мой пасынок не щепка, летящая при рубке леса, а человек..., – он все-таки вышел из себя, – у него есть жена, они в скором будущем ожидают рождения детей. Вы не можете..., – он размеренно подышал, – не можете и не должны списывать его со счетов, как случайную жертву..., – посол заволновался:

– Мистер ди Амальфи, поймите и вы меня..., – он подлил Джованни чая, – у нас есть своя субординация. Вы работали на армию, пусть вы и гражданский человек, вы знаете, что это такое..., – Джованни выпрямился:

– Знаю. Поэтому сейчас вы проведете нас в комнату безопасной связи, где мы позвоним в Лондон..., – Генрик шепнул:

– Тетя Марта сюда прилететь не сможет, но Иосиф отлично знает немецкий и у него под рукой есть любые паспорта..., – посол помялся:

– Хорошо. Но, учитывая нынешнюю ситуацию, я бы не советовал вам участвовать в дальнейших, – он помешал чай, – сомнительных выступлениях. У оппонентов режима есть подпольная радиостанция, – он кивнул на радиолу с бронзовой эмблемой «К и К», – они, не стесняясь, критикуют режим. Я слышал о спектакле мистера Майера именно по их каналу..., – Генрик вскинул голову:

– Я играл в Будапеште в пятьдесят шестом году, – посол открыл рот, – я никогда не отменял концертов и сейчас не собираюсь. Что касается радиостанции, то если режим затыкает людям рот, то их право – высказывать свое мнение, господин Смит. В этом и заключается демократия...

Радиола внезапно затрещала. Через помехи до них донесся знакомый, высокий женский голос. Она говорила на немецком языке:

– Шмуэль в Будапеште тоже работал на подпольном радио, – вспомнил Генрик, – Аарон говорил, что трансляциями заведует молодой драматург, господин Гавел..., – Тикву, видимо, переводил именно он:

– Но здесь почти все понимают по-немецки, – подумал Тупица, – ее услышит весь город ...:

– Мой муж, режиссер Аарон Майер, вчера был арестован силами местной госбезопасности, – сказала Тиква, – видимо, по наущению будущих советских оккупантов. Его вина состоит в том, что он поставил оппозиционный спектакль. Если вам дорога свобода, – Тиква повысила голос, – приходите сегодня вечером к театру «На балюстраде», где состоится концерт и протест против незаконного задержания господина Майера. Долой диктатуру СССР! Да здравствует независимая, демократическая Чехословакия!

Ложечка посла со звоном упала на блюде.

В почти семьдесят лет Наум Исаакович щеголял легкой, почти юношеской походкой. Память у него тоже была отличной, хотя, как он выражался, для порядка, он иногда записывал

что-то в простой черный блокнот, перетянутый резинкой. Канцелярию ему привозил из зарубежных поездок Саша:

– Он вырос хорошим мальчиком, – Эйтингон потер крепкий подбородок, – я хотел, чтобы меня заменил Матвей, но Матвея мы потеряли... – Сашу он терять не собирался. Науму Исааковичу только не нравилось болезненное, как он считал, увлечение мальчика окончательно спятившей дочерью Журавлевых:

– Пора подвести под этим черту, – хмыкнул он, – пусть она гниет во Владимирском Централе. Мальчик привезет сына из Британии... – Эйтингон знал о ребенке, – и у него появится настоящая семья... – он, впрочем, не считал предполагаемое кураторство Марты Журавлевой настоящей семьей. Девушка, по мнению Эйтингона, пошла и внешностью и характером в мать:

– Британцы спрятали ее брата, – он поправил раскаленный добела прожектор, – Моцарт ничего о нем не говорил, а мы не хотели на него наседать... – несмотря на почти сутки работы, Майер тоже пока не сказал ничего интересного:

– Ничего, что бы стоило записать в блокнот, – Наум Исаакович предусмотрительно держал книжку подальше от брызг крови, – я надеялся, что у меня появится информация о девочках или о проклятом мистере Питере Кроу... – на заднем форзаце блокнота пока значилось только имя Странницы. Эйтингон не собирался забывать о предательнице:

– Мы найдем ее и покараем, как нацисты покарали Гертруду Моллер, – он налил себе полезной карлсбадской воды, – Саша этим займется, Странница не уйдет от возмездия... – прощать провал резидентов в США, разумеется, было нельзя:

– И о ней Майер тоже может что-то знать, – Наум Исаакович мягко ступал по каменным плитам камеры, – но ведь он молчит... – режиссер оказался крепким парнем. Главная тюрьма чешской столицы, Панкрац, была хорошо оборудована, но доступа к фармакологии у Наума Исааковича не имелось:

– И нет времени заказывать что-то из Москвы, – он сверился с часами, – через тридцать минут наши танки войдут в город... – пока с Майером не делали ничего того, что нельзя было бы объяснить нападением случайных хулиганов или наездом машины:

– Я даже прожектор включил только сейчас, – Наум Исаакович наклонился к окровавленному, надорванному уху парня:

– Я знаю, что вы меня слышите, Майер, – прошелестел он по-английски, – прекратите упрямиться. Ответьте на мои вопросы, и мы не станем препятствовать вашему выезду из страны. Ваша жена ожидает ребенка, – о беременности актрисы ему рассказал Моцарт, – неужели вам не хочется увидеть ваших малышек, взять их на руки... – услышав запись трансляции подпольного радио, Эйтингон едва не отдал приказ об аресте проклятой девчонки Майер:

– Она тоже дочь нашего агента, как Моцарт, – Наум Исаакович сдержал ругательство, – но сейчас важно даже не это, а то, что Майер при ней разговорился бы... – Эйтингон велел себе подождать. Девица и так должна была оказаться у них в руках. Одному из танковых батальонов велели двигаться к театру «На Балюстраде»:

– Но Моцарт там не появится, – успокоил себя Эйтингон, – он не станет болтаться в городе после ареста Майера... – Наум Исаакович надеялся, что музыкант сейчас где-то на пути к австрийской границе:

– Если он вообще ее давно не пересек с моим письмом в кармане, – он приказал не беспокоить себя во время работы, – посмотрим, как запоет мальчишка, когда здесь окажется его жена. Ребятам в специальном подразделении все равно, беременна она или нет...

Через двадцать минут парни выдвигались в сторону правительственной резиденции, где находился Дубчек. Арестованного главу Чехии, вкуче с его подпевалами, как говорил Эйтингон, срочно перевозили в Москву:

– Куда мы можем отправить и Майера, – Наум Исаакович щелкнул зажигалкой, – он сгниет в психушке или в бараке за Полярным кругом..., – Эйтингон распахнул перед парнем портсигар. Заплывшие синяками глаза взглянули на него, Майер даже не двинул руками в наручниках:

– Мистер Майер, – проникновенно сказал Наум Исаакович, – ваш покойный отец был коммунистом, он сидел в Дахау. Вы сняли замечательный фильм, тоже о коммунисте, Че Геваре..., – он кружил рядом с привинченным к полу табуретом, – я, коммунист, прошу вас всего лишь поделиться кое-какими сведениями. Например, встречали ли вы в лагере Че других коммунистов, уроженцев западных стран...

Наум Исаакович подозревал, что Павел приехал в Южную Америку вовсе не с советским паспортом:

– Это простой вопрос, – он опять остановился, – назовите имена этих людей, расскажите, о чем вы с ними разговаривали и вас отпустят восвояси..., – парень зашевелил разбитыми губами. Комок кровавой слюны шлепнулся прямо на пропотевшую рубашку Эйтингона:

– Жаль, что я не попал в лицо, – услышал Наум Исаакович, – ты никакой не коммунист, проклятая тварь, ты такой же нацист, как и пытавшие меня беглые эсэсовцы..., – Майер измучено закрыл глаза. Вытерев рубашку носовым платком, он поднял телефонную трубку:

– Вас отведут в камеру, – ему надо было ехать к Дубчеку, – мы не прощаемся, господин Майер..., – Эйтингон коротко приказал по-русски:

– Присылайте сюда охрану, наш гость нуждается в отдыхе.

Несколько крепких парней, появившихся в театре «На Балюстраде» за пару часов до концерта, на руках перенесли рояль на улицу:

– Иначе никак не получится, маэстро, – смешливо заметил один из них, – сегодня вечером сюда придет вся Прага..., – толпа запрудила переулок, выплескиваясь на набережную Влтавы. В теплом сумраке перемигивались огоньки сигарет.

Над головами белели плакаты на английском языке: «Остановить беззаконие! Свободу Аарону Майеру и другим политическим заключенным! СССР, руки прочь от Чехии!». Перед концертом Генрик и Адель, вместе с Тиквой, дали короткое интервью пришедшим к театру журналистам:

– Все получилось отлично, – заметил кто-то из американских газетчиков, – но придется подождать, пока восстановят связь с западом..., – Генрик подозревал, что Прагу попросту отрубили от связи. Безопасная линия в британском посольстве тоже не работала:

– Такое случается, – развел руками мистер Смит, – надо подождать..., – Джованни хмуро заметил:

– Как бы не пришлось ждать ровно до начала советского вторжения в страну, господин посол. Ладно, – он взял костыль, – спасибо за помощь, то есть за ее неказание..., – Смит только густо покраснел.

Никакой другой возможности связаться с западом у них не существовало. Генрик с Аделью днем дошли до городского почтамта. В окошечке международной связи красовалось написанное от руки объявление. Адель зашевелила губами. Жена помнила чешский язык: –Закрывается по техническим причинам, – невесело сказала она, – посмотрим, что происходит с телеграммами..., – с телеграммами происходило то же самое. Генрик даже не пытался предложить семье покинуть страну:

– Понятно, что они никуда не уедут..., – рояль водрузили на спешно построенный театральными плотниками помост, – тетя Клара не успокоится, пока не узнает, где Аарон...

Генрик взял с собой письмо русского, сунув измятый конверт в карман джинсов. Он играл без фрака и даже без пиджака. Адель вышла на помост в летнем платье, с чешским флагом в руках. Молодежь, завидев ее, взревела. Ребята подпевали народным песням, барабаны по расписанным граффити доскам:

– После концерта я вскрыю конверт, – решил Тупица, – и расскажу обо всем дяде Джованни и тете Кларе. То есть не обо всем, – он пока не мог найти себе сил признаться во всей правде, – я скажу, что встречался с Эйтингоном в Москве и что он сейчас здесь..., – глядя на замкнутое, хмурое лицо Тиквы, Генрик обещал себе вернуться в русское посольство:

– Я приду туда завтра, – он переждал овацию Адели, – и скажу, что я готов на что угодно в обмен на освобождение Аарона..., – Тупица понял, почему арестовали шурина:

– Не из-за спектакля, постановка ерунда. Нет, русские хотят больше узнать о нашей семье. Я им ничего не рассказывал, впрочем, они и не спрашивали, то есть не спрашивали по-настоящему..., – Генрику стало страшно:

– В Южной Америке Аарон побывал в руках беглых нацистов..., – он вспомнил пристальные, холодные глаза Эйтингона, – он смотрел на меня так же, как господин Ритберг, то есть фон Рабе, смотрел в Швейцарии. Никакой разницы между нацистами и коммунистами нет...

Шум в ушах, беспокоивший его днем, исчез, голова стала ясной:

– Теперь я знаю, что мне надо делать, – Генрик полистал ноты, – спасающий одну жизнь словно спасает весь мир. Аарон не может погибнуть. Я сделаю все, что в моих силах, но русские его отпустят..., – толпа утихла, он громко сказал:

– Мой покойный отец тоже был музыкантом. Он выжил в гитлеровском плену, бежал и добрался до Африки, но потом вернулся в Европу с союзными войсками..., – люди заплотились, – он играл в Берлине, в мае сорок пятого года, у Бранденбургских ворот. Я исполню для вас, для всей Праги, для всей страны..., – на помосте стояли микрофоны подпольной радиостанции, – музыку, звучавшую тогда, музыку, написанную Шопеном во время польского восстания прошлого века. За нашу и вашу свободу, – Генрик положил руки на клавиши, – звучит «Революционный этюд»...

Он сразу понял, что еще никогда так не играл. Тупица почти пожалел, что в толпе нет газетных рецензентов:

– Они бы написали, что это мой лучший концерт, – по лицу текли слезы, – так оно и есть...

Краем уха он услышал шум с набережной. Музыка взмывала в звездное небо, грохот приближался:

– Танки, – отчаянно заорал кто-то, – сюда идут русские танки!

Джованни заранее выбрал место рядом со входом в театр. Завидев его костыль и просторное платье Тиквы, чешские парни немедленно притащили стулья. Двери театра распахнули:

– Отсюда хорошо слышно, – сказал он Кларе, – жаль только, что мы с другой стороны помоста..., – он взял руку Тиквы:

– Ты все правильно сделала, милая, – шепнул Джованни, – насчет выступления по радио. Люди должны были услышать правду и они ее услышали..., – он указал на толпу, забившую переулок, – завтра мы найдем способ связаться с Лондоном..., – Джованни вспомнил о своей военной работе в Блетчли-парке:

– С подпольной радиостанции можно послать сигнал СОС, – подумал он, – его запеленгуют передатчики НАТО в Западной Германии, а остальное дело техники..., – он не сомневался, что расшифрованную радиограмму передадут Марте.

Шепотом поделившись своим планом с Кларой, он добавил:

– Она что-нибудь придумает. Если, например, Иосиф завтра вылетит в Вену, то послезавтра он окажется здесь. Марта нажмет на бюрократов в Министерстве Иностранных Дел. Не надо плакать..., – он ласково коснулся седины на виске жены, – Аарон скоро к нам вернется..., – во время концерта Джованни отчего-то размышлял о дочерях. Он все равно не верил, что младшая Лаура мертва:

– И она вернется... – Клара быстро передала ему носовой платок, – хоть бы старшая моя девочка сменила гнев на милость. Мне почти восемьдесят, – он думал о своем возрасте спокойно, – мне бы хотелось уйти, зная, что в семье все примирились...

Он слушал сильное, гремящее над головами толпы сопрано Адели. Кроме народных песен, падчерица исполнила *Va Pensiere* из «Набукко». Хоровую мелодию оркестровали для сольного выступления:

– Она всегда срывает овацию с этой арией, – хмыкнул Джованни, – в Израиле она однажды пела ее на бис три или четыре раза... – он тоже решил, что Генрик сегодня играет, как никогда раньше:

– Наверное, так играл его отец у Бранденбургских ворот, – Джованни вздохнул, – словно это его последний концерт. Правильно он говорит в интервью, его руками водят сердце и душа... – он не выпускал рук жены и Тиквы:

– Родятся малыши, – ласково подумал Джованни, – Пауль обрадуется. Он ждет детишек, рассказывает, как сделает им игрушки. Будут две девочки или два мальчика, или даже девочка и мальчик... – перед их отъездом в Вену Пауль грустил:

– Он просил нас не улетать, – Джованни погладил ладонь жены, – даже плакал. Но Пауль не любит оставаться один... – Инге и Сабина сейчас жили в Хэмпстеде, но Джованни знал, что Пауль плохо переносит разлуку с ними:

– Ему сорок лет этим годом, а он словно малыш. Но Клара расскажет ему о Праге, он иногда думает, что еще живет здесь... – Джованни очнулся от испуганного голоса Клары:

– Милый, там кричат... – жена поднялась, – Господи... – Клара побледнела, – по набережной идут танки... – гусеницы грохотали по булыжнику. Джованни мимолетно подумал о первой войне:

– Больше полувека прошло, с тех пор, как мы вместе со старым Джоном лежали в бельгийском окопе, – Тиква сунула ему костыль, – теперь его внук женится, а у меня скоро родятся правнуки... – он думал о детях Аарона именно так, – тогда перед нами были немецкие танки, а теперь советские... – машины остановились в нескольких метрах от толпы. На помосте Генрик вскочил со стула:

– Он помнит русский язык, – белый свет прожекторов осветил переулок, – он машет им руками... – Генрик отчаянно закричал:

– Не стреляйте! Это концерт, здесь нет оружия... – он толкнул Адель к краю помоста, – не стреляйте, пожалуйста... – толпа ахнула. Джованни почти забыл звук танковых снарядов:

– Но Генрик помнит, – маэстро соскочил вниз, увлекая за собой Адель, – в Венгрии он садился за рычаги танка, чтобы спасти Эмиля и остальных... – помост раскололся почти надвое, рояль с грохотом свалился на булыжник, – сейчас начнется давка... – Тиква пронзительно завизжала.

Еще один танк, вывернув из-за поворота переулочка, въехал в угол театрального здания. Зазвенело разбитое стекло, им на головы посыпалась штукатурка: – Клара, – велел Джованни, – забирай девочек и Генрика, уводи всех отсюда, – она помотала головой:

– Нет, нет... – жена вцепилась в рукав его пиджака, – не надо, милый, – Джованни подхватил костыль:

– Я инвалид, я старик, милая, они ничего мне не сделают... – он бесцеремонно развернул Клару и Тикву в сторону фойе, – я могу попросить их не стрелять, пусть и с акцентом... – он торопился, прихрамывая, к башне замершего перед театром танка:

– Главное, чтобы они не пустили второй снаряд, – сказал себе Джованни, – здесь тысячи человек, и все они могут потерять голову и пойти в атаку на русских, – он поднял вверх раскрытую ладонь:

– Пожалуйста, не стреляйте, – Джованни кричал, – не надо больше жертв... – рядом с остатками помоста он заметил лужу крови, – я прошу вас... – он шагнул ближе к танку:

– Покойный Питер атаковал такие же, только немецкие..., – он пытался удержаться на костыле, – но разница между ними небольшая..., – тридцать четверка медленно повернула пушку в его сторону, двигатели взревели. Джованни стоял на месте:

– Они не двинут машину вперед. Они видят, что мы безоружны, что здесь только гражданские люди..., – что-то заскрипело, он улыбнулся:

– Словно на качелях. В двадцатом году я привез Лауру в Париж, они с Мишелем играли в Люксембургском саду..., – старшая дочь стояла на сиденье, ветер развеивал ее темные волосы:

– Папа, – весело закричала Лаура, – иди к нам..., – скрип сменился хрустом, Джованни не слышал истошного крика из фойе театра:

– Нет, пусти меня, пусти..., – каблук подломился, Клара упала на булыжники переулком рядом с мужем. Проехав по их телам, танк выстрелил в открытые двери театрального фойе.

Генрик не забыл запаха танковой брони, резкого аромата бензина, тесной полутьмы машины:

– Словно в пятьдесят шестом году, – руки привычно легли на рычаги, – тогда рядом со мной были Адель и дядя Эмиль и с тетей Цилой, а сейчас Адель и Тиква..., – он услышал всхлипывание девушки, уверенный голос жены:

– Успокойся, милая, – Адель обнимала кузину, – я уверена, что дядя Джованни и тетя Клара ждут нас в гостинице..., – Генрик на мгновение обернулся. Жена прикрыла темные глаза:

– Она все видела, – понял Тупица, – как видел я..., – ему не хотелось думать о том, что он видел, – но сейчас надо думать не об этом..., – он понял все по лицу Адели:

– На ее глазах танк раздавил ее мать и отчима, она может потерять брата, – Генрик заставил себя вернуться к управлению, – надо выбираться отсюда как можно быстрее..., – толпа все-таки ринулась на стрелявшие танки. Кто-то из зрителей, взобравшись на остатки помоста, закричал:

– Ребята, вспомним май сорок пятого! Тогда мы выволакивали из танков нацистов и владимировцев! Русские больше нам не союзники, они предали чехов, разговор с ними будет короткий..., – к театру, видимо, послали всего две машины:

– Однако остальные танки рядом, – двигатель привычно гудел, – надо прорваться на окраину города и найти машину. Тикве нельзя здесь оставаться, ей через месяц рожать. И вообще никому нельзя...

Генрик надеялся, что жена и кузина не заметили трупов вытасненных из танков советских солдат. Он отыскал Адель и Тикву под грудой разбитых снарядами стульев, в разоренном театральном фойе:

– Но дядя Джованни и тетя Клара, – попыталась сказать девушка, – Генрик, надо их найти, они где-то на улице..., – с набережной доносился вой толпы, Генрик услышал высокий, задышающийся голос. Парень кричал по-русски:

– Не надо, пожалуйста! Мы не виноваты, нам приказали сесть в машины! Не надо, мы не хотим..., – крик оборвался, кто-то заорал:

– На фонари! Всех русских свиней на фонари, рядом с нашими партийными мерзавцами! Долой коммунизм, долой русских!

Толпа лезла на танки, облепляя броню, вытаскивая наружу советских солдат:

– Я служил в Чехословацком Легионе, – крепкий мужик средних лет стоял на башне, размахивая чешским флагом, – все, кто помнит военные времена, сюда..., – Генрик поднял голову вверх. Бывший стрелок-наводчик, господин Милош, хорошо знал и английский и русский языки. Чех оказался в советском плену осенью тридцать девятого года:

– Когда нацисты вошли в Прагу, – объяснил он, – часть армии не захотела сдаваться и перебегала в Польшу, где генерал Свобода сформировал наш Легион. Но с началом большой

войны мы попали в руки русских..., – отсидев два года в лагере интернированных за Волгой, господин Милош и другие чехословацкие солдаты все-таки оказались в числе союзных войск:

– Сначала нас отправили в Иран, – он прикурил от сигареты Генрика, – потом в Северную Африку, потом я воевал в Нормандии и закончил сражаться дома..., – господин Милош был в числе танкистов генерала Паттона:

– Мы с вашим отцом могли сталкиваться, – добавил он, – после войны мне предлагали уехать в Америку, но я не хотел покидать родину..., – он высунулся из открытого башенного люка:

– Пока все тихо..., – танк шел по набережной Влтавы на юг, – кажется, в пригороды советские пока решили не заглядывать..., – окурочек рассыпался звездами по булыжникам. Господин Милош наклонился:

– У меня с женой есть домик на окраине, – он подмигнул Генрику, – дачка, как русские говорят. Сейчас бросим где-нибудь танк и доберемся туда пешком. Женщины отдохнут..., – Тиква постанывала сквозь зубы на выбоинах в брусчатке, – мы найдем вашу родню и отыщем машину. Если не найдем, – господин Милош прислушался, – то у меня везде есть друзья, отсюда и до австрийской грани..., – сдавленно вскрикнув, он бессильно свесил голову.

На руки Генрика брызнула горячая кровь. Адель, приподнявшись, осторожно стащила господина Милоша вниз:

– Он ранен, – тихо сказала жена, – он без сознания. Тиква, – она потормошила девушку, – Тиква, какой адрес подпольной радиостанции? Нам нужен господин Гавел, если его не арестовали..., – снаружи раздались автоматные очереди, сквозь грохот мотора до Генрика донесся голос:

– Стоять! Стоять, заглушить моторы..., – он вспомнил:

– На башне чехословацкий флаг, мы так его и не сняли..., – он взглянул в прорезь для водителя. Прямо перед ним возвышалась тридцатьчетверка с алыми звездами на броне:

– Не собираюсь я стоять, – Генрик сильнее нажал на рычаги, – надо прорываться вперед..., – низко завыл танковый снаряд:

– Они бьют прямой наводкой, – понял Тупица, – здесь Тиква и Адель, они не должны, не могут погибнуть...

Подмяв жену и Тикву под себя, накрыв их своим телом, Генрик услышал оглушающий грохот. Чехословацкий флаг на башне вспыхнул ярким заревом. Потерявший управление, дымящийся танк, пробив чугунную решетку набережной, рухнул во Влтаву.

Тела погибших в стычках привозили в прохладный подвальный морг тюрьмы Панкрац. Помещение было забито трупами чехов:

– наших ребят здесь мало, – Эйтингон остановился между оцинкованными столами, – и очень хорошо, что так. Но у местных мерзавцев припрятано оружие...

Нескольких танкистов, неосторожно высунувшихся из башен, убили выстрелами из снайперских винтовок. Кроме советских солдат, здесь лежали и тела парней из союзных армий:

– Но чехов все равно больше, – Наум Исаакович вспомнил сводку, – все данные мы засекретим, но здесь по меньшей мере полтысячи человек...

Наверху шли допросы арестованных. Взятых под стражу Дубчека с его подпевалами, как называл Эйтингон чешское правительство, вчера вечером отправили в Москву. Новым секретарем ЦК местной партии должен был стать советский протеже Гусак. Эйтингон еще в Москве настаивал, что президента Свободу тоже надо сместить:

– Хотя именно он приказал чехословацкой армии тихо сидеть по казармам и не оказывать сопротивления, – Эйтингон похлопал себя по карманам твидового пиджака, – а сейчас он в Москве просит помиловать Дубчека и его компанию, – Андропов в телефонном разговоре скрипуче сказал:

– Свобода угрожал пустить себе пулю в лоб, если мы приговорим Дубчека к смертной казни. С моей точки зрения, – начальник кашлянул, – мы бы немного потеряли, но Леонид Ильич решил пожалеть старика, героя войны... – Эйтингон постучал линейкой по столу:

– Главное, чтобы шайка-лейка подписала протокол, Юрий Владимирович. Пусть потом хоть вешаются, хоть топят... – в будущих протоколах чехословацкое правительство соглашалось на процесс нормализации, как назвали в документах конец реформ Дубчека. В стране оставался контингент советских войск:

– Никуда мы отсюда не двинемся, – Наум Исаакович нашел нужный ему стол, – чехам и словакам теперь нельзя доверять. Они все, словно проклятый партизан Дубчек... – опальный руководитель ЦК воевал с нацистами в Татрах, – такие, как он, никогда не запляшут под чужую дудку...

Еще одного партизана, вернее, героя интербригад, главу чехословацкой службы безопасности, вчера сместили с должности:

– Товарищ Иожеф Павел поддерживал реформы Дубчека, – хмыкнул Эйтингон, – его уволят с волчьим билетом, а его кресло займет товарищ Шалгович, его заместитель...

Полковник Шалгович, окончивший в СССР военное училище, давно сотрудничал с органами, как по старой памяти говорил Наум Исаакович. Именно он руководил подъемом со дна Влтавы угнанного бунтовщиками танка:

– Но внутри обнаружили только тело какого-то чеха, – Эйтингон сжал кулак, – проклятый Моцарт не только никуда не уехал, но и участвовал в демонстрации у театра... – он, наконец, нашел сигареты. Пыхнув дымом в беленый потолок, Наум Исаакович прислонился к стене. Судя по данным, полученным от арестованных, на захваченном советском танке с набережной скрылся именно Моцарт:

– Но в реке его тело не нашли... – Эйтингон отогнул край серой простыни, – как не нашли его жену и девчонку, то есть жену Майера... – он знал, что Моцарт призывал к сопротивлению советским войскам. Науму Исааковичу, в общем, было наплевать на демарши музыканта:

– Он человек творчества, у них принято не скрывать эмоции. Главное, чтобы он отправил по назначению мой конверт... – Эйтингон писал фон Рабе шифром. Даже если бы Моцарт вскрыл письмо, он все равно бы ничего не понял:

– И он никому не отдаст весточку, – сказал себе Наум Исаакович, – он не признается с связи с нами, то есть с Комитетом госбезопасности, – Моцарта и его родственниц сейчас искали во всей Праге:

– Остальная его семья здесь, – Эйтингон кинул окурок на бетонный пол подвала, – их, в общем, легко опознать... – трупы мистера ди Амальфи и его жены лежали на одном столе. Науму Исааковичу показалось, что их руки соприкасаются. Темные глаза миссис Клары смотрели вверх. Трупы не мыли и не приводили в порядок:

– Потом их все равно сожгут, – Эйтингон подошел к висевшему рядом с дверью телефону, – мертвым все равно, как они выглядят, а для моих целей так лучше...

Набрав трехзначный номер, он велел: «Приведите сюда Майера».

На линолеуме тесной кухоньки валялись обрывки шпагата. Радиостанцию запаковали в картонные коробки из-под бананов:

– Фрукты кубинские, – объяснил господин Гавел, – к нам поставляют продукцию социалистических стран, – он скривился, – остальное надо покупать на черном рынке... – драматург оказался почти ровесником Адели:

– Всего на два года младше, – она помогала укладывать технику, – а жена его моего возраста... – Ольга, работавшая в театре «На балюстраде», перекрасила волосы Адели. Она бросила взгляд в зеркало:

– Я теперь обесцвеченная блондинка, но Тикву мы трогать не стали..., – они боялись навредить краской будущим детям. Схватки у невестки прекратились:

– Это тренировочные, – уверенно сказала ей Адель, – тело готовится к родам. Лежи, отдыхай и ни о чем не думай. Мы должны прийти в порядок после такого купания..., – невестка взглянула на нее запавшими глазами:

– Откуда ты знаешь, что тренировочные..., – Тиква свернулась в клубочек, – у тебя не было детей, – Адель ласково погладила ее по голове:

– Сабина рассказывала и я читала книги. Спи, – велела она, – тебе надо больше спать..., – Тиква всхлипнула:

– Но как мы уедем и бросим Аарона? Он может быть жив, Адель, он твой брат..., – ей пришлось сказать невестке о гибели матери и отчима. Тиква закусила костяшки пальцев:

– Я знала, – шепнула девушка, – я чувствовала, что их больше нет. Но Аарон еще жив, – она приподнялась с брошенного на пол матраца, – не отговаривай меня, я никуда не поеду..., – Адель присела рядом:

– Если ты останешься здесь, то погибнешь и ты сама и они..., – Адель кивнула на живот девушки, – иногда надо..., – она прервалась, – надо жертвовать..., – в ушах раздался горький детский плач:

– Она плакала, когда я уходила, – вспомнила Адель, – я положила ее на кровать и она заплакала. Но я не обернулась, не посмотрела на нее..., – она велела себе собраться:

– В общем, – подытожила Адель, – скоро Ольга найдет машину, и мы двинемся на юг..., – она собиралась сама сесть за руль. Ни муж, ни невестка сейчас водить не могли:

– Всего четыре часа до австрийской границы, – господин Гавел проложил ей путь по карте, – половина города ринулась в том же направлении. Ладно, будем надеяться, что у нас все получится..., – Ольга попросила ее оставить машину на стоянке в приграничном городке, Чешском Крумлове:

– Я или Вацлав заберем автомобиль, – добавила жена Гавела, – когда все успокоится. Смотри, рядом не только Австрия, но и Западная Германия, – она указала на карту, – немецкая территория в совсем глухих лесах. Но вы на месте разберетесь, куда вам двигаться..., – сами Гавелы собирались на свою дачку, как тоже выразилась Ольга:

– Мы попробуем скрыться от госбезопасности, – мрачно сказала женщина, – учитывая, что трансляции пока прекратились..., – радиостанцию перевозили в Либерец, городок у польской границы. Адель не хотела спрашивать, почему господин Гавел и Ольга не покидают страну:

– Понятно, почему, – она вспомнила бывшего танкиста, господина Милоша, – он тоже мог уехать в сорок пятом году, но предпочел остаться на своей земле..., – Адель обещала себе вернуться в Прагу за телами матери и отчима:

– Но их, наверное, сожгут, – женщина боролась со слезами, – все равно, я обязана привезти домой их пепел..., – Адель жалела, что не смогла вытащить из танка раненого господина Милоша:

– Теперь он погибнет, или его арестуют русские, – поняла женщина, – но мы и сами еле спаслись..., – им пришлось переплыть Влтаву. На малостранском берегу Тиква вспомнила адрес квартирки, где располагалась подпольная радиостанция. Дом тоже стоял на Виноградах:

– словно я вернулась в детство, – Адель отряхнула руки, – надо собираться, хотя у нас нечего собирать..., – Гавел успокаивающе сказал:

– Не волнуйтесь, госпожа Майер-Авербах. Пан Генрик придет в себя, это временное потрясение..., – Адель кивнула:

– Будем надеяться. Спасибо вам..., – она помолчала, – не знаю, когда мы теперь увидимся..., – Гавел коротко усмехнулся:

– Если я скажу, что мы встретимся, когда падет железный занавес, вы меня посчитаете бесплодным мечтателем... – Адель покачала головой: – Нет. Египетский фараон тоже считал, что рабство евреев вечно, но и оно закончилось. Вы еще станете президентом этой страны, пан Вацлав... – драматург присвистнул:

– Такого точно никогда не случится, пани Адель...

Сварив на бедноватой кухоньке кофе, она постучала в соседнюю комнатку. Гавел объяснил, что квартира стояла закрытой:

– Здесь хранится всякий хлам, – Адель прошла между зачехленной мебелью, – поэтому апартаменты выбрали, чтобы устроить радиостанцию... – Генрик сидел на подоконнике, глядя на блестящую полоску Влтавы под холмом. Адель взяла его руку:

– Похоже на вид из нашего бывшего дома, – тихо сказала она, – здесь рядом, всего десять минут ходьбы... – Генрик повернулся к ней:

– Он плакал, – поняла Адель, – надо его успокоить. Такое случается из-за контузии, из-за нервного потрясения... – серые, покрасневшие глаза мужа взглянули на нее:

– Все будет хорошо, – четко сказала Адель, – в Вене ты сходишь к врачу, оправишься и вернешься к роялю... – Генрик ничего не слышал:

– Вообще ничего, – он следил за двигающимися губами жены, – вокруг меня только вечное безмолвие. Однако Адель права, слух восстановится... – Генрик не хотел думать иначе:

– Я проверю, что с Тиквой, – Адель прижалась щекой к его небритой щеке, – мы скоро поедим, милый... – обернувшись, он подождал, пока жена закроет дверь:

– Иначе я бы не услышал, что она вышла, – понял Генрик, – но все будет хорошо, нельзя терять надежду...

Порывшись в кармане джинсов, он вытащил на свет скомканный кусок бумаги. Чернила на конверте, полученном от Эйтингона, расплылись, машинопись стала почти неразличимой. Длинные, поддрагивающие пальцы рвали бумагу, слезы текли по лицу Генрика. Летний ветер подхватил клочки письма, унеся их в яркое, жаркое небо Праги.

Сначала Аарон увидел мать.

Клара лежала навзничь, темные, подернутые сединой волосы, растрепались. Измятое летнее платье испачкала пыль. Переведя глаза ниже, он заставил себя удержаться на ногах:

– Словно маму сбила машина, – Аарон шагнул вперед, – они с дядей Джованни не могли погибнуть, такого не случилось. Это дурной сон, как в «Превращении». Сейчас я очнусь и обниму Тикву...

После Южной Америки у него иногда случались кошмары. Аарон вскидывался с кровати, что-то вскрикивая и бормоча. Тиква ласково укладывала его на место:

– Я здесь, – шептала жена, – я рядом, милый. Все хорошо, я с тобой... – в камере он все время думал о Тикве и малышах:

– Мы целовались на чердаке синагоги, – вспомнил Аарон, – Тиква смеялась, что Голему такое может не понравиться... – он поправил себя:

– Я думал о ней и о будущем спектакле. Тиква хотела, чтобы история о Големе стала любовной, но ведь она совсем о другом... – Аарону пришло в голову, что он может вернуться к постановке юношеских лет, по Кафке и Замятину. Он хотел сделать спектакль более абстрактным: – Голем не только Советский Союз, – писать ему было нечленчемо и он запоминал, – но это и наши страхи и сомнения, все, что мы создаем собственными руками, все, что мешает нашему счастью...

Аарон понял, что его сунули в неприметную машину, когда он не испытывал ничего, кроме счастья:

– Спектакль удался, – он заметил, что руки матери и отчима соприкасаются, – я шел за сигаретами и представлял себе будущий фильм. Дома меня ждала Тиква и семья...

Его семья лежала перед ним на оцинкованном столе мертвецкой. Он вспомнил, как по утрам кто-то из сестер всегда гладил ему школьную рубашку. Пахло овсянкой, стучали ложки. Пауль приходил за стол с новой игрушкой для маленькой Лауры:

– Он сделал мне пенал для школы, – на глаза Аарона навернулись слезы, – он тоже хотел учиться. Пауль грустил, что не может пойти со мной в классы и тогда мама устроила дома школу с доской и мелом, для него и Лауры. . . , – на его коленях мурлыкал Томас. Аарон весело говорил коту:

– Я уйду, а ты пойдешь спать к дяде Джованни, соня. . . , – отчим любил поваляться в постели. Аарон только сейчас понял, как постарел Джованни:

– Ему два года до восьмидесяти, – лицо отчима, несмотря на ссадины и синяки, было умиротворенным, – даже если Лаура найдется, она больше никогда не увидит родителей. И я не увижу, я сирота. . . , – ему захотелось прижаться лицом к рукам матери. На ладонях Клары запеклась кровь, пальцы посинели:

– Тикву я тоже не увижу, – Аарон пошатнулся, – я никогда не узнаю, кем оказались малыши. Я никогда больше ничего не сниму и не поставлю. Это не сон, не превращение, отсюда выхода нет. . . , – рядом с его ухом прошелестел знакомый голос:

– Мне очень жаль, мистер Майер, – на Аарона пахло пряным сандалом, – ваши матушка и отчим стали жертвой бандитского нападения. В Праге небезопасно, эмиссары западных стран мутят воду, подбивая чехов на предательство интересов социализма. . . , – он зажег сигарету, – в сложившейся ситуации Советский Союз был обязан ввести сюда войска. Я соболезную вашей утрате, – он повел в сторону стола, – скажите нам, где могут скрываться ваша жена и другие родственники и мы возьмем их под защиту. . .

Разбитые губы мальчишки подергивались, но стоял он прямо. Охранники застыли у дверей морга. Эйтингон хотел, чтобы Майер прекратил запираяться:

– Он не дурак, он понимает, что никакого бандитского нападения не случилось. В конце концов, вокруг нас еще сотня мертвецов, – в подбитых глазах парня играл нехороший огонек, – но если я его как следует напугаю, он заговорит. . . , – Майер заговорил почти сразу:

– Мою мать, – его голос надломился, – и моего отчима раздавили ваши танки. . . , – Наум Исаакович отступил на шаг назад, – а мою жену и остальную семью вам никогда не найти и хорошо, что так. Будьте вы прокляты, я вас ненавижу, – Эйтингон успел увернуться от бросившегося вперед парня:

– Он хочет вырвать у охранника автомат, – понял Наум Исаакович, – у ребят есть инструкция стрелять на поражение в случае эксцессов арестованных. . . , – Эйтингон надсадно крикнул:

– Прекратить огонь! Он нужен нам живым. . . , – кровь брызнула на беленые стены морга, на тела Клары и Джованни. Майер упал на колени рядом со столом, где лежал труп его матери:

– Он еще живет, – понял Эйтингон, – он хочет подняться. . . , – охранники дисциплинированно замерли. Наум Исаакович с интересом смотрел на пошатывающегося Майера:

– Он сейчас свалится, у него пуля в сердце, но какая воля к жизни. . . , – серая простыня пропиталась кровью. Майер рухнул на стол, раскинув руки:

– Слово он обнимает мать и отчима, – Наум Исаакович слышал хрип парня, – пора кончать с ним. . . , – кивнув охраннику, он отошел к выходу. Автоматная очередь разнесла затылок Майера:

– Тела мы сожжем, – Эйтингон посмотрел на часы, – с остальными чехами. Ладно, – он отряхнул пиджак, – надеюсь, местные ребята отыскали Моцарта и его девушек. . .

Под оцинкованным столом собиралась лужа крови. Поморщившись от кладбищенского запаха, Эйтингон закрыл за собой тяжелую дверь морга.

Узкую дорогу из Крумлова к австрийской границе забили потрепанные машины, с привязанным к крыше багажом. По раскаленному асфальту брели целые семьи, с авоськами и рюкзаками:

– До Крумлова мы доехали за два часа, – вздохнула Адель, – а здесь идем второй день...

Гавелы снабдили их толикой денег, но даже за деньги они бы не могли найти свободного места в каком-нибудь личном автомобиле:

– Все заполнено под завязку, – поняла женщина, – а нашу машину пришлось оставить в Крумлове, на стоянке. То есть машина не наша, иначе нам стало бы легче..., – ключи от отысканного Гавелами автомобиля она оставила под ковриком:

– Ничего, – бодро сказала Адель, захлопывая дверь, – до границы всего шестьдесят километров, нас кто-нибудь подвезет..., – она не знала, с кем разговаривает. Генрик больше не открывал рта. Всю дорогу до Крумлова муж провел на заднем сиденье машины, закрыв глаза. Еще в Праге Адель успокаивающе заметила:

– Ты можешь говорить, милый. С голосом у тебя никаких проблем нет..., – Генрик помотал головой:

– Писать он тоже не хочет, – поняла Адель, – хотя у меня есть блокнот и карандаш. Ничего, главное, добраться до Вены, где он оправится..., – ее больше беспокоила невестка. Тиква жаловалась на головную боль:

– Все из-за жары, милая, – ласково сказала Адель, – тебе надо больше пить..., – в Крумлове Тиква не смогла надеть туфли:

– Я сняла их в машине, чтобы ноги отдохнули, – испуганно сказала невестка, – Адель, почему так случилось..., – ступни девушки отекли. Адель погладила ее руку:

– Тоже из-за жары. Не волнуйся, мы пойдем по обочине, там трава..., – ночь они провели в поле по соседству с дорогой. Судя по всему, русские пока не добрались до границы Чехии и Австрии:

– Но надо быстрее покинуть страну, – Адель вспомнила разговоры у костров на поле, – советские танки могут сегодня оказаться здесь..., – дорога была ей незнакома. Въезжая в страну, они переходили границу восточнее:

– И я не сидела за рулем, – поняла Адель, – машинами занимались Генрик и Аарон. Но у меня, кажется, все получилось..., – Адель не любила водить, но ничего другого ей не оставалось.

Она не рисковала превышать скорость. Русских танков на южных дорогах пока видно не было, однако Адель понимала, что чешская полиция могла получить их приметы:

– Как в Будапеште, – она изредка смотрела в зеркало заднего вида, – где с нами был дядя Эмиль. Но тетя Цила потом умерла в Вене..., – Адель встряхнула пергидрольными, запылившимся волосами. Ольга заодно сделала ей короткую стрижку:

– Никто не умрет. Мы пересечем границу и немедленно позвоним в Лондон, тете Марте. Хотя завтра суббота, – со времени вторжения русских в страну прошло всего три дня, – завтра женится Маленький Джон, никого не будет в городе..., – Адель разозлилась на себя:

– Позвоню Пьеру в Париж. Старшая Лаура не станет со мной разговаривать, но у меня есть его служебный телефон..., – она заставляла себя не думать о брате. Адель понимала, что русские не оставят Аарона в живых:

– Но Тиква не должна терять надежду, – она смотрела в запавшие глаза невестки, – мы доберемся до границы и она спокойно родит..., – губы Тиквы мелко подергивались, пальцы тряслись.

Им надо было дойти до городка Ческе-Веленице, бывшего северного района австрийского Гмюнда. Граница между странами проходила по реке Лужнице. Ночью в поле Адель слышала, что со вторника австрийцы и западные немцы открыли пропускные пункты:

– Никаких документов не спрашивают, – сказал кто-то из беженцев, – а с нашей стороны, – он ввернул крепкое словцо, – пограничников не осталось..., – еще один парень невесело рассмеялся:

– Либо они сами сбежали на запад, либо сидят по казармам, дисциплинированно следуя распоряжению Свободы. У нас вышколенная армия, – говорящий презрительно сплюнул, – сначала они подняли руки перед нацистами, а теперь перед русскими..., – Адель не могла не вмешаться:

– В Праге люди захватывали советские танки, – почти крикнула она, – стреляли в солдат и убивали их..., – парень покачал головой:

– Русские сейчас на Карловом мосту, а мы здесь, – он поднялся, – и впереди у нас только скитания...

Адель почти тащила за собой мужа и невестку. В жарком августовском мареве виднелся пограничный мост:

– Я больше не могу, – зарыдала Тиква, – у меня болят ноги..., – девушка шла босиком, – болит живот, все болит..., – Тиква обессиленно опустилась на обочину, – Аарона больше нет, зачем мне жить..., – Генрик смотрел куда-то вдаль. Губы мужа зашевелились, Адель прислушалась, но ничего не разобрала:

– Я шла пешком через горы, чтобы добраться до нашей страны, до нашей семьи, – резко сказала она Тикве, – вставай и марш вперед. Ты мать, у тебя скоро появятся малыши, ты должна выжить..., – сердце Адели кольнуло:

– Я тоже была мать, – она сжала руку в кулак, – я выбрала свою жизнь и отказалась от моей девочки, а теперь у меня никогда больше не будет детей..., – она встряхнула мужа за плечи:

– Подними ее, я тебе помогу..., – впереди, над поднятыми шлагбаумами бессильно повисли австрийские флаги, – осталось совсем немного...

Поддерживая Тикву, почти волоча ее по дороге, они двинулись к границе.

Интерлюдия

Британия, август 1968

Лондон

Зашуршали глянцевые страницы свежего американского Vogue:

– Вам пойдет такая юбка, тетя Марта, – одобительно сказала Сабина, – смотрите, Хану сфотографировали с собаками..., – племянница вела на поводке двух афганских борзых:

– Шляпа твоя, сразу видно, – Марта затянулась сигаретой, – а пальто у нее милое, надо такое заказать к осени..., – на следующем снимке Хана водрузила стройную ногу в черном чулке на плексигласовый стол. Внизу раскинулась шкура зебры:

– Звезда у себя дома на Фабрике, – громко прочла Сабина, – следующая остановка – Оскар..., – Марта хмыкнула:

– Насчет юбки я не уверена. Вряд ли мое начальство одобрит балетную пачку на работе, но это платье я смогу носить и в офис...

Марта хотела появиться на венчании в деловом костюме, но Вера попросила ее сшить новый наряд:

– Девочке такое важно, – ласково сказала Трезор, – кроме нас, других женщин в церкви не будет. Эмили наденет детское платье Полины, – герцогиня помолчала, – а Чарли придет в старом костюме Маленького Джона..., – по соображениям безопасности посторонние в замок не допускались. Вера не хотела возить детей в Лондон:

– Джон считает, что это опасно, – вздохнула Марта, – и он прав, а в Банбери есть только дешевые магазины и такие же портнихи..., – Эмили разбрасывала перед невестой цветы, Чарли нес подушку с кольцами. Вера заказала платье в ателье Джона Бэйтса, молодого дизайнера, отрекомендованного Сабиной:

– У него всегда отличный крой, – заметила племянница, – вы правы, тетя, наряд пригодится и для работы..., – Марта носила закрытое платье цвета бронзы, украшенное вышивкой. У Бэйтса наряд предлагали в черном цвете, но Марта попросила заменить шелк:

– Черное на свадьбу не надевают, – Сабина водрузила на ее немного поседевшие кудри новую шляпу, – Вера придет в лазурном шелке, к ее волосам такое хорошо..., – венчание в церкви святой Марии назначили на завтрашний полдень. Марта взглянула на часы:

– Надо забрать Маленького Джона с Ганновер-сквер, – наследный герцог появился в Лондоне позавчера, – и пойти пообедать, но только где..., – «Берри в городе» пока был закрыт на традиционные августовские каникулы. Словно услышав ее, Сабина заметила:

– Мы с Инге вчера обедали в местечке, что хвалил дядя Максим, рядом с Линкольнс-Инн..., – она поколдовала над гроздьёй цветов на шляпе Марты, – там неплохо кормят..., – женщина потушила сигарету:

– Судейские сметут все, что им подадут, – Сабина хихикнула, – словно в Сити, где у «К и К» единственная приличная столовая на весь район. Остальные компании пробавляются сэндвичами навынос, а о хорошем кофе речь не заходит. Луиза давно на это жалуется..., – Сабина понизила голос:

– Говоря о Луизе, я думала, что она еще на каникулах, но мы с Инге вчера видели ее в ресторане..., – племянница зашептала, – с Вороном..., – Марта усмехнулась:

– Он с начала лета ее обхаживает, но несмотря на титул, ничего у него не получится, помяни мое слово..., – рассмотрев себя в большом зеркале, она подытожила:

– Отлично. Из Вены никто не звонил..., – Сабина отозвалась:

– Только дядя Эмиль, он привез Розу на летнюю школу. Остальные сейчас в шале, где нет телефона..., – Марта аккуратно сняла шляпу:

– Хорошо, что в шале, а не в Праге, – буркнула женщина, – с нашим посольством в стране связи нет, как и со всей страной..., – новости о появлении советских танков в Чехии они узнали

из перехваченной в Мюнхене передачи незаконного, судя по всему, передатчика. Подпольная радиостанция вышла в эфир только один раз:

– Или мы больше ее не слышали, – Марта расстегнула платье, – но Клара с Джованни и все остальные не отправятся в Прагу..., – Сабина ловко запаковала шляпку в фирменную, как говорила племянница, коробку:

– Повесите чехол с платьем в машине и ничего не помнется, – племянница поднялась, – вы будете ждать в церкви, а остальные приедут на барже, – Марта заново накрасила губы:

– Только невеста, дядя Джон с тетей Верой и малыши. Очень тихое венчание, – она помедлила, – но это и к лучшему..., – Сабина взяла трость:

– Давайте, я вас провожу. Зачем вам пальто, – она зорко взглянула на Марту, – на нашем севере еще совсем не холодно..., – Ворон сегодня улетал именно на север, встречаться с Густо. Племяннице разрешили семейное свидание:

– Потом ее переведут на остров Уайт, – подумала Марта, – туда ближе от Лондона, Ворон станет чаще ее навещать. И Беби переедет к нам, – она ласково улыбнулась, – Ворон возьмет парня под свое крыло..., – об имени для мальчика Марта решила подумать позже:

– Я потом еду севернее, – объяснила она Сабине, – где тоже ожидается венчание, мне понадобится праздничное пальто для церкви...

Максим обжился в Стокгольме и даже стал немного болтать по-шведски. Сын отправлялся в СССР после венчания Эмилии Кампе и Юхана Андерса:

– Он окажется в Москве к седьмому ноября, – поняла Марта, – об этом я тоже подумаю потом. Сначала надо миновать свадьбу и сказать Джованни, что у него теперь нет и второй дочери..., – Магдалена Брунс пока жила в семье Механика:

– Она сама разберется, что ей делать..., – Марта услышала кошачий мяв, – она взрослая девочка..., – Пауль в компании Томаса восседал на нагретых августовским солнцем ступеньках садового дома, где Сабина устроила мастерскую. Кот мурлыкал, разлегшись на террасе. Пауль вертел вытертого медведя:

– Игрушку мама сшила Аарону в сорок третьем году, – шепнула Сабина, – она перекраивала шубку заказчицы и остались обрезки..., – мирно жужжали пчелы, в мраморном фонтане журчала вода. Марте показалось, что глаза Пауля покраснели:

– Он грустит, бедный, – добавила племянница, – ходит по комнатам, ищет маму с папой..., – кот, выгнув спину, потерся о ноги Сабины. Пауль поднял медведя:

– Смотри, что у меня есть..., – Марта присела рядом:

– Очень красивый. Не волнуйся, милый, – она перестегнула криво застегнутую рубашку Пауля, – скоро мама с папой вернутся и все будет хорошо..., – прижав игрушку к щеке, Пауль задумался:

– Будет, – наконец согласился он, – только не сейчас..., – он поманил Марту к себе:

– Невеста не дойдет до алтаря, – таинственным шепотом сказал Пауль, – получится кровавая свадьба..., – Сабина закатила глаза:

– Не надо было тебе показывать мои эскизы..., – Сабина оформляла будущую премьеру оперы по трагедии Лорки, – ты теперь всем сообщаешь о смерти невесты...

Пауль удовлетворенно кивнул: «Именно так».

Вопреки мнению тети Марты Ворон не ухаживал за Луизой Бромли:

– Если и ухаживаю, то совсем немного, – парень завязал перед зеркалом галстук, – потому, что в Лондоне мне хочется поговорить с умной девушкой...

Обычно лейтенант Кроу пребывал в глубинах Восточной Англии, на авиационной базе Уоддингтон. Ближайший город Линкольн славился средневековым собором, однако университета там не было. Продавщицы и секретарши с удовольствием заводили короткие интрижки с пилотами, но Стивену нравились умные девушки:

– Такие, как Луиза, – вздохнул Ворон, – но где их взять в нашей глубинке...

Мисс Бромли предупредила его, что помолвлена. По мнению Ворона, Сэм Берри не был парой наследнице крупной юридической фирмы, однако Стивен велел себе прикусить язык:

– Это и вовсе не мое дело, как не мое дело влезать в личную жизнь Маленького Джона... – вернувшись в Лондон, кузен пригласил его на холостяцкий обед:

– Только ты и я, – объяснил наследный герцог по телефону, – дядя Максим сказал, что не станет портить развлечений молодежи... – приличные рестораны в городе, следуя примеру Берри, ушли на летние каникулы. Им пришлось ограничиться ростбифом неподалеку, в Брук-клубе:

– Когда я сюда захожу, – признался кузен, – мне кажется, что у меня отросли бакенбарды и такая борода... – он указал на выцветший дагерротип аристократа викторианских времен, – но вино здесь всегда отменное, клуб держит марку... – за бутылкой бордо Стивен осторожно сказал:

– Тетя Марта, наверное, тебя предупреждала насчет ирландцев... – прозрачные глаза наследного герцога похолодели:

– Не все ирландцы связаны с ИРА, – он опустил серебряную вилку на край тарелки, – и, как учит нас Библия, сначала достань бревно из своего глаза, Стивен, а потом указывай окружающим на их соринки... – Ворон решил, как он думал, замаять эту тему:

– Впрочем, усомнись кто-то в моей будущей жене, я бы ответил похоже, – хмыкнул он, – и тетя Марта, видимо, тоже предпочитает такое не обсуждать... – с дубовой лестницы донесся короткий лай.

Сбежав на восточную плитку вестибюля, Шелти покрутился на тигровой шкуре:

– Гулять хочешь, – добродушно сказал Стивен, – пойдем, я заодно куплю сигарет... – открыв дверь в коридор, он крикнул:

– Тетя Марта, я выведу Шелти! Обед через полчаса, я все успею, – тетя отозвалась из кабинета:

– Хорошо, милый! Если ты собрался к табачнику... – Стивен ухмыльнулся, – купи и мне пару пачек. Маленький Джон у портного, он придет прямо в ресторан...

Волк собирался тоже прийти на обед из конторы:

– Все разлетелось, собака, – Стивен надел на Шелти поводок, – Ник в Америке, Питер торчит в России, а теперь и Максим туда собирается... – в телефонном звонке кузену в Стокгольм он весело сказал:

– Ты, наверное, чувствуешь себя, словно в раю, я имею в виду девчонок, – кузен фыркнул:

– Я всю неделю прыгаю с парашютом, занимаюсь взрывным делом и учусь подделывать документы, времени для такой ерунды у меня не остается... – Ворон присвистнул:

– Ничего, говорят, что дочки дяди Эмиля самые красивые девушки в СССР, – кузен уग्रюмо добавил:

– Только одна сидит в колонии, а другая прячется от Комитета... – Маленький Джон рассказывал ему о Наде Левиной:

– Я бы мог влюбиться в нее даже заочно, – смешливо сказал Ворон овчарке, – посмотрим, какова она в жизни. Близняшки... – юноша покрутил головой, – они, должно быть, сильнее атомного взрыва...

По дороге на Бонд-стрит, к единственному, как говорила тетя Марта, приличному табачнику в Лондоне, Ворон думал о сестре и племяннике. После обеда он улетал с авиационной базы в Бриз-Нортон на север. Лейтенанта сажали на грузовой самолет, обслуживающий военные базы. С тамошнего аэродрома он добирался на машине до тюрьмы, где содержалась Густы. Семейное свидание начиналось в десять вечера:

– Завтра в семь вечера ее и Беби везут на аэродром, – Стивен тоже сел в тюремный фургон, – оттуда она полетит на остров Уайт, а я с тетей Мартой и Беби вернусь в Лондон... – сестра пока не крестила мальчика, хотя тюрьму навещал католический капеллан:

– Но она хочет крестить, – Стивен вышел на запруженную народом Бонд-стрит, – надо подождать, пока дядя Джованни вернется с континента. Он организует церемонию в Бромптонской орагории, станет крестным отцом...

Об имени ребенка сестра не говорила, а Стивен не хотел с ней такого обсуждать:

– Ясно, что не Александр, – мрачно подумал Ворон, – и не Мэтью. Черт бы побрал коммунистов, из-за них мы не можем дать имя парню..., – Беби ему нравился. Мальчик любил Стивена и всегда радовался его приезду:

– У Густы хорошая камера, ему хватает игрушек, они каждый день гуляют, но тюрьма есть тюрьма, – понял Стивен, – на Ганновер-сквер малышу будет лучше..., – он даже не заикался о том, чтобы забрать племянника себе:

– Мне двадцать лет и я живу в казарме, – напомнил себе юноша, – может быть, потом, когда я женюсь. Правда, неизвестно, на ком..., – он подмигнул барышням туристического вида, рассматривающим витрины на Бонд-стрит. Девушки захихикали, Шелти рванул поводок. Стивен улыбнулся:

– Хочешь поближе с ними познакомиться. Нет, милый, у нас мало времени..., – проходя мимо темных машин, припаркованных на Ганновер-сквер, он услышал уважительный голос:

– Мы можем вас сопроводить, лейтенант Кроу..., – охранники из ведомства тети Марты отличались изысканной вежливостью. Стивен пыхнул сигаретой:

– Спасибо, ребята, но я туда и обратно, мы с миссис М через полчаса уезжаем, – Ворон оглянулся:

– Хорош бы я был с охраной, следующей за мной по пятам. Хотя они профессионалы, их бы никто не заметил..., – ему показалось, что в толпе мелькнул знакомый профиль:

– Нет, – Стивен прищурился, – ерунда. Паук сюда не явится, он очень осторожен. И вообще, откуда ему знать о Беби, это государственная тайна...

Свистнув Шелти, Стивен толкнул увешанную яркими рекламами дверь табачной лавки. Банбери

Вокзальный буфет обычно закрывался в восемь часов вечера, когда отходил последний поезд в сторону Лондона, однако сегодня девушка за прилавком сделала исключение:

– Я жду приятелей, – подмигнул ей хорошо одетый молодой человек, – не хочется болтаться по станции, где даже негде присесть...

Новое здание вокзала, дышащее сырым бетоном, действительно, блистало отсутствием лавок. Буфетчице гораздо больше нравилось безжалостно снесенное строение викторианских времен. На старом вокзале красного кирпича было тесно, однако полы в нем выложили узорной плиткой. Над вытертыми за сто лет дубовыми скамьями для джентльменов и леди красовалась большая картина: «Ее светлость герцогиня Экзетер открывает новую платформу». Герцогиня, в викторианском кринолине и капоре, перерезала ленточку перед приближающимся паровозом. После постройки нового здания картину повесили в кассовом вестибюле:

– Но гравюры из буфета убрали, – пожалела девушка, – а раньше было так уютно..., – пожелтевшие гравюры с видами Банбери, тоже викторианских времен, отправились в городской музей. Новый вокзал пришлось построить из-за того, что город расширился. На окраинах возвели, как говорили, крупнейшую в Британии фабрику растворимого кофе и дешевых сладостей:

– У них все печенье на маргарине, – девушка сморщила нос, – но в городе есть кондитерские, работающие по старинке..., – именно из такой кондитерской в буфет привозили знаменитые пирожки с начинкой из вымоченных в роме сухофруктов:

– Я только о них слышал, – признался пассажир, – я американец, путешествую по Британии..., – буфетчица оценила отменную одежду посетителя:

– Он не фабричный парень в дешевых джинсах, – девушка приосанилась, – американцы сейчас задают тон во всем... – юноша тоже носил джинсы, однако рубашка у него была льняная, а небольшой дорожный саквояж оказался изысканно потертым:

– Мои приятели решили поехать сюда на машине, – смешливо сказал он, – мы двигаемся к Бирмингему, а я захотел попробовать знаменитого британского железнодорожного чая, – девушка хихикнула, – надеюсь, у вас найдется достойный кофе... – он порылся в портмоне, – я угощаю...

Кофе, разумеется, оказался растворимым, но Саша ни на что другое и не надеялся. Ему надо было дождаться темноты:

– Это еще полчаса, – он болтал с девицей о Голливуде, – потом сюда приедет Боров, и мы двинемся в сторону замка. Орла могла и здесь устроиться разливать пинты, – понял Скорпион, – город растет, пабов появляется все больше... – он щелкнул зажигалкой, – но вряд ли его наследная светлость пошел бы расфасовывать кофе в паре миль от родового замка... Орла считала, что завтрашний взрыв состоится в церкви. Саша велел ей задержаться в боковой комнате, где невеста готовилась к выходу в молитвенный зал:

– Ты, разумеется, не пострадаешь, – успокоил ее Саша, – мы приведем в действие заряды, когда герцог Экзетер направится за тобой... – невесту вел к алтарю отец жениха, – тебя защитят стены, а я буду рядом и сразу тебя заберу...

Саша жалел, что нельзя устроить два взрыва одновременно. Судя по всему, свидетелям на венчании должна была стать его кузина М:

– И ее муж, отпетый антисоветчик Волков, – Саша откусил от действительно вкусного пирожка, – я бы заодно избавился и от них, но для ребят из ИРА важнее убить старшего Экзетера...

Будущий свекор Орлы теперь занимался исключительно Ирландией. За первую половину года Гарда и британские полицейские в Белфасте арестовали чуть ли не сотню боевиков организации:

– Новая метла не церемонится, – хмыкнул Саша, – ладно, они правы, заминировать церковь было бы сложнее... – храм стоял у всех на виду.

Орла сообщила, что баржа Экзетеров, «Чайка», выстроенная в прошлом веке, обслуживается на старинной верфи в Банбери, принадлежащей семейству Тули. Один из боевиков ИРА, приехавших в Британию, родился и вырос в Ливерпуле:

– Тебе и карты в руки, – сказал ему Саша, – тебя никто не заподозрит в ирландском происхождении... – после Пасхи верфь набирала работников на летний сезон. На канале ходило много барж, обслуживающих туристов. «Чайку» в Банбери пригоняли охранники, однако они предпочитали проводить время в ближнем пабе за пинтой пива, а не болтаться на верфи:

– Наш парень отлично сработал, – хмыкнул Саша, – он закончил техническую часть после моего приезда из Праги... – трюм «Чайки» нафаршировали искусно спрятанной взрывчаткой:

– Это не машина и не быстроходная яхта, – в открытом окне кафе метнулся отсвет автомобильных фар, – никто не проверит плоскодонную посудину, которую таскают лошади...

Боров явился точно в назначенное время. Саша поднялся:

– Вот и мои приятели, – он подхватил багаж, – всего доброго, мисс, большое спасибо... – девушка проводила его тоскливым взглядом. В саквояже лежал пульт от радиоуправляемого устройства. Орла считала его рацией:

– Она технически неграмотна и влюблена в меня по уши, – Саша вышел в теплый августовский сумрак, – она не задает лишних вопросов...

Он быстро нашел лазейку в замок, вернее, в окружающий его парк. Скорпион появлялся в Банбери раз в неделю, по пятницам:

– Орла помогает герцогине укладывать детей и идет якобы прогуляться, – Саша помахал Борову, сидящему в неприметном остине, – о лазейке в ограде я ей сообщил, когда она еще

сидела в Ньюкасле... – после короткой встречи с Орлой Саша в компании Борова отправлялся на север:

– Где тоже все готово и неожиданных гостей не предвидится, – он хлопнул дверью машины, – завтра я и малыш окажемся в Ирландии... – прочтя в газетах о советском, как здесь выражались, вторжении в Чехию, Саша усмехнулся:

– Понятно было, что все так закончится. Политбюро право, нам не нужны предатели у нашего порога, мы защищаем будущее коммунизма...

Поставив саквояж на сиденье, он поинтересовался у Борова:

– Твоя мадам Бовари больше ничего не сообщала?

Южноафриканец удивленно пожал плечами:

– Ее вроде зовут Джейн... – мадам Бовари Саша окрестил замужнюю приятельницу Борова, работавшую в охране женской тюрьмы:

– Неважно, – отмахнулся Саша, – так ничего...

Он, разумеется, разглядел младшего брата в толпе на Бонд-стрит. Судя по одежде и собаке юноша никуда из Лондона не собирался. Саша внимательно следил за домами на Ганновер-сквер:

– Где тоже ничего интересного не случилось, – Боров нажал кнопку магнитофона, в динамике загремели битлы, – ладно, пора двигаться... – напарник зевнул:

– Все без изменений, фургон идет на аэродром, но мы перехватим машину по дороге, как в Гамбурге... – Саша потрепал его по плечу:

– Трех миллионов долларов здесь не ожидается, но идея важнее денег... – он выбросил окурок на булыжную мостовую привокзальной площади: «Погнали».

Крутилась раскрашенная деревянная карусель викторианских времен. Игрушка работала на механическом заводе. Вертелись тонкие медные диски. В освещенной ночником детской играла старинная мелодия. Орла тихо подпела: «To see the fine lade upon the white horse...». Маленькая Эмили сладко зевнула:

– Завтра ты станешь леди, – девочка подложила руку Орлы себе под щеку, – ты красиво поешь, почти как тетя Адель... – с соседней кровати донесся мальчишеский голос:

– Не леди, а графиней Хантингтон. Пора выучить, в твои восемь лет... – Чарли высунулся из-за потрепанной книжки:

– Джон придет в военной форме или в визитке, – поинтересовался парень, – наверное, в форме, он теперь старший лейтенант... – Орла улыбнулась:

– Завтра и увидим. Что ты читаешь, милый, – Чарли поскреб в растрепанной, темноволосяй голове:

– Приключения англичанина в Южной Африке... – он показал Орле обложку, – это бабушка Джоанна написала... – девушка холодно подумала:

– Он тоже вырастет колонизатором. Англичане эксплуатировали африканцев так же, как они презирали и унижали ирландцев. То есть он не вырастет, – Орла спокойно ожидала завтрашнего дня, – завтра они все погибнут...

Эмили приподнялась, в ее светлых кудрях заиграл отсвет ночника: – Ты меня на год старше, – ядовито сказала девочка, – а путаешься в таблице умножения. В армии надо хорошо знать математику, будущий офицер Мэдисон. Дядя Джон с тобой занимается каждый день, но не в коня корм...

Чарли открыл рот, с порога спальни донесся ласковый голос:

– Милые, не ссорьтесь, – на Орлу пахло нежным запахом вербены, – пейте молоко и ложитесь спать... – в ногах у герцогини болтались черный кот и пара спаниелей. Кот вспрыгнул на кровать Эмили, собаки отправились к Чарли:

– Я побуду с ними, – ее светлость носила старый халат из шотландки, – дядя Джон лег, – Вера погладила Орлу по руке, – а ты прогуляйся, ты завтра должна быть самой красивой..., – герцогиня улыбалась, – впрочем, ты и так красивая. Джон не звонил..., – Орла поднялась:

– Звонил, – отозвалась девушка, – хотя такое не положено..., – она говорила с женихом днем:

– Вечером мы отправляемся на предсвадебный обед, – весело сказал граф Хантингтон, – а завтра в полдень мы с тобой встретимся у алтаря. Я не верю нашему счастью, любовь моя..., – юноша понизил голос, – в полдень мы увидимся, а пока я буду думать о тебе...

На пальце Орлы переливался крупный индийский сапфир, окруженный бриллиантами. Кольцо происходило из шкатулки Холландов:

– Обручальное кольцо тоже оттуда, – Орла задержалась на пороге комнаты, – и алмазная тиара..., – герцогиня помялась:

– Я вещь не носила, у нас с его светлостью, – Вера искала слово, – все прошло очень тихо. Он надеялся, что тиару наденет Полина, но видишь, как получилось..., – она пристроила коронку на голову Орлы, – хорошо, что у нас появилась ты, – Вера любовалась ее распущенными воронными волосами:

– Платье тебе очень идет, – заметила герцогиня, – шелк крепкий, ему всего шестьдесят лет, или около того..., – платье, правда, пришлось убавлять в талии.

Наряд эдвардианских времен, украшенный брюссельским кружевом, носила на своей свадьбе та самая бабушка Джоанна:

– Она была в интересном положении, – Вера немного смутилась, – тогда такое еще шокировало общество, как сейчас принято выражаться. Но вы правильно сделали, что решили подождать с детьми до свадьбы...

В Ньюкасле они пользовались, как говорил Джон, бонусной продукцией фабрики «К и К». Всем работникам полагалось несколько бесплатных упаковок презервативов. Орла могла пойти в благотворительную клинику за таблетками, но Джон поцеловал ее в нос:

– Нет нужды, это всего на несколько месяцев, милая. После свадьбы у нас родятся дети..., – Орла не собиралась рожать наследников британскому колонизатору:

– Он меня любит, – презрительно думала девушка, – но он мне не нужен, мне нужен только Александр..., – Джойс, как его звали в ИРА, обещал после взрыва отвезти Орлу в Ирландию:

– Мы тайно обвенчаемся, – дети пили молоко, герцогиня склонилась над вязанием, – и поселимся в Коннемаре. Он будет воевать за свободу нашей страны, а я и дети будем его ждать..., – из кармана халата герцогини торчала старая книжка. Вера перехватила ее взгляд:

– У дяди Джона отобрала, – смешливо сказала женщина, – «Индийский сапфир», читала ты...

За прошлый месяц Орла перечитала почти все слезливые, как думала о них девушка, романы викторианской писательницы, миссис ди Амальфи. В книге офицер и аристократ, командовавший подавлением восстания сипаев, влюблялся в дочь местного раджи:

– Она связана с борцами за свободу, – хмыкнула девушка, – она наполовину европейка, у нее голубые глаза, поэтому роман так и называется..., – аристократ обвенчался с девушкой, но в первую брачную ночь жена заколола его кинжалом:

– Она бежит в Европу и присоединяется в войскам Гарибальди, – вспомнила Орла, – сражается на стороне северян в гражданской войне, собирает для них сведения на Юге...

Сапфир закончила жизнь на виселице, получив смертный приговор от русского правительства за участие в польском восстании. Орла восхищалась такими девушками, но сама умирать не хотела:

– Нет, я хочу, чтобы у Александра появились дом и семья, чтобы ему было, куда возвращаться..., – она кивнула:

- Да. Кажется, это лучшая книга миссис ди Амальфи... – Вера задумалась:
- Наверное, ты права. Но дяде Джону больше нравится роман о взрыве в Зимнем Дворце... – часы пробили девять, ее светлость спохватилась:
- Я тебя заговорила. Беги, подыши свежим воздухом... – она добавила:
- Только возьми фонарик, в парке темно, – до парка Экзетеров электричество пока не добралось:
- Спокойной ночи, милые... – помахав детям, Орла осторожно закрыла дверь.
- В апартаментах герцогинь привычно пахло виргинским табаком и пряным сандалом. Джон предпочитал не заглядывать в свою спальню:
- Я слишком долго ночевал один, – признался он Вере, – надеюсь, ты не против такого переселения... – он собирался поселить в своих бывших комнатах сына. Пока граф и графиня Хантингтон собирались жить в городе:
- Здесь им будет скучно, – заявил Джон, – мы возим детей в школу, гуляем со спаниелями и подрезаем розы. Пусть они обживаются в особняке, а сюда приезжают на выходные... – Вера добавила:
- И в городе рядом Марта с Кларой, они всегда помогут девочке... – насколько они знали, Орла не хотела возвращаться на сцену. Маленький Джон тоже не намеревался опять заниматься, как говорил герцог, активной работой:
- Пусть он сидит в аналитическом отделе на Набережной, – заметил старший Джон, – голова у него на плечах хорошая, Марта им довольна... – Вера осторожно кашлянула:
- Он читает академические журналы, милый, по истории, по археологии. Может быть, ему пойти в Кембридж? Ему двадцать три года, еще не поздно начать научную карьеру... – герцог отозвался:
- Он их читает тоже ради аналитики, милая... – мальчик несколько раз показывал ему статьи Адольфа Ритберга:
- У нас нет никаких доказательств, что господин Ритберг фон Теттау действительно фон Рабе, – напомнил сыну Джон, – он себя перекроил так, что его никто не узнает. Скажи спасибо, что ты не натолкнулся на младшего брата на Ближнем Востоке. Адольф не пощадил тебя в Марокко, не пощадит и сейчас... – редкие весточки от Фриды были неутешительными:
- Макс пропал с радаров, – нацепив на нос очки, герцог изучал растрепанную папку, – Фрида не знает, куда он делся, а Адольф тоже, по ее словам, молчит... – они внимательно проанализировали инцидент в Гамбурге и случившееся в Париже. Джон согласился с Мартой:
- Не стоило звонить дяде Джованни в Вену, – вздохнул герцог, – ему почти восемьдесят лет. Пусть он вернется в Лондон и все услышит от нас... – о смерти Лауры пока знали только старшие, как о них думал герцог:
- Джо останется до осени в Париже, – вспомнил он, – Пьеру станет легче. Эмиль с Мартой и Волком приедут на похороны, они помогут парням. И дядя Джованни крепкий человек, последний из того поколения. Он справится, хотя он потерял младшую девочку... – герцог поморгал единственным глазом. Ему все равно казалось, что Полина жива:
- Павел видел ее и Лауру в Буэнос-Айресе, –он вздохнул, – но в лагере Че их не было, и Августин тоже не встречал их в Адлерхофе. Где они сейчас, что с ними случилось... – Джон не хотел думать о худшем:
- Поэтому мы привязались к Орле, – понял герцог, – из-за пропажи моей девочки... – он чувствовал вину перед дочерью: –Я не любил Циону и часть этой нелюбви перенес на малышку... – понял герцог, – я виноват в том, что Полина сбежала из дома... – он заставил себя вернуться к ирландской папке, брошенной на шелковое покрывало. Он аккуратно внес туда сведения об обладателе южноафриканского акцента, так называемом Борове, или Роланде де Витте:

– Он и Герберт Штрайбль, – хмыкнул Джон, – организаторы гамбургского ограбления, убийцы четы Кампе. Но немецкая полиция рассмеется нам в лицо, буде мы передадим им информацию о Штрайбле..., – сведения исходили от Магдалены Брунс, с которой пока не сняли психиатрического диагноза:

– Но и когда его снимут, это случится не задним числом, – понял Джон, – любым ее показаниям до официального консилиума грош цена..., – арестованные боевики ИРА подтвердили участие Борова в тамошних акциях против британцев:

– Он не левак, каким притворялся Маленький Джон, – герцог прислушался, – он приехал в Ирландию набраться опыта работы в подполье..., – ему всегда нравилась легкая походка Веры:

– Эмма ступала похоже, – он вспомнил маленькую квартирку во Франкфурте, – мальчик так хочет назвать дочку..., – скинув халат, Вера нырнула в постель рядом с ним. Герцогиня устроила вышитый мешочек с вязанием и книгу на персидском ковре рядом с кроватью:

– Дети спят без задних ног, – ласковая рука коснулась щеки Джона, – Орла погуляет и тоже ляжет. Нам надо отдохнуть, завтра долгий день..., – сняв очки, он поцеловал подвернувшуюся под губы светлую прядь волос, слегка подернутых сединой:

– Отдохнем, – весело согласился Джон, – в нашей обычной манере..., – Вера потерлась головой о его плечо, он добавил:

– Я тебя люблю. Я это говорил после ужина, но с тех пор прошло много времени..., – папка полетела на ковер с его стороны постели:

– Был еще какой-то Джойс, – вспомнил Джон, – кажется, приятель Борова..., – арестованные боевики о Джойсе говорили глухо, но Джон считал, что ирландец заведует идеологической работой в ИРА:

– Мы должны вести войну на истощение противника, – в папке лежала недавняя листовка из Белфаста, – основанную на причинении как можно большего количества смертей, – герцог решил:

– Пошло оно все к черту. Потом я подумаю, как отыскать этого Джойса. Сейчас я хочу заняться другим..., – старинные напольные часы хрипло пробили десять. Внизу заметался луч фонарика. Насторожившись, Джон успокоил себя:

– Орла вернулась с прогулки, вот и все..., – обнимая Веру, он забыл о неизвестном ему Джойсе.

В дальнем углу парка, за небольшим кладбищем, где стояли обелиски замковым собакам и лошадям, гранитная ограда георгианских времен осыпалась. Первым лазейку нашел ныне покойный генерал Кроу. Подростком, бегая на танцы в Банбери, Ворон предпочитал возвращаться именно по этой тропинке.

Ночь оказалась неожиданно холодной. Орла обрадовалась, что взяла с собой старую кашемировую шаль. Ветер рвал платок с ее плеч. В разрывах туч виднелось звездное небо. За мшистыми камнями ограды блеснул яркий луч. Орла заторопилась вперед. Не желая рисковать подозрениями старого герцога, она не гуляла больше получаса:

– Но я приучила их к тому, что мне нужен свежий воздух, – усмехнулась девушка, – Вера считает, что прогулки полезны для здоровья..., – Орла несколько раз выбиралась в Банбери с герцогиней и детьми. Их машину всегда сопровождала вторая, с охранниками:

– Раньше в городок ездили на карете или ландо, – объяснил ей будущий свекор, – экипажи стоят в гараже, лошади у нас хорошие, но безопасней использовать баржу, – он улыбнулся, – и это красивее..., – борта «Чайки» украсили гирляндами цветов. Церковь стояла на берегу канала. Викарий показал Орле дорожку, ведущую от воды к храму:

– Сюда тоже принесут цветы, – пообещал священник, – венчание скромное, но каждой невесте хочется чувствовать себя особенной..., – он успокаивающе заметил:

– Что касается вашей католической веры, то все мы дети Христовы, мисс О’Коннор. Никаких препятствий к церемонии в этом нет..., – Орла зло подумала:

– Детей они не дадут вырастить католиками. У герцога Экзетера не может быть таких внуков..., – девушка напомнила себе, что никаких детей у нее не родится:

– То есть родятся, но с Александром, – луч несколько раз мигнул, она щелкнула кнопкой фонарика, – завтра мы окажемся на пути домой, а колонизаторы понесут заслуженное наказание...

От девушки пахло свежим ветром, зеленью парка. Саша поцеловал ее мягкие губы:

– Все готово, милая, – он кивнул на припаркованную поодаль машину, – я здесь с нашими друзьями. Мы проверили церковь, с зарядами все в порядке. Тебе надо будет включить рацию, – Саша передал ей пульт, – вещичка небольшая, спрятать ее не составит труда..., – резиновые сапоги Орлы чавкнули в луже. Саша легко подсадил ее на камни:

– Смотри, – Скорпион устроился рядом, – канал один, – он указал на рычажок, – рация сработает автоматически. Мы должны знать, когда баржа окажется рядом с пристанью, чтобы вовремя привести в действие заряды, установленные в церкви..., – он смешливо подумал, что мог бы сейчас заговорить по-русски:

– Она все равно бы ничего не заметила, – понял Скорпион, – у нее шальные глаза. Она думает только об одном..., – ему, тем не менее, надо было удостовериться, что все пройдет по плану.

Завтра утром в Банбери из Лондона приезжало несколько боевиков ИРА, во главе с парнем, устанавливавшим взрывчатку на барже. Парни собирались наблюдать за акцией, обосновавшись с пивом на террасе выходящего на канал старинного паба. Они решили, что Орла станет небольшой потерей:

– Она хорошая медовая ловушка, – заметил Саша, – однако красивых девушек много, на ее место встанет кто-нибудь другой. Видите, – наставительно заметил он, – вы потеряли бдительность, расслабились, и допустили в свои ряды агента британцев». Если бы не я, – Саша поднял палец, – его бы никто не разоблачил..., – парни из ИРА предлагали ликвидировать так называемого Джонатана Брэдли еще в Ньюкасле. Первым акцию вызвался провести Боров:

– Подонок меня обманывал, – южноафриканец раздул ноздри, – я не могу такого спустить с рук. И надо сообщить нашим арабским друзьям, что в их рядах процветала крыса..., – Саша пожал плечами:

– Зачем? Скоро он все равно будет мертв..., – Саша не сомневался, что наследный герцог встретит невесту на пристани, – а что касается Ньюкасла, то не надо торопиться. Мы одним камнем убьем несколько птиц, в том числе наиболее важную для нас, старого герцога..., – Саша с удовольствием ждал смерти проклятого 880:

– Наконец-то мы отомстим ему за все, – он усмехнулся, – и его сын тоже погибнет. Если бы вместе с другими птицами удалось избавиться от М и Волкова, бы было бы еще лучше...

Боров хотел связаться с Ближним Востоком после акции. Кроме южноафриканца никто из парней не знал безопасного телефона, который использовали арабы:

– Пусть рапортует о смерти предателя, – зевнул Саша, – мне важнее забрать отсюда моего мальчика, а эти птицы пусть подышают, – одна из птиц сейчас сидела перед ним:

– Давай руку, – он взял нежные пальцы Орлы, – поверни рычажок, когда баржа окажется рядом с пристанью. Я тебя услышу, а дальше все будет в порядке..., – машина погудела. Саша поцеловал ее в нос:

– Не стоит надолго здесь задерживаться, милая, чтобы они, – Скорпион кивнул в сторону темной громады замка на холме, – не насторожились...

Им с Боровом предстояло сделать четыреста километров на север. Тюрьма, где пока сидела Пиявка, находилась на отдаленных пустошах, почти у шотландской границы:

– Но оттуда удобнее добираться до Ирландии, – понял Саша, – ладно, пора двигаться..., – его ждали несколько часов за рулем:

– Ни о чем не волнуйся, – ласково повторил он, – завтра я буду рядом. Я тебя люблю, милая, я горжусь тобой..., – Орла потянулась к нему:

– Я всегда буду любить тебя, – он услышал стук сердца девушки, – всегда, пока ты жива.

По дороге в Банбери Волк думал о дочери и сыне. Размеренно гудел мотор Бентли, Марта дремала на пассажирском сиденье. Жена шутила, что засыпает мгновенно, словно ребенок:

– Так и есть, – подумал Волк, – едва она закрывает глаза, как начинает посапывать. Господи, мы больше двадцати лет вместе, если считать с сорок пятого года..., – взглянув в зеркало заднего вида, он украдкой коснулся маленькой руки Марты:

– Джон, кажется, тоже отдыхает, – весело хмыкнул Волк, – вчерашнее шампанское не прошло для него зря..., – проводив лейтенанта Кроу в Бриз-Нортон, они вернулись за столик действительно неплохого французского ресторана неподалеку от Линкольнс-Инн:

– И заказали еще бутылку бордо, а с десертом выпили сотерн, – он свернул под щит со стрелкой «Банбери» – я бы тоже не отказался поспать..., – старший лейтенант танковых войск устроился сзади, в компании шляпных коробок и чехла с платьем Марты:

– В церкви я переоденусь, – жена села в машину в льняном летнем костюме, – но тебе и Джону придется помять визитки...

Внимательно осмотрев Волка, Марта поправила бутоньерку в его петлице:

– Джону ты застегнешь пуговицу на форменном кителе, – Волк не мог не улыбнуться, – или он пойдет к алтарю в штатском..., – за вчерашним обедом юноша признался, что пока ничего не решил:

– У тебя в шкафу висят два наряда, – поддразнил его Волк, – больше, чем у самой невесты..., – Джон остановился на визитке и цилиндре. Волк понимал причину такого выбора:

– Орла ирландка, – вздохнул он, – а наша армия расквартирована на исконных ирландских территориях, в Белфасте. Парень деликатен, он не хочет, чтобы невеста чувствовала неловкость..., – летом Волк заметил старшему Джону, что не собирается защищать арестованных ирландцев:

– Можешь не волноваться, – сказал он за деловым обедом, – я специализируюсь на трудовых спорах и делах о дискриминации, политика не моя стезя..., – герцог отозвался:

– Учитывая, что Енох Пауэлл считает тебя своим личным врагом, я бы не делал столь далеко идущих обобщений..., – Волк пыхнул сигарой:

– Пауэлл расист, – просто сказал он, – а что касается моей роли в принятии закона о расовых отношениях, то там поработал не один я..., – в начале года лейбористское правительство провело через парламент билль о запрете на дискриминацию по расовому признаку:

– Давно пора, – добавил Волк, – недавние иммигранты не могут снять квартиры, потому что домовладельцы им отказывают..., – член теневого кабинета консерваторов Пауэлл выступил с речью в Бирмингеме, где, по выражению Волка, были собраны все стереотипы об иммигрантах:

– Якобы в будущем нас ждут реки крови, – за обедом он помахал газетой, – обычная расистская чушь..., – теневой премьер-министр Хит уволил Пауэлла из кабинета. Рабочие верфей и мясники с рынка Смитфилд подали в парламент петицию с протестом и объявили забастовку:

– После чего Пауэлл и позвонил мне, – подытожил Волк, – а я ему ответил, что не собираюсь представлять в суде расистов, будь они хоть трижды рабочими. Он обозвал меня ленивым поляком и бросил трубку..., – Волк поднял бровь, – в конце концов, моя покойная матушка была именно из Польши..., – герцог взял у него сигару:

– Семьдесят пять процентов населения Британии поддерживает точку зрения Пауэлла, – угрюмо сказал старший Джон, – у нас работы столько же, сколько в Америке, пусть мы и не вво-

дили официальную сегрегацию..., – Волк старался не возвращаться мыслями к Максиму и Маше:

– С мальчиком все понятно, – впереди показалась обнесенная колоннадой звонница церкви, – осенью я полечу с Мартой в Стокгольм и мы проводим его на родину. Вернее, он родился в Непале..., – в Британии место рождения сына ни у кого вопросов не вызывало:

– В СССР он станет москвичом, – Волк погудел машине охраны, – ладно, парень пошел в меня и Марту, он справится..., – Волк верил в то, что его дочь жива:

– И внук тоже, – он заглушил машину, Марта потянулась, – хотя, если Феденьку отдали Журавлевым, мы можем никогда ничего не узнать о мальчишке..., – ему пришло в голову, что и Джон и Джованни теперь потеряли дочерей:

– Не потеряли, – уверенно сказал себе Волк, – Маша вернется домой и девочки вернуться. Но понятно, почему старший Джон привязался к Орле, он видит в ней Полину...

Волк предполагал, что пока безымянный мальчик Густы станет для него и Марты кем-то вроде внука:

– Мы его воспитаем, – он помог Марте выйти из машины, – но, может быть, ее величество помилует Густы и парнишка вырастет с матерью..., – на стоянке у церкви припарковали всего две машины:

– Здесь только мы и охранники, – зеленые глаза жены обшарили территорию, – больше поблизости взяться некому и неоткуда, храм оцеплен..., – колокола церкви молчали, однако над дорожкой, ведущей к реке, развевались ленты белого шелка:

– Отлично все украшено, – Марта порылась в сумочке крокодиловой кожи, – Чайка, – она вытащила портативную рацию, – Чайка, я М, прием..., – наследный герцог стоял с открытым ртом. Рация затрещала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.